

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Middle East studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 24

Saratov State University
2022

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 24

Саратовский государственный университет
2022

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2022. – Вып. 24. – 207 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Борисова А.В. (Ярославль).

Тильзитский мир как зеркало политики императора Александра I (по письмам Ф.С. Лагарпа)..... 9

Верченкова В.В. (Екатеринбург, Москва).

Столетие осады Тулона 1793 г. в британской прессе..... 17

Горбачев Д.В. (Саратов).

Политико-правовая концепция И.А. Фесслера 32

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

Гунько А.А. (Саратов).

Жизнь в оккупированном городе: о тифе в Гамбурге в 1814 г. глазами Э. Кампэ 43

Тотфалушин В.П. (Саратов).

Пожертвования в Саратовском Поволжье «на пользу воинов» Крымской войны 55

Кокоулин В.Г. (Новосибирск).

Освободительное движение в России во второй половине XIX в. в исторической памяти постсоветской России..... 66

Милевский О.А. (Сургут).

Без вины виноватые: процесс В.Е. Малавского и его товарищей в Киевской соединенной палате 6–8 июля 1879 года..... 75

Власов А.Е. (Калуга).

Революционная деятельность Н.Н. Вашкова – будущего разработчика плана ГОЭЛРО и действия политической полиции Российской империи по ее пресечению в конце XIX – начале XX вв..... 97

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

Еремин В.С. (Саратов).

Армия антифранцузской коалиции глазами британского путешественника Джеймса Симпсона в 1815 г. 114

<i>Галямичев А.Н.</i> (Саратов).	
Т.Н. Грановский в произведениях русских писателей.....	126
<i>Кочукова О.В.</i> (Саратов).	
Повесть В.И. Дмитриевой «Доброволец» (1889): опыт художественной реконструкции биографии и мировоззрения «героического поколения» 1870-х годов.....	135

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Мокшин Г.Н.</i> (Воронеж).	
Проблема концептуализации истории революционно-народнического движения в Воронежской губернии: от возникновения до начала 1900-х гг.	154
<i>Лазарев Ю.В.</i> (Рязань).	
Защита диссертации как общественно-политическое событие (магистерская диссертация В.И. Семевского).....	164

БИОГРАФИКА

<i>Воронихин А.В.</i> (Саратов).	
«Богородица с револьвером» и своей верой: жизненные вершины Веры Фигнер	175
<i>Макарова В.Н.</i> (Уфа).	
А.А. Черданцев – естествоиспытатель, краевед, фармацевт, библиограф и музейщик	189

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Чернобаев А.А.</i> (Москва).	
Вспоминая о Николае Алексеевиче Троицком... ..	196
<i>Гладышев А.В.</i> (Саратов).	
Историческая память: становление и современное состояние изучения	200
Список аббревиатур и сокращений	205

CONTENTS

HISTORY, POWER, AND MASS CONSCIOUSNESS

- Borisova A.V.* (Yaroslavl).
The Tilsit world as a mirror of the policy of Emperor Alexander I
(by letters of F. S. Lagarp)..... 9
- Verchenkova V.V.* (Ekaterinburg, Moscow).
Centenary of the siege of Toulon 1793 in the British press..... 17
- Gorbachev D.V.* (Saratov).
Political and legal concept of I.A. Fessler..... 32

THE MEMORY ABOUT CONFLICT OR THE CONFLICTS OF MEMORY

- Gunko A.A.* (Saratov).
Life in an occupied city: about typhus in Hamburg in 1814 through
the eyes of E. Campe..... 43
- Totfalushin V.P.* (Saratov).
Donations in Saratov Volga region «on the benefit of the warriors»
of the Crimean war 55
- Kokoulin V.G.* (Novosibirsk).
Liberation movement in Russia in the second half of the XIX cen-
tury in the historical memory of post-soviet Russia..... 66
- Milevsky O.A.* (Surgut).
Wrongly accused: V.E. Malavskiy's AND his comrades judicial
processing Kiev united chamber 6-8 July, 1879..... 75
- Vlasov A.E.* (Kaluga).
The revolutionary activity of N.N. Vashkov and the actions of the
political police of the Russian Empire to stop it in the late XIX -
early XX centuries 97

IMAGES OF HISTORICAL EVENTS IN LITERATURE, PAINTING, CINEMA

- Eremin V.S.* (Saratov).
The coalition forces through the eyes of the british traveler James
Simpson in 1815..... 114
- Galyamichev A.N.* (Saratov).
T.N. Granovsky in the works of russian writers 126

Kochukova O.V. (Saratov).

The story of V.I. Dmitrieva «Volunteer» (1889): experience of artistic reconstruction of biography and worldview «heroic generation» of the 1870S..... 135

SURVEYS, REVIEWS, ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

Mokshin G.N. (Voronezh).

The problem of conceptualization of the history of the revolutionary Narodnik's movement in the Voronezh governorate: from its inception to the early 1900S..... 154

Lazarev Yu.V. (Ryazan).

Dissertation defense as a socio-political event (master's thesis by V.I. Semevsky)... 164

BIOGRAPHY

Voronikhin A.V. (Saratov).

«The virgin with a revolver» and her faith (the life peaks of Vera Figner)... 175

Makarova V.N. (Ufa).

A.A. Cherdantsev – natural scientist, local historian, pharmacist, bibliographer and museum worker... 189

PUBLICATIONS

Chernobaev A.A. (Moscow).

Remembering Nikolai Alekseevich Troitsky..... 196

Gladyshev A.V. (Saratov).

Historical memory: formation and current status of study..... 200

The list of abbreviations and reductions 205

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(47)

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР КАК ЗЕРКАЛО ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I (ПО ПИСЬМАМ Ф.С. ЛАГАРПА)

А.В. Борисова¹

ЯрГУ имени П.Г. Демидова

e-mail: avb_hist@mail.ru

Статья посвящена изучению взглядов Ф.С. Лагарпа на внешнюю политику, проводимую императором Александром I. Исследование проведено на основе изучения источников личного происхождения - писем Ф. Лагарпа к российскому императору. Рассматривается взаимосвязь таких факторов, как личностные качества царя и особенности реализации внешнеполитического курса. Статус швейцарского наставника и его влияние на императора, позволяли ему открыто высказывать свою точку зрения на внешнюю политику Российской империи в годы Наполеоновских войн. Он порой открыто критикует действия своего бывшего воспитанника, его приближенных, военных и гражданских служащих, указывает на ошибки дипломатического ведомства России. Особый акцент в статье сделан на трансформации взаимоотношений Санкт-Петербурга с западноевропейскими державами после заключения Тильзитского мира в 1807 г. и реакции на это событие Лагарпа. В результате изучения проблемы были сделаны выводы о том, что взгляды европейца, просвещенного гражданина имели ряд особенностей и отражали представления определенных кругов иностранных деятелей о внешней политике России.

Ключевые слова: император Александр I, Ф.С. Лагарп, программа европейской политики, Тильзит, Наполеон.

THE TILSIT WORLD AS A MIRROR OF THE POLICY OF EMPEROR ALEXANDER I (BY LETTERS OF F.S. LAGARP)

A.V. Borisova

(Yaroslavl, Russia)

e-mail: avb_hist@mail.ru

The article is devoted to the study of F.C. de la Harpe's views on the foreign policy pursued by Emperor Alexander I. F.C. de la Harpe's letters to Alexander I became the main sources of this study. The interrelation of such factors as the personal qualities of the

¹ Борисова Алина Владимировна (Ярославль), к.и.н., доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

emperor and the peculiarities of the implementation of the foreign policy course is considered. The status of a Swiss mentor and his influence on the emperor allowed him to openly express his point of view on the foreign policy of the Russian Empire during the years of the Napoleonic Wars. Sometimes he openly criticizes the actions of his former pupil and his associates, military and civil servants, points out the mistakes of the Russian diplomatic department. Particular emphasis in the article is placed on the transformation of relations between St. Petersburg and the Western European powers after the conclusion of the Treaty of Tilsit in 1807 and de la Harpe's reaction to this event. As a result of studying the problem, conclusions were drawn that the views of a European, an enlightened citizen had a number of features and reflected the views of certain circles of foreign figures about Russia's foreign policy.

Key words: Emperor Alexander I, F.C. de la Harpe, European policy programme, Tilsit, Napoleon.

Публикация обширной переписки Александра Павловича и Ф.С. Лагарпа² дала возможность изучать многочисленные аспекты политической жизни европейских держав на протяжении конца XVIII – первой трети XIX в. Большое значение имеет эта публикация и для исследований в русле интеллектуальной истории. Система ценностей, приоритеты в частной и общественной жизни, взгляды на вопросы внутренней и внешней политики — все это представлено на страницах многочисленных писем в развитии.

Ф.С. Лагарп появился в жизни великого князя Александра Павловича, в общем-то, случайно. В марте 1784 г. Екатерина II передала план образования великих князей Александра и Константина, составленный ею лично, их главному наставнику Н. Салтыкову. Для изучения французского языка к старшему внуку был приглашен Ф.С. Лагарп. Уже в сентябре, благодаря своим талантам и стремлению подняться в глазах императрицы, иностранец становится главным воспитателем великих князей.

В течение дальнейших десяти лет Лагарп контролировал преподавание других предметов и вел собственные уроки. Швейцарец преподавал великим князьям: географию, астрономию, хронологию, математику, историю, нравоучение, правила закона гражданского, философию, древние языки и минералогию. Он видел своей главной задачей воспитание честного человека и просвещенного гражданина.

Отъезд Лагарпа из России не прекратил общение его с наследником престола. Александр Павлович до конца жизни с

² Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: в 3 т./ Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2017.

вниманием читал письма наставника, книги, которые тот ему присылал, рекомендации по совершенствованию различных сфер общественной жизни³.

Безусловно, тревожная обстановка в Европе, сложившаяся после 1805 г., не могла не беспокоить Ф.С. Лагарпа. Он считал, что западные границы России должны интересовать императора в первую очередь. Прежде всего, образование герцогства Варшавского означало вступление на путь восстановления Польского государства: «Неужели до такой степени Вас ослепили, что взираете Вы равнодушно на все происходящее...?»⁴.

Наставник императора был знаком с интригами при русском дворе, понимал относительную самостоятельность принимаемых царем решений. В каком объеме и качестве сведения по международным делам поступали на стол правителя - можно только предполагать. При этом, очевидно, что Лагарп недооценил волевой характер Александра I. Личное противостояние с Наполеоном требовало от российского императора вникать в особенности политической игры двух держав. Тильзитский мир – результат замыслов и многоуровневых ходов самого императора России.

Поражение русской армии под Аустерлицем было крушением честолюбивых надежд русского царя. Такое было сложно забыть. Превосходство Наполеона как талантливого полководца и политического деятеля уязвляло самолюбие Александра I. Российский император пытался последовательно реализовывать долгосрочные планы устройства Европы без Наполеона. Еще в апреле 1807 г. была подписана Бартенштейнская конвенция между Пруссией и Россией как основа антифранцузской коалиции. Для привлечения Англии статья 13 этой конвенции косвенно давала согласие на аннексию Великобританией французских колоний ещё до заключения мирного договора.

Понимая всю сложность противостояния усиливавшейся военной мощи Наполеона, Александр I писал матери: «Если какая-

³ Например, начиная военную кампанию 1814 г., Александр I писал Лагарпу, что, помня о наставлениях своего учителя, он теперь готов послужить делу «независимости Европы». См.: *Гладышев А.В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019. С. 61. Подробнее см.: *Андреев А.Ю.* Император и его учитель: личные и политические аспекты взаимоотношений Александра I и Ф.С. Лагарпа // *Филаретовский альманах*. 2012. № 8. С. 76-96.

⁴ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма... Т. 2. С. 414.

нибудь надежда на мир на континенте вероятна, то разве не путем единения между Россией и Францией можно надеяться осуществить ее? Нужно, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России; <...> Франция предпочтет дружбу России – войне или враждебным отношениям с ней, потому что, несмотря на превосходство своих сил, она уже испытала, насколько подобная борьба была тягостна для нее»⁵.

В письмах Ф. Лагарпа мы можем увидеть сформированную концепцию внешней политики России данного периода. Швейцарец указывал своему адресату на два направления действий – европейское и восточное. Он четко обосновывал преимущества и угрозы тех или иных действий российского правительства. Император, находясь в состоянии войн с Турцией и Персией не видел возможности прекратить их, а продолжать активные военные действия одновременно и против Наполеона было совершенно невозможно. В первую очередь с точки зрения финансов. В сложившихся обстоятельствах Александр I решил взять в борьбе с Наполеоном передышку и сосредоточиться на скорейшем решении восточных проблем.

Лагарп считал, что императора заманили в ловушку. Он высказывал однозначное неудовольствие действиями окружения императора: «Люди, которым поручено было Вам о событиях международных сообщать, их не заметили либо не имели довольно способностей, чтобы их по достоинству оценить. <...> Среди Ваших подданных и особенно среди Ваших вельмож есть недовольные, любители мятежей и смуты...»⁶. На наш взгляд, Лагарп недооценивал влияние Александра I на внешнюю политику в целом и деятельность дипломатов, в частности. Интриги и противоборство группировок при дворе, безусловно, не способствовали выработке оптимального курса в отношениях с Францией и Великобританией. Вместе с тем, император понимал всю сложность не только военного, но и финансового аспекта сложившейся ситуации.

Особое беспокойство Лагарпа вызывало охлаждение отношений России и Великобритании. Он полагал, что с падением островной державы в течение года будут разгромлены и Австрия, и

⁵ Шильдер Н.К. Накануне Эрфуртского свидания 1808 г. // Русская старина. 1899. Кн. 4. Апрель. С. 7.

⁶ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма... Т. 2. С. 425.

Россия. В то же время, швейцарец выражал надежду, что Англия сильна общественным духом, имеет значительное число деятельных граждан и потому выстоит. Указывал Лагарп и на преимущество Англии над Россией на морях: разрыв отношений мог угрожать русским потерей торговли на Белом, Балтийском и Средиземном морях.

Действительно, союзник по антинаполеоновским коалициям – Англия оказалась в эпицентре сложных политических ходов. Необходимо более подробно изучить систему связей двух держав для понимания происходивших процессов. Взаимовыгодная торговля России и Англии, безусловно, являлась важнейшим фактором внешнеполитических отношений. В мирное время ни одна сторона не только не отказалась бы, но даже не задумалась об ограничении поставок.

В условиях войны общий оборот взаимной торговли падал. Так, в 1806 г. он уменьшился со 103,4 млн. до 87,2 млн. рублей серебром⁷. Переговоры о возобновлении прежних отношений продолжались до подписания Тильзитского договора, но не привели к желаемым результатам.

В то же время, связи двух стран не ограничивались только торговлей теми или иными товарами. Со времен Екатерины II Россия активно пользовалась международными кредитами и займами. В разгар Наполеоновских войн в ноябре 1806 г. Александр I просил Англию о займе. Частные банкиры предложили невыгодные условия, и император вынужден был от соглашения отказаться.

Важнейший в изучаемый период аспект взаимоотношений – военная помощь. После разгрома франко-испанской эскадры в октябре 1805 г. Г. Нельсоном английские власти отправили на континент военные подразделения. Известие же о поражении коалиции под Аустерлицем привело к отзыву десанта. Ожидание помощи от английского флота после поражения русских войск под Фридландом тоже было напрасным. Александр I был крайне разочарован политикой Лондона. «Семена раздора между Англией и Россией, взошедшие в Тильзите, были посеяны уже во время кампании 1805 г.»⁸

⁷ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 43.

⁸ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962. С. 400.

О ходе переговоров в Тильзите написано немало трудов, поэтому пересказывать основные события встречи двух императоров в рамках данной статьи мы не будем. Обратимся к оценке новой, сложившейся по итогам переговоров, внешнеполитической ситуации. В июне 1807 г. в своем письме императрице Марии Федоровне русский посол в Вене и участник Тильзитских мирных переговоров князь А.Б. Куракин выражал надежду, что договор с Францией будет честен и выгоден для России⁹. Совсем иные впечатления высказывал Франц Сезар Лагарп.

Лагарп настоятельно и не первый раз советовал Александру I «сообщить дипломатии иной характер <...> упростить ее устройство и выбрать людей, достойных доверия, образованных <...> При министрах близоруких чиновники способные, но не родовитые, на продвижение рассчитывать не могут <...> так что вечно будут Россию представлять одни лишь пустышки дипломатические»¹⁰.

Лагарп анализировал последствия Тильзитского мира в комплексе внешнеполитического развития Европы. Он смело указывал императору на то, что Финляндию захватили несправедливо и оборонять ее будет слишком затратно. Достаточно откровенно, что было возможно именно иностранцу, была высказана мысль о боеготовности русской армии. Швейцарец обратил внимание царя на то, что военные силы в составе 60 тысяч человек воевали с противником, чьи силы составляли только 10 тыс. чел. «Подвиг воинский тут невелик». Лагарп уверяет, что об этом писали и европейские газеты «с иронией, особливо когда цитировали не без злорадства напыщенные рапорты господина Буксгевдена». Его оценка способностей военачальника оставляла желать лучшего: «Генерал для парадов, надменный и тщеславный, не имеющий ни талантов, ни опытности и творивший одни лишь глупости...»¹¹.

Лагарп четко понимал причинно-следственные связи тех или иных шагов правительств разных стран. Последствия Тильзитского мира он рассматривал не в отдельных сферах, а как перелом в политике Александра I в целом. «Декларация <...> о присоединении Финляндии <...> окончательно всех убедит в том, что слабым и угнетенным, а равно и идеям либеральным отныне от

⁹ Письмо с дороги от князя А.Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне от 14 июня 1807 г. // Российский архив. 1868. № 2. С. 195.

¹⁰ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма... Т. 2. С. 418.

¹¹ Там же. С. 411.

Александра Первого защиты ждать не приходится»¹². 28 апреля 1808 г. Лагарп писал, что декларация против Англии, подписанная Александром I, удивила всех. Независимая держава не должна так поступать. Россия заведомо взяла на себя обязательства, которые невозможно было выполнить.

Оценка событий, данная Лагарпом, практически совпадала с мнением М.М. Сперанского, который писал, что «вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром»¹³.

Швейцарец искренне или же лишь соблюдая этикет отмечал, что подписание столь выгодного для противника трактата было вызвано человеколюбием и осторожностью царя. Он полагал, что, если бы Александр I мог предвидеть дальнейшие события, то не стал бы подписывать этот мир.

Сегодня мы знаем, что император принимал, прежде всего политическое решение. Отправляясь в Тильзит, он знал расстановку сил и имел определенный план действий. Позже, в сентябре 1808 г., оправдываясь за осуждаемые в русском обществе мирные договоренности с Наполеоном, Александр I в письме к матери императрице Марии Федоровне писал: «Тильзит – это временная передышка, для того чтобы «иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы, <...> а для этого мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие.

Тильзитский мир мы вынуждены были заключить, и хотя это было сделано в силу чрезвычайных обстоятельств, но, при этом, первым побуждением при подписании его было стремление сберечь человеческую кровь и прекратить бедствия войны»¹⁴.

Восприятие Наполеона как темной силы очень ярко проявилось в период Отечественной войны 1812 г. Наглядная агитация изображала его с такими атрибутами представителей преисподней, как рога, копыта, длинный хвост. Примечательно, что в

¹² Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма... Т. 2. С. 412.

¹³ Сперанский М.М. Записка о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира. - URL: <http://www.museum.ru/museum1812/library> (дата обращения: 12.11.2021).

¹⁴ Шильдер Н.К. Ук. соч. С. 7.

письме от 16 мая 1811 г. Лагарп предупреждал Александра I: «Поклониться Сатане или быть им поверженным – вот единственный выбор, какой вам оставляют». Он писал, что «враг в лисьей шкуре более опасен, чем в львиной»¹⁵.

Понимая, что война не просто неизбежна, но очень близка, Лагарп укреплял дух Александра I, обращаясь к высоким примерам прошлого. Если в детские годы это были герои Древнего Рима, то теперь наставник надеялся, что принимаемые царем решения будут достойны Петра Первого.

Отдельно стоит отметить апелляцию к истории царского рода. Лагарп пишет о том, что в крови русского царя течет кровь Видункинда, вождя саксов, жившего в IX в. Родственные связи прослеживались по линии деда, Петра III и Екатерины II. Это династия Ольденбургского дома, которая вела свое происхождение от легендарного древнего германца.

Читая письма Ф.С. Лагарпа, мы можем выявить несколько направлений его размышлений: воспитательное, внутривластное, внешнеполитическое. Наставник до конца жизни Александра I сохранял должную дистанцию в общении с особой царской крови, хотя, видимо, полагал что император столь высок в своем сане, что по-человечески нуждается в собеседнике, который имел бы смелость говорить с ним искренне. Лагарп позволяет себе не соглашаться с Александром I, давать ему советы, даже указывать венценосцу на его ошибки.

Рассматривая ситуацию, связанную с заключением Тильзитского мира, Лагарп высказывает суждения европейца, смотревшего на Наполеона через призму событий в родной Швейцарии. Международные отношения Российской империи, интересы державы на Западе и Востоке воспринимались зачастую достаточно одномерно, теоретически. В то же время, проведенный Лагарпом анализ работы российских дипломатов и действий самого императора представляет большой интерес для понимания стратегии правительства в международных делах в указанный период.

УДК [94+355.441](449.3) | 1793 | :[070(410):323.215(44)] | 1893 |

СТОЛЕТИЕ ОСАДЫ ТУЛОНА 1793 Г.

¹⁵ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма... Т. 2. С. 493.

В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ*

В.В. Верченкова¹

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
email: viktoriaverchenkova@mail.ru

Роль исторической памяти в функционировании общества необычайно важна, поэтому историки давно уже стремятся изучить не только те или иные битвы, но и их место в исторической памяти народов, их символическое значение, их образы на страницах газет, учебников, в театральных постановках или кинематографе. Что касается эпохи Революционных и Наполеоновских войн, то она дает богатейший в этом отношении материал. В статье анализируется реакция британской прессы на празднование во Франции в декабре 1893 г. столетия осады Тулона. Эти торжества вызвали бурную и дружную реакцию со стороны британских журналистов, которые представляли их читателям как откровенную демонстрацию англофобии и русофильства. Высмеивая французские тревоги относительно присутствия англичан в Тамари, британские журналисты сами будоражили, то пугая, то успокаивая, общественное мнение рассуждениями относительно русско-французского союза и укрепления России и Франции в Средиземном море. Многочисленные сарказмы относительно поздравления тулонцев Уильямом Сондерсом и его товарищами демонстрируют абсолютное нежелание нести ответственность за поступки своих предков в далеком прошлом. И словно для того, чтобы французы не слишком радовались, им напоминали: весь ход мировой истории мог бы пойти иным путем, попади в 1793 г. под Тулоном английская пуля в сердце «маленького артиллерийского офицера».

Ключевые слова: Франция, Великобритания, историческая память, юбилей, осада Тулона, коммеморации.

CENTENARY OF THE SIEGE OF TOULON 1793 IN THE BRITISH PRESS*

V.V. Verchenkova

(Moscow, Russia)
email:viktoriaverchenkova@mail.ru

The role of historical memory in the functioning of society is extremely important, therefore, historians have long sought to study not only certain battles, but also their place in the historical memory of peoples, their symbolic meaning, their images on the pages of newspapers, textbooks, in theater productions or cinema. As for the era of the Revolutionary

¹ Верченкова Виктория Владимировна (Москва), младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-78-00078.

and Napoleonic wars, it provides the richest material in this respect. The article analyzes the reaction of the British press to the celebration in France in December 1893 of the centenary of the siege of Toulon. These celebrations caused a stormy and friendly reaction from British journalists, who presented them to readers as a frank demonstration of Anglophobia and Russophilism. Ridiculing French concerns about the presence of the British in Tamari, British journalists themselves excited, frightening or reassuring public opinion with arguments about the Franco-Russian alliance and the strengthening of Russia and France in the Mediterranean. Numerous sarcasms regarding the congratulations of the Toulonians by William Saunders and his comrades demonstrate an absolute unwillingness to bear responsibility for the actions of their ancestors in the distant past. And as if to prevent the French from being overjoyed, they were reminded that the whole course of world history could have gone a different way if, in 1793, near Toulon, an English bullet had hit the heart of a "little artillery officer".

Keywords: France, Great Britain, memory, anniversary, siege of Toulon, commemoration.

Роль исторической памяти в функционировании общества необычайно важна, поэтому историки давно уже стремятся изучить не только те или иные битвы, но и их место в исторической памяти народов, их символическое значение, их образы на страницах газет, учебников, в театральных постановках или кинематографе. Что касается эпохи революционных и наполеоновских войн, то она дает богатейший в этом отношении материал, что нашло, естественно, отражение и в историографии². Мы подойдем к проблеме коммемораций несколько с другой стороны: не как сами французы отмечали юбилей приятных для их сознания событий прошлого, а как противоположная сторона (англичане) реагировали на торжества французов.

18 декабря 1893 г. во Франции с блеском отпраздновали столетие осады Тулона 1793 г., в результате которой республиканские войска революционной Франции вернули город, ранее сдавшийся

²Waterloo. Lieu de mémoire européenne (1815-2000) / sous dir. M. Watelet et P. Couvreur. Louvain-la-Neuve, 2000; Forrest A., François E. War Memories. The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture. Basingstoke, 2012; Гладышев А.В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 46-52; Гладышев А.В. Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30-61; Гладышев А.В. Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Мономотапе // История и историческая память. Саратов, 2011. Вып. 3. С. 38-69; Гладышев А.В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5 -25 и др.

антифранцузской коалиции. Однако сами по себе события 1793 г. носили противоречивый характер, ведь многие французы после сдачи города пали жертвами якобинского террора. Поэтому хотя юбилейному мероприятию придали должную торжественность, чувствуя на нем храбрых солдат Республики, произнося патриотические речи и устраивая народные гулянья, не все во Франции отнеслись к этому празднику положительно. В газетах можно было встретить упреки в адрес правительства из-за отсутствия на фестивале представителей армии, которая сыграла главную роль в победе, а также флота³. Кроме того, в некоторых газетах отмечалось отсутствие упоминаний о Наполеоне, внесшем большой вклад в успешный исход кампании, в связи с чем даже возник вопрос, не сможет ли пробуждение бонапартизма напугать президента Карно?⁴

В некоторых газетах допускалась мысль, что военно-морской министр Лефевр не привлек к торжествам армию, чтобы не оскорбить самолюбие англичан⁵. Также было опубликовано послание мэра Ла-Сен-сюр-Мер (именно на территории этой коммуны в 1793 г. республиканцам удалось нанести окончательное поражение коалиции), о том, что единственная цель будущего мероприятия – «восславить великую борьбу прошлого, что не предполагает проявления враждебности по отношению к странам, которые сейчас являются нашими друзьями и так же, как и мы, заинтересованы во всеобщем мире»⁶.

Газета *Le Petit Var* опубликовала письмо от англичан, отдохнувших на соседнем с Тулоном курорте Тамари:

«Гранд Отель Тамари, декабрь 1893 г.

Господин Редактор,

Мы, нижеподписавшиеся англичане, хотим поздравить французов с историческим событием празднования столетия возвращения Тулона. Мы хотим снять с себя всякую ответственность за нападение, совершенное в прошлом столетии английским правительством на французскую нацию, которая боролась за свободу. Мы ваши хорошие друзья.

³ L'Intransigeant. 1893. 19 décembre. № 4906; L'Autorité. 1893. 20 décembre. № 354; Le Mot d'ordre. 1893. 21 décembre. № 318.

⁴ L'Autorité. 1893. 20 décembre. № 354.

⁵ Le Mot d'ordre. 1893. 21 décembre. № 318.

⁶ Le Petit Provençal. 1893. 11 décembre. № 6185.

Уильям Сондерс, член английского парламента, Джордж Берд М.Д., А.Л. Берд, С.Э. Сондерс, Э. Спендер».

Далее редактор газеты от себя добавил: «От имени всех наших соотечественников мы выражаем искреннюю благодарность авторам этого письма за столь трогательное выражение сочувствия»⁷.

В номере *Le Petit Parisien* отмечалось, что на празднике были замечены многочисленные представители английских семейств, живших в Тамари, причем многие из них вдели в петлицы трехцветные ленточки⁸. Цель празднества состояла не в том, чтобы настроить французов против англичан, а в том, чтобы продемонстрировать единство нации, преимущества республиканского строя и его прочность.

Однако при чтении английской прессы возникает впечатление, что англичане увидели в этих мероприятиях совсем иной смысл. Ведь во французских газетах все заголовки гласили, что празднуется освобождение Тулона от англичан, а не чествуется, например, доблесть республиканских солдат. И английская пресса на это прореагировала. Тем более что за сто лет до того действительно именно англичане потерпели поражение. Как сегодня пишет английский историк Алан Форрест, победы всегда отмечаются военными парадами и публичными церемониями, спортивными состязаниями и фейерверками, но тех, кто проигрывает битвы, часто предают забвению или обвиняют в произошедшей катастрофе⁹. Во время осады Тулона англичане совершили много ошибок, а бегство из города союзников было таким поспешным, что вряд ли у них осталось воспоминание об этом событии, как о «славном поражении».

Разумеется, в периодических изданиях Британии этот сюжет описывали не столь ярко и подробно, как во Франции. В основном газеты перепечатывали эту новость, но, тем не менее, у людей, читавших об этом мероприятии, складывался его определенный образ. Кроме заголовка «Столетие осады Тулона», достаточно часто в

⁷ *Le Petit Var*. 1893. 17 décembre. № 4802.

⁸ *Le Petit Parisien*. 1893. 18 décembre. № 6261.

⁹ Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2021. С. 211. О том, как какие схватки разгораются за историческую память о сражении после самого сражения см.: Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2019. Вып. 18. С. 167-182.

газетах встречались и такие: «Антианглийская демонстрация в Тулоне», «Воинственная речь депутата», «Англофобия во Франции».

В основном делался акцент на речи депутата Франсуа Делонкла, произнесенной по поводу праздника в Тулоне. Делонкл был известен своей нелюбовью к англичанам и критическими высказываниями в отношении Британии – главного конкурента Франции в колониальной политике. Он считал, что Франция должна стремиться прежде всего к созданию франко-русского союза. Если она не сможет сделать это, то лишь тогда она должна действовать так, чтобы заслужить доверие Англии. Раз Франции удалось завоевать уважение Германии и других держав, то не следует ей заискивать и перед Англией – непримиримым врагом французского народа. Англия имеет право на восхищение как нация, но, если она хочет стать другом Франции, то должна прекратить вызывать недовольство французского народа, должна выполнять свои обязательства и не заключать союзы на суше и море против Франции¹⁰.

Эта речь перепечатывалась во многих английских газетах, акцентировавших англофобские настроения, проявившиеся в ходе юбилея, хотя, естественно отнюдь не все французы были настроены столь радикально, как депутат Франсуа Делонкл. В некоторых британских газетах к цитатам из его речи также добавлялась фраза о необходимости для Англии покинуть Египет¹¹. В одной газете прозвучал интересный комментарий, что эти предполагаемые союзы против Франции существуют только в голове г-на Делонкла, и хоть «французское невежество» во внешней политике общеизвестно, его фантастические выдумки серьезно обсуждаются некоторыми французами, которые твердо верят, что г-н Клемансо является платным агентом британского правительства. Как в данной связи заявил в Палате общин английский политический деятель сэр Чарльз Дилк, Англия является самой непопулярной державой в мире, за исключением Китая. Секрет этой непопулярности, полагал он, заключается в том, что англичане категорически

¹⁰ Pall Mall Gazette. 1893. 18 December. № 8967.

¹¹ Shields Daily News. 1893. 18 December. № 9132; Evening Herald (Dublin). 1893. 18 December. № 302; Nottinghamshire Guardian. 1893. 23 December. № 2536; Derby Daily Telegraph. 1893. 18 December. № 4437; Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1893. 18 December. № 11578; Cambria Daily Leader – Swansea. 1893. 18 December. № 3316.

отказываются расстраиваться из-за «абсурдных фантазий своих соседей»¹².

Столетие осады Тулона совпало с двумя другими событиями, которые тогда же освещались в английской прессе – празднествами в честь заключения франко-русского союза и продажей курорта Тамари англичанам.

Относительно союза между Францией и Россией писали, что «мир содрогнулся при виде галльского петуха и русского медведя, оказавшихся в объятиях друг друга и призывающих богов и людей в свидетели своего кровного братства»¹³. В Тулоне французский флот принял как гостей и союзников корабли российской эскадры. Этот визит не имел непосредственного военного значения, и, напротив, сопровождался заявлениями о мире в Европе, но, тем не менее, Великобритания не могла относиться равнодушно к данному событию, позволившему Франции показать свою значимость в Средиземноморье. К тому же, в Британии опасались, что несмотря на мирный характер демонстрации дружеских отношений двух флотов, она могла указывать на возможность их будущего сотрудничества в военной сфере. Масла в огонь подлил британский журналист Уильям Лэрд Клоуз, который отмечал, что, когда он покидал Тулон в конце октября, там находилось достаточно кораблей, чтобы выйти и встретить всю британскую средиземноморскую эскадру с более чем реальными шансами победить ее¹⁴.

В газетах сообщалось, что соседи Великобритании по ту сторону Ла-Манша сами дают основания для тревоги, в частности упоминалось об усилении и обновлении французского флота. Вместе с тем, отмечалось, что новые британские корабли будут построены и введены в эксплуатацию намного раньше, чем корабли Франции и России¹⁵. Также авторы статей успокаивали читающую публику тем, что новые французские суда предназначены лишь для замены старых деревянных и, следовательно, их ввод в строй не приведет к увеличению флота в целом. Некоторые газеты отмечали, что г-ну Клемансо, который совсем недавно был самым популярным человеком во Франции, удалось привлечь внимание

¹² Illustrated London News. 1893. 30 December. № 2854.

¹³ Chard and Ilminster News. 1893. 23 December. № 1014.

¹⁴ York Herald. 1893. 02 December. № 13260.

¹⁵ Globe. 1893. 22 December. № 30749. Англия придерживалась правила «иметь численность флота, равную сумме флотов двух следующих за ней морских держав».

французов к состоянию их военно-морского флота. «Французская общественность искренне напугана, узнав, что их миноносцы ничего не стоят, что некоторые из их броненосцев оснащены котлами, которые постоянно находятся на грани взрыва, что на другие корабли нельзя положиться за пределами гаваней и что весь французский флот испытывает катастрофический недостаток в офицерах¹⁶. Эта выдержанная в успокоительном тоне статья была исключением среди множества других, проникнутых паническими настроениями.

Проводились параллели с Тулоном 1793 г.: оценивали гавань и порт города, состояние флота. Отмечалось, что в 1793 г., когда англичане смогли захватить порт, французы не были едины, даже их флот не был полностью лоялен республиканскому правительству. Теперь же, считали газетчики, существует совершенно иное положение вещей: хотя французы по-прежнему придерживаются разных мнений по многим вопросам, они абсолютно едины в том, что касается одного из важнейших национальных интересов Франции (речь шла о Средиземноморье). В газетах приходили к выводу о том, что современный Тулон представляет для англичан еще большую опасность, чем за сто лет до того, поскольку там имеется гораздо большая верфь, больше ресурсов, город гораздо лучше укреплен. И если Средиземноморье вновь станет ареной морской кампании, арсенал и флот Тулона будут оказывать такое влияние на ход событий, ограничить которое можно будет только подавляющим превосходством в силах. Всегда существует вероятность того, что Англия может оказаться в состоянии войны с Францией. Независимо от того, насколько реальна эта возможность, англичане не могут позволить Франции или любой другой державе приобрести господство в Средиземном море, которое принадлежит Британии и необходимо ей¹⁷. «Если мы потеряем это положение, мы потеряем вместе с ним наше звание передовой нации земного шара – ведущей благодаря размерам нашей торговли, нашей империи и нашего влияния. Это – священное достояние, но оно может быть сохранено только путем поддержания нашего превосходства на море»¹⁸.

Писали также, что значимость отношений Франции с Россией намного больше, чем может показаться на первый взгляд.

¹⁶ Illustrated London News. 1893. 30 December. № 2854.

¹⁷ York Herald. 1893. 02 December. № 13260.

¹⁸ York Herald. 1893. 02 December. № 13260.

Недавний «визит вежливости» во французские воды, по мнению британских журналистов, был первым шагом на пути к созданию постоянной российской эскадры в Средиземном море.

Усиление военно-морского флота Франции беспокоило Англию. В одной газете писалось о том, что, если Англия потерпит поражение от Франции, первой торговой державой станет Германия. Действия же Франции могут привести к нарушению баланса сил. Отмечалось, что главная точка опоры британской позиции в Европе находится в Средиземном море¹⁹.

Газетная статья под названием «Тулон все еще взволнован» сообщала о том, что, казалось бы, жители Тулона после визита русских кораблей насытились весельем и празднествами на долгое время. Однако, оказывается, крики и шествия по улицам так же необходимы для их здоровья и счастья, как воздух. Всего сто лет назад англичане были вынуждены покинуть Тулон и уйти в море под огнем французских батарей. И хотя испанцы были изгнаны так же, как и англичане, отмечала газета, жители Тулона не считают нужным вспоминать об этом. Они, очевидно, сознательно устроили антианглийскую демонстрацию вслед за празднествами в честь России.

Автор данной газетной статьи явно был знаком с содержанием французской прессы. Например, в ней отмечается, что французское правительство проявило здравый смысл, держась в стороне от этих событий в Тулоне. Тут же упоминается, что мэр попросил об участии в торжествах представителей армии, но «адмирал Лефевр написал ответное письмо, которое, должно быть, произвело на восторженных южан эффект холодного душа»²⁰. Здесь же упоминался и Уильям Сондерс с другими англичанами, которые сочли уместным поздравить французозов по этому поводу и снять с себя всякую ответственность за нападение, когда-то предпринятое английским правительством на французскую нацию, боровшуюся за свободу в прошлом веке. Автор задается вопросом, по какой непонятной логике эти патриоты пришли к мысли, что их могут заподозрить в какой-то ответственности за то давнее дело²¹?

Шотландская *The Glasgow Herald* отмечала, что по какому-то особому провидению город Тулон, который столетие назад был ареной раздоров и резни, в этом году превратился в своего рода

¹⁹ Globe. 1893. 1 December. № 30731.

²⁰ St. James's Gazette. 1893. 20 December. № 4217.

²¹ St. James's Gazette. 1893. 20 December. № 4217.

огромный храм братства и дружбы народов. Два месяца назад офицеров русской эскадры чуть не задушили поцелуями на его улицах, а несколько дней назад «эксцентричный радикальный депутат от Уолворта» Уильям Сондерс с товарищами поздравили французов и заверили их в дружбе. Отмечалось, что демарш, устроенный этими заявившими о своей непричастности к тому, что было сделано их прадедами, тем самым торжественно отрекшимися от мистера Питта и его политики малоизвестными джентльменами, является одним из самых впечатляющих в истории. Далее следовало очень любопытное сравнение: автор пишет, что все это возносит мистера Сондерса и его товарищей на такую же высоту гордыни, на которую поднимались три портных с Тули-стрит и квакеры, отправившиеся в посольство к царю Николаю перед Крымской войной. Выражение о трех портных использовалось, когда хотели продемонстрировать, что люди, якобы говорившие от имени народа, на самом деле представляли только самих себя. Квакеры же, отправившиеся к Николаю I, имели целью предотвратить войну. В газете отмечалось, что эти квакеры просто осуждали грядущее, но сегодня англичане в Тулоне героически отрекаются от прошлого. Сондерс и остальные хотели донести до людей во Франции, что, если бы они жили сто лет назад, никакого нападения на Тулон не было бы. «Возможно, не было бы. И очень вероятно, если бы таких джентльменов было много, то не было бы ни Трафальгара, ни Ватерлоо», – язвил автор газетной статьи²². По его мнению, история представляет собой загадочный беспорядок, и самое большее, что могут сделать подобные Сондерсу радикалы со своей чувствительной совестью – это умыть руки и сказать, что они не при чем: «Миру необходимо сообщить, что такие люди, как мистер Уильям Сондерс, не творили историю»²³. Автор писал, что, если нужно отречься от Тулона, почему бы не отречься также от битв Столетней войны при Креси, Пуатье и Азенкуре? Если порицаются Питт и Худ, то почему Эдуард Черный Принц и Генрих Пятый должны быть пощажены? Нет никаких причин, по которым совесть, которая так чувствительна к событиям, произошедшим всего лишь сто лет назад, не должна страдать, когда речь идет о случившемся пятьсот или даже тысячу лет назад? Ответственность за все должна быть одинаковой.

²² Glasgow Herald. 1893. 23 December. № 306.

²³ Ibid.

Автор иронизирует: единственный безопасный и честный курс – провести тщательную чистку анналов и переписать всю историю заново, по принципу ограниченной ответственности. За Бленхейм, Ауденарде и Рамильи (сражения в ходе войны за испанское наследство) придется смиренно извиниться, и, конечно же, за поля Авраама тоже (битва при Квебеке во время Семилетней войны). В Индии придется снять с себя ответственность за Плесси, Серингапатам и Асаи. Таким образом, национальный календарь, по сути, должен быть превращен в список обычных фактов и дней покаяния, в которые англичане будут молиться, чтобы славные победы не были приписаны им с тем же раскаянием и смирением, которые «Англиканская Церковь проявляла в годовщину смерти королевского мученика»²⁴. Далее автор еще больше заостряет свою мысль, заявляя: трудно понять, почему такая политика покаяния должна проводиться только в отношении иностранных государств? Разве правительство Англии не было в прошлом виновато перед Шотландией, так и перед Ирландией? Может быть английскому народу следует каждое 24 июня торжественно заверять секретаря Шотландской ассоциации самоуправления мистера Чарльза Уодди в том, что он не давал согласие на тиранические проекты Эдуарда I?²⁵ Далее автор перешел к Ирландии и рекомендовал сделать торжественное заявление, что ныне ни один англичанин не причастен к заговорам лорда-наместника Елизаветы I, целью которого было убийство короля ирландского королевства Тирона Шейна О'Нилла. Затем автор предложил пойти еще дальше и потребовать от поданных короля Умберто I, короля Италии в 1878-1900 гг., чтобы они сняли с себя ответственность за вторжение Юлия Цезаря в Британию, хотя, заметил он, здесь могут возникнуть некоторые «этнологические трудности», ведь современные итальянцы могут сказать, что не имеют ничего общего с Цезарем²⁶. Завершая все свои размышления, автор подчеркивает: «Если позволить поднять подобные вопросы, и, если однажды будет

²⁴ Glasgow Herald. 1893. 23 December. № 306.

²⁵ England, not Britain, 1893 // Scotland and the scots, 1707-2007 / Ed. C. Auer. Strasbourg, 2019. P. 144. Эдуард I был известен под прозвищем «Молот шотландцев» так, как вел против них жестокие военные действия. А 24 июня 1314 г. произошла битва при Бэннокбёрне, когда Шотландия вернула себе самоуправление, и этот день до сих пор является национальным праздником. См.: Anderson R. History of Scotland. L.; Edinburgh, 1874. P. 56.

²⁶ Glasgow Herald. 1893. 23 December. № 306.

признано, что мы можем быть совершенно другими людьми, чем те, кто поступал неправильно в прошлом, то придет конец этой прекрасной и спасительной доктрине об ответственности за проступки, которые были сделаны до того, как мы пришли в этот мир, и с таким же успехом можно сразу согласиться с еретическим мнением старой леди, которая высказалась об истории, что лучше оставить прошлое в прошлом»²⁷.

В некоторых газетах Франция даже высмеивалась. Например, автор статьи в *Chard and Ilminster News* задавался вопросом, чтобы человечество делало, если бы «великая и славная французская нация» была стерта с лица земли. Вся радость ушла бы из мира, и вселенная должна была бы погрузиться в траур, иронизирует он. Мир печален: анархисты взрывают бомбы в Барселоне, в Англии забастовка угольщиков, а вновь собравшийся парламент как обычно затягивает жизнь завесой серости. Всюду ужасная депрессия, число самоубийств растет и тут... появляется Франция, вызывая своими ужимками взрыв смеха у всей Англии. Представление же устроено в «том самом Тулоне, который всего лишь позавчера заставил нас зыгнуться от смеха»²⁸. В каждой пьесе есть свой смешной человек, в каждом цирке есть свой клоун, а Франция, пишет автор статьи, это – клоун и весельчак всей нашей бедной маленькой планеты, которая была бы Долиной слез, если бы не наш жизнерадостный сосед. Всякий раз, когда история мира становится немного скучной, всякий раз, когда длинная череда проходящих событий становится однообразной, когда люди начинают зевать на представлении и уже хотят, чтобы занавес опустился, Франция выходит со своей маленькой партией, и воздух немедленно наполняется звуками смеха²⁹. Именно так она, сообщает автор статьи, на днях она с поразительным комическим эффектом представила фарсовую комедию «Слезы Тулона, или давно потерянные франко-русские братья»³⁰. У каждой страсти есть своя противоположность. Любовь противоположна ненависти, мужество – страху и так далее. Соответственно русофилия – это, очевидно, оборотная сторона англофобии, которая в самой яростной форме бушует, подобно ревущему пламени, в добром городе Тулоне.

²⁷ Ibid.

²⁸ Chard and Ilminster News. 1893. 23 December. № 1014.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

Продажа курорта Тамари англичанам также оказалась тесно связана с праздниками в Тулоне. Тамари – курортный городок близ Тулона, который стал известен благодаря Мишель-паше. Блез-Жан-Мариус Мишель, граф де Пьередон, более известный как Мишель-паша, знаменитый мореплаватель и архитектор, прославившийся тем, что стал инициатором строительства цепи маяков вдоль берегов Османской империи, а также восстановления гавани Константинополя (за что и получил почетный титул паши). Завершив свои труды, он решил поселиться в Тамари, превратив тот в модный туристический курорт. После смерти жены и сына он решил продать свое владение английской компании, оставив себе лишь виллу и окружающий ее сад. По сообщениям прессы, английская компания заплатила от восьми до десяти миллионов франков за этот курорт, который должен был быть ей передан в период с 15 по 20 декабря 1893 г.³¹

Тамари находится к югу от бывшего английского редута и защищен от мистраля (холодный северо-западный ветер, дующий на средиземноморское побережье Франции в весенние месяцы) холмом, на котором Бонапарт некогда установил батарею Бесстрашных людей, позволившую ему отбить Тулон у британского гарнизона. В английских газетах отмечалось, что тулонцы пытались прогнать английскую компанию, которая намерена была развивать также и другие места к западу от Тулона, и особенно прекрасные холмы, с которых открывается вид на залив Сен-Тропе³². Англичане предлагали ввести в действие купальные машины, казино и прочие атрибуты морского курорта. Но они не учли «патриотизма чистокровных сынов Южной Франции»³³.

Муниципальный совет Тулона провел заседание, на котором обсуждался вопрос о продаже Мишель-пашой Тамари и Саблет-ле-Бен. Доктор Самбу, бывший мэр Тулона, выступил с «яростной речью против англичан», заявив: «В тот момент, когда мы готовимся отпраздновать столетие освобождения Тулона от англичан, я не могу избавиться от чувства беспокойства из-за статей, которые недавно появились в газетах под заголовком «Продажа Тамари англичанам»»³⁴. Затем оратор упомянул о ревности, которую, по его словам, Великобритания испытывает по отношению к франко-

³¹ Daily Telegraph & Courier (London). 1893. 4 December. № 12029.

³² Daily News (London). 1893. 8 December. № 14879.

³³ Chard and Ilminster News. 1893. 23 December. № 1014.

³⁴ Pall Mall Gazette. 1893. 7 December. № 8958.

российскому союзу и о ее усилиях предотвратить ослабление своего влияния в Средиземноморье. Беспокойство французов было связано с тем, что якобы англичанам приобретение территории недалеко от Тулона даст хорошую возможность наблюдать за всем, что делается в порту или окрестностях города. Также Самбу опаса́лся, что англичане смогут улучшить свои возможности для нападения, подавая сигналы с берега Саблетт своей приближающейся эскадре, в ночное время – сигналы световые. Тем самым французам пришлось бы опасаться ночной высадки³⁵.

В заключение Самбу отмечал: «Я хорошо знаю, что можно апеллировать к преимуществам, которые мы должны получить от создания зимнего курорта, привлекающего большое количество посетителей, но патриотизм призывает нас быть благоразумными и не помогать тем, кто, пользуясь нашим безразличием, может попытаться вернуть себе наш город, как они когда-то захватили его с помощью предательства, славное возмездие за которое мы сегодня собираемся отпраздновать»³⁶.

Впоследствии муниципальный совет Тулона призвал правительство ради защиты крепости и национальных интересов обратить внимание на опасность, которую в случае войны с Великобританией может создать покупка Тамари и соседних с ним территорий английской компанией. Даже был предложен законопроект с целью предотвращения продажи иностранцам земель, расположенных в зоне обороны укрепленных пунктов и морских портов³⁷. Военные власти с глубоким волнением отнеслись к созданию английского поселения и призвали депутатов поддержать законопроект³⁸. Таким образом, в газетах высказывались опасения французов относительно того, что за проектом застройки англичанами данной местности скрывается злобный план шпионажа, поскольку английские жители получают возможность фотографировать оборонительные сооружения Тулона.

По этому поводу в *Chard and Ilminster News* опять сквозит сарказм: «Дайте русским все; дайте им порт в Средиземном море, дайте им бриллианты и обеды. Но предательские англичане! Ах,

³⁵ Ibid.

³⁶ Pall Mall Gazette. 1893. 7 December. № 8958.

³⁷ Northwich Guardian. 1893. 16 December. № 33d.

³⁸ York Herald. 1893. 30 December. № 13283.

это совсем другое дело. Неужели они осквернят землю своим ненавистным присутствием? Нет!»³⁹.

В британской прессе встречались упоминания и о Наполеоне, но, так же, как и во французской прессе, их количество было невелико. Писали о том, что именно в Тулоне Бонапарт получил свое первое отличие, поскольку поспешный вывод английской эскадры стал результатом именно его тонкого расчета⁴⁰.

В газете *Scottish Leader* сообщалось, что ровно сто лет прошло с тех пор, как Наполеон впервые появился на страницах истории, оказав помощь в отражении нападения испанской и британской эскадр на этот средиземноморский порт. Тогда мир еще не знал, какая история зарождалась в голове этого маленького артиллерийского офицера, какое бедствие тирании и войны произойдет от него для Франции и всей Европы. Автора задавался вопросом, как мог бы измениться ход истории, если бы британская пуля столетием ранее попала в сердце молодого корсиканца. Не было бы ни Лоди, ни Брюмера, ни солнца Аустерлица, ни славы Ватерлоо... Возможно, революционная буря прошла бы каким-нибудь другим путем, но, несомненно, не столь кровавым⁴¹.

В другой газете писали, что это событие имеет чисто исторический интерес для англичан, чьи головы не наполнены знанием того, что зарождающийся гений Наполеона оказался слишком велик для британских войск в тот конкретный момент⁴². Где-то отмечалось, что недавнее возрождение бонапартизма, похоже, вселило ужас в сердца французских властей: неслучайно же французская армия в празднествах участия не принимала. Писали, что этот произвол чиновников, похоже, вызвал большое недовольство. Тулонцы, утверждали, что, хотя Наполеон действительно был тем человеком, который содействовал успешному завершению осады Тулона, он действовал во имя Республики, а не Империи. В то время Наполеон был скромным солдатом удачи с амбициозными идеями, но без определенных перспектив когда-либо достичь того апогея, которого он в конечном итоге достиг⁴³.

³⁹ Chard and Ilminster News. 1893. 23 December. № 1014.

⁴⁰ Newcastle Daily Chronicle. 1893. 20 December. № 11133; *Scottish Leader*. 1893. 19 December. № 2180.

⁴¹ *Scottish Leader*. 1893. 19 December. № 2180.

⁴² *Illustrated London News*. 1893. 30 December. № 2854.

⁴³ Newcastle Daily Chronicle. 1893. 20 December. № 11133.

Таким образом, французские торжества в честь столетия изгнания из Тулона в 1793 г. противников революционной Франции вызвали бурную и дружную реакцию со стороны британских журналистов. Торжества эти изображались британской прессой в основном как откровенная демонстрация англофобии и русофильства. Высмеивая французские тревоги относительно присутствия англичан в Тамари, британские журналисты сами будоражили, то пугая, то успокаивая, общественное мнение рассуждениями относительно русско-французского союза и укрепления России и Франции в Средиземном море. Многочисленные сакразмы относительно поздравления тулонцев Уильямом Сондерсом и его товарищами демонстрируют абсолютное нежелание британцев нести ответственность за поступки своих предков в далеком прошлом. И словно для того, чтобы французы не слишком радовались, им напоминали: весь ход мировой истории мог бы пойти иным путем, попади в 1793 г. под Тулоном английская пуля в сердце «маленького артиллерийского офицера».

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.А. ФЕССЛЕРА

Д.В. Горбачев¹

Филиал СамГУПС в г. Саратове

e-mail: dmitr87@inbox.ru

В статье рассматриваются воззрения немецкоязычного философа, религиозного и общественного деятеля И.А. Фесслера (1756–1839) на природу государства и права. Автор исследует представления мыслителя о роли законодательства и публичной власти в жизни общества. Политическая философия Фесслера рассматривается как неотъемлемая часть его идеалистической философской концепции, основанной на противопоставлении непостоянного материального мира и неизменного мира идей. Фесслер смотрел на государство и право, как воплощение сверхъестественных нравственных идей. Нравственное совершенствование граждан было для него главной целью законодательной и управленческой деятельности правительства. Существует противоречие между патерналистским политическим идеалом Фесслера и его утверждениями о том, что духовное развитие гражданина достигается исключительно его индивидуальными усилиями. Мыслитель пытался разрешить это противоречие через теорию двух видов предпосылок нравственного совершенствования – субъективных и объективных, зависящих от государства. Закон Фесслер представлял как конкретное воплощение абстрактных принципов морали и порядка. Он полагал необходимым добровольное и осознанное исполнения законов гражданами, которое невозможно заменить принуждением со стороны государства, и одновременно утверждал необходимость нравственного воспитания народа правительством, в котором видел неотъемлемый инструмент достижения законопослушности. В заключении автор анализирует связь между политико-правовой концепцией Фесслера и опытом общественных конфликтов конца XVIII – начала XIX вв., рассматривая идеи мыслителя как попытку дать ответ на социальные проблемы его времени с точки зрения религиозной философии.

Ключевые слова: Фесслер, история политической философии, философия права, Реставрация, немецкий консерватизм.

POLITICAL AND LEGAL CONCEPT OF I.A. FESSLER

D.V. Gorbachev

(Saratov, Russia)

e-mail: dmitr87@inbox.ru

¹ Горбачев Дмитрий Викторович (Саратов), к.и.н., преподаватель филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Саратове.

The article tells about the views of the German-speaking philosopher, religious and public figure I.A. Fessler (1756 - 1839) on the nature of the state and law. The author explores the thinker's ideas about the role of legislation and public authorities in the life of society. Fessler's political philosophy is considered as an integral part of his idealistic philosophical concept, based on the opposition of the impermanent material world and the immutable world of ideas. The author analyzes Fessler's views on the state and law as the embodiment of supernatural moral ideas. The philosopher's idea of the moral improvement of citizens as the main goal of the legislative and administrative activities of the government is being studied. Discusses the contradiction between Fessler's paternalistic political ideal and his assertions that the spiritual development of a citizen is achieved solely by his individual efforts. The thinker's attempts to resolve this contradiction through the theory of two types of prerequisites for moral perfection are being investigated - subjective and objective, depending on the state. Fessler's idea of law as a concrete embodiment of the abstract principles of morality and order is analyzed. The opinion of the philosopher on the need for voluntary and conscious execution of laws by citizens, which cannot be replaced by coercion by the state, is considered. Fessler's statements about the need for the moral education of the people by the government as a necessary tool for achieving law-abidingness are explored in the article. The central role of religion in the moral and political philosophy of Fessler is considered. In conclusion, the author analyzes the connection between Fessler's political and legal concept and the experience of social conflicts of the late 18th - early 19th centuries, considering the thinker's ideas as an attempt to answer the social problems of his time from the point of view of religious philosophy.

Key words: Fessler, history of political philosophy, philosophy of law, Restoration, German conservatism

Воззрения мыслителей на общество и государство не существуют в вакууме. Давно стало принципом историзма рассматривать те или иные тексты в их историческом контексте: интеллектуальном, культурном, политическом, экономическом и т.д.² Взгляды социальных реформаторов формируются под воздействием социального опыта, под впечатлением от конфликтов, переживаемых обществом.

Не являются исключением из этого правила и взгляды Игнатия Аврелия Фесслера (1756 – 1839) – немецкоязычного философа, историка-ученого, исторического беллетриста, церковного и масонского деятеля³, долгая жизнь которого пришлась на годы

² Как работает этот подход применительно к изучению общественной мысли н. XIX в. см., например: *Гладышев А.В.* Миры Сен-Симона. От Старого порядка в Реставрации. Саратов, 2003. С. 6-9.

³ См.: *Горбачев Д.В.* И.А. Фесслер – немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217-224; *Горбачев Д.В.* И.А. Фесслер в Саратове: администратор, историк и масон в зеркале документов // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории: альманах. Выпуск I. Ставрополь; Капошвар; Москва, 2014. С. 59-68.

«просвещенного абсолютизма», Французской революции и Наполеоновских войн и последовавший за ними период попыток европейских интеллектуальных элит найти новые рецепты общественного баланса.

Политико-правовая концепция Фесслера наиболее полно выражена в опубликованном им на склоне лет опусе «Результаты своих размышлений и опытов»⁴, который суммировал и подвел итог попыткам философа осмыслить вопросы религии, нравственности, истории и политики, и увязать ответы на них в единую непротиворечивую систему.

А поскольку для Фесслера, к тому моменту – священнослужителя с пятью десятилетиями стажа, не было сомнений, что стержнем всей этой претендующей на универсальность системы мировоззрения должна быть именно религия, то и первопричиной существования человеческого общества и направляющей силой для его развития мыслителю виделся «Божественный свет» как универсальная первооснова всего сущего⁵.

Для философской концепции Фесслера в целом характерно противопоставление материального мира – бренного, изменчивого и преходящего – и мира «Идей», непреходящих и неизменных сущностей, способных воплощаться в мир материи⁶.

В соответствии с этим подходом Фесслер и человеческое общество рассматривает в двух ипостасях: как объект материального мира и часть природы и как абстрактную сущность, обозначенную термином «Menschheit», что может быть переведено с немецкого и как «человечество», и как «человечность»⁷. «Menschheit» представляет собой обобщенную человеческую сущность, которая, будучи в представлении Фесслера «чистой, божественной и вечной», является результатом «запечатления Божественного духа в бесконечности разума», т.е. в мире Идей⁸. А поскольку «Menschheit», будучи Идеей, вечна, то и человеческая сущность в представлении Фесслера является внеисторическим явлением.

⁴ Fessler I.A. Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jährige Pilgerschaft. Breslau, 1826. О европейской политической мысли периода Реставрации см. в частности: Гладышев А.В. Сен-Симон и партийное строительство в эпоху реставрации // Французский ежегодник. 2009. М., 2009. С. 139-173.

⁵ Fessler I.A. Resultate... S. 283-284.

⁶ Ibid. S. 185.

⁷ Ibid. S. 283-284.

⁸ Ibid. S. 283.

В свою очередь человеческое общество, существующее здесь и сейчас, для Фесслера тоже несет на себе «отпечаток» Божественного духа, но находится в конечном, ограниченном мире природы⁹.

Связующим звеном между этими двумя «пластами реальности», и, соответственно, двумя ипостасями человеческого бытия, и выступает у Фесслера религия, которую он рассматривает как способ, которым «Menschheit» «живет», т.е. получает возможность воплотиться в осязаемом мире. Земное же общество в представлении философа только посредством религии может достигнуть своей высшей цели, которую он как мыслитель-моралист видит в истине и добродетели¹⁰.

Далее Фесслер разворачивает целую картину «социальной космогонии», в которой религия, обладающая «всепроникающей силой» и соединившая истину и добродетель в себе, «изливается в мир природы», который по мысли философа имеет своеобразную «социальную полярность». На первый социальный полюс религия приходит как «вечная любовь», которой соответствует истина. Истина и любовь порождают гражданское сознание, которое проявляется как мудрость при составлении законов. Гражданское сознание и мудрое законотворчество, в свою очередь, создают на первом социальном полюсе общественную иерархию¹¹. Таким образом, господство и подчинение в социальной философии Фесслера рассматриваются как проявление высшей «любви» и заботы высокоумных правителей о подданных.

На второй социальный полюс религия приходит как «святое право», которому соответствует добродетель. Право и добродетель делают возможной «всеобщую публичную нравственность», которая в свою очередь проявляется как порядочность через послушание. Порядочность же вместе с нравственностью укрепляет на своем полюсе социальное принуждение¹².

Теория Фесслера предполагает наличие между «полюсом любви» и «полюсом права» некоего взаимного притяжения, которое заставляет их стремиться друг к другу в виде гармонии и порядка. Социальному принуждению же, порожденному, по Фесслеру, нравственностью и порядочностью, выпадает роль той

⁹ Fessler I.A. Resultate... S. 283-284.

¹⁰ Ibid. S. 284.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

силы, которая оба своих источника соединяет в центре всей этой конструкции с иерархией, что и позволяет, согласно воззрениям мыслителя, воплотить гармонию и порядок в их конкретное проявление – государство¹³.

По существу, вся эта сложная схема взаимодействия абстрактных сущностей представляет собой попытку увязать реальность государственного управления, связанную с отношениями господства и подчинения, и нравственные категории религиозной философии. В предложенной Фесслером схеме иерархия и принуждение не противопоставляются гражданскому сознанию и нравственности. Наоборот, иерархия и послушание в его представлении – порождение не насилия, а морали и сознательности.

«Полюса» общественной жизни у Фесслера не противоположны, они скорее взаимодополняемы.

Не трудно заметить ярко выраженный патерналистский характер рассуждений философа о характере государства, что являлось идеологическим отражением попыток тогдашней правящей элиты европейских государств опереться в изменившихся условиях на средневековые по своему происхождению представления о правителе как «отце» и «воспитателе» народа.

Следует также отметить, что сформулированная Фесслером концепция как таковая не является теорией *происхождения* государства, так как она не предусматривает ни рассмотрения появления и развития его институтов во времени, ни наличия догосударственного этапа развития общества. Для Фесслера государство остается таким же метафизическим понятием, которое присутствует в истории как данность, как Идея, существующая извечно, а не как результат конкретно-исторического процесса.

Поскольку природа государственной власти трактуется Фесслером исключительно в идеалистическом ключе, то и конечная цель существования государства описывается философом в категориях «служения максимально возможному развитию, совершенствованию и возрастанию всех духовных сил человеческого общества». Конечной же точкой этого возрастания Фесслеру представляется достижение обществом, ведомым государством, некоего «ранга чистой человеческой сущности (*Menschheit*)»¹⁴.

При всей абстрактности и метафизичности своих рассуждений мыслитель не забывает упомянуть, что непременно

¹³ Fessler I.A. Resultate... S. 284.

¹⁴ Ibid. S. 284-285.

условием достижения этого «ранга» является предоставление гарантий безопасности личности и прав собственности, которого предполагается достигнуть путем создания законодательных норм, чётко закрепляющих «государственно-правовое положение народа», независимое от произвола отдельных личностей и выражающее некую обобщенную «волю нации»¹⁵.

Именно наличие общепризнанных, полезных для всех членов общества, исполняемых не за страх, а за совесть законов видится философу неперемным условием обеспечения в обществе гражданской свободы, которая, в свою очередь, представляет собой необходимое условие «всестороннего развития и совершенствования всех человеческих сил в государстве»¹⁶. Такой свободный гражданин, по Фесслеру, потому свободен, что никто и ничто не может запретить ему то, что не запрещено законом, и, соответственно, не может заставить делать то, что закону противоречит. Такой гражданин четко знает свои права и обязанности и не боится ни патерналистского правительства (которое, однако, не забывает «тщательно и строго надзирать» над ним), ни своих сограждан. Таким путем гражданин обретает чувство безопасности своего положения, которое, в свою очередь, дает ему спокойствие духа, открывающее путь к искомому духовному совершенствованию¹⁷.

Таким образом, в политико-правовой концепции Фесслера нет и не может быть противоречия между свободой и безопасностью: для него свобода – это и есть в первую очередь безопасность, свобода от страха, от чужого произвола, от непредсказуемой случайности.

Положение свободного гражданина для Фесслера это не только социально-правовой статус, но скорее некое внутреннее состояние. Хотя философ и выдвигал в своих рассуждениях призывы к обеспечению безопасности личности и собственности, он менее всего был склонен увязывать осуществление этих гарантий со сменой государственного устройства и расширением политических прав населения.

Более того, Фесслер, столь негативно воспринявший опыт революции во Франции¹⁸, на страницах своего труда утверждает, что

¹⁵ *Fessler I.A. Resultate...* S. 283.

¹⁶ *Ibid.* S. 286.

¹⁷ *Ibid.* S. 286-287.

¹⁸ *Горбачев Д.В. И.А. Фесслер о Французской революции: французские «уроки» немецкого консерватизма // Известия Саратовского университета.*

изменение формы правления приводит «рабов с рабским сознанием» к «еще более низкому рабскому состоянию»¹⁹. Более того, защищая общественный статус кво, философ доходит до утверждения, что при всяком устройстве государства в любую эпоху «рабами были только те, кто заслуживал этого из-за своей лености разума или безнравственности»²⁰.

Таким образом, рассуждение Фесслера о свободе окончательно перемещается в область метафизических абстракций, где теряет всякое конкретно-историческое содержание. Фесслер не приводит фактов для обоснования своих спекуляций, и не ссылается на тот реальный исторический опыт, свидетелем которого был, живя в Габсбургских владениях и Пруссии во времена отмены в них крепостного права, и лично наблюдая разницу в положении вольных немецких колонистов и крепостных русских крестьян именно в период составления им «Результатов...» в Саратовском Поволжье 1820-х гг.

Даже ссылаясь на негативный, с его точки зрения, пример Швейцарии, Фесслер не уделяет внимания социальному и правовому положению швейцарских граждан и изменению этого положения во времени, а лишь сетует на то, какое влияние на их образ мысли и духовность оказывают их симпатии, в субъекте общественной деятельности, вторые – во внешней среде, в обществе взгляды, суждения и особенности воспитания²¹.

Фактически отрицая (когда это ему выгодно) влияние политических, социальных и экономических прав и свобод на достижение свободы духовной, Фесслер в 1820-х гг. приходит к утверждению, что единственным по-настоящему важным фактором в достижении той самой максимальной реализации человеческой сущности, которую он считал главной целью существования общества, является исключительно индивидуальное стремление, которому форма правления не может ни помочь, ни помешать²².

В чем же тогда в Фесслеровой политической философии заключается смысл существования общества и государства как таковых? Увязать апологию сильной патерналистской власти с

Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 53-58.

¹⁹ *Fessler I.A. Resultate... S. 285.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid. S. 286.*

постулатом о чисто индивидуальном пути достижения свободы философ пытается через теорию о двух видах предпосылок к развитию человеческого духа: субъективных и объективных. Первые кроются в самой личности²³. Тут-то и оказывается нужным государство, с его законодательными гарантиями личных и имущественных прав и свобод и подкрепляющим эти гарантии социальным принуждением.

При всем вышесказанном Фесслер, тем не менее, далек от того, чтобы верить в возможность улучшить общество и, следовательно, условия для духовного развития его членов, одним лишь законотворчеством²⁴. Лучшие законы в его представлении обречены остаться бесполезными в социуме, в котором «не достаёт проникнутого чистой нравственностью образа мысли граждан и морали»²⁵ и процветает пренебрежение к закону и коррупция. Такое дурное управление государством Фесслер уподобляет плохому ведению хозяйства, поскольку в обоих случаях «много отдается приказов и ничего не исполняется; много формализовано, много со- лгано и много украдено»²⁶.

В той же мере мыслитель ни в коем случае не склонен уповать на принуждение как основное средство достижения законопослушности. По его мнению, никакой самый строгий надзор и никакие суровые наказания не могут спасти разлагающееся общество и обеспечить соблюдение законов подданными, которые не хотят им повиноваться по доброй воле²⁷.

Отрицая возможность погасить серьезный общественный конфликт изданием нормативных актов и уподобляя желание «успокоить и привести в порядок с помощью законов уже пришедшие в мощное брожение элементы народной жизни» попыткам «повелевать бурной непогодой и ливнями с помощью музыкальных симфоний и гармонического колокольного звона», Фесслер предостерегает государственную власть от вмешательства в «яростную борьбу между превосходящим злом и более слабым добром», видя в этом лишь вред и полагая, что эта борьба «должна отбушевать беспрепятственно, до своего неперемного самоуничтожения»,

²³ *Fessler I.A. Resultate...* S. 288.

²⁴ *Ibid.* S. 287.

²⁵ *Ibid.* S. 290.

²⁶ *Ibid.* S. 294.

²⁷ *Ibid.* S. 290-291.

после чего «никогда не колеблющееся добро породит лучший порядок»²⁸.

При всем декларируемом фатализме, философ ни в коем случае не является приверженцем полного ничего неделания в вопросах государственного строительства. Однако представляя законодательный процесс как «выражение воли нации»²⁹, он на корню отвергает право самой нации на участие в этом процессе и отрицает необходимость предоставления гражданам политических прав и свобод.

Гражданскому коллективу в построениях Фесслера отводится лишь роль пассивного воспитанника, чье неразвитое правовое сознание мудрая верховная власть поднимает до уровня «проникнутого чистой нравственностью образа мысли граждан государства», вслед за которым, по Фесслеру, и приходит «порядок правления на основе господства законов»³⁰.

Не удивительно, что объяснение природы социальных и политических конфликтов получается у мыслителя чисто морализаторским и по большому счету сводится к проявлениям «ярости и интриг из-за личной ненависти», в которой Фесслер видит источник раздоров как между отдельными гражданами, так и между сословиями, между правителями и подданными, между странами, и даже причину падения «многих государств древнего и нового времени»³¹.

Предубеждение отдельных правителей против людей, отличающихся высокой духовностью и заслугами перед обществом (к числу которых деятельный, но не всегда удачливый во взаимоотношениях с властями Фесслер³², очевидно, относил и себя) объясняется исключительно тлетворным влиянием «придворных лизоблюдов», «наглых негодяев» и «гнусных клеветников»³³.

Что же до первопричины подобного падения нравов, то ее наш религиозный философ видит, разумеется, в «равнодушии к религии, к богобоязненности и нравственности», причем в первую очередь – в равнодушии со стороны государственных служащих,

²⁸ Fessler I.A. Resultate... S. 290.

²⁹ Ibid. S. 283.

³⁰ Ibid. S. 290.

³¹ Ibid. S. 294.

³² См.: Горбачев Д.В. И.А. Фесслер - немецкий мыслитель и общественный деятель... С. 217-224

³³ Fessler I.A. Resultate... S. 295.

военных и придворных, что Фесслером считается верным симптомом «испорченности и политического упадка народа»³⁴.

В соответствии с религиозным характером своей политической философии мыслитель потрясения Революционных и Наполеоновских войн представляет как конфликт в первую очередь религиозный, как борьбу благочестия против секулярной идеологии «недальновидной и корыстной государственной мудрости нового времени»³⁵. Поражение же Франции Фесслер, никогда в этой стране не бывавший, но много и охотно писавший о ее политике³⁶, воспринимает как поражение столь нелюбимого им французского Просвещения и светской политической мысли в целом. Главная слабость империи видится философу не в экономических, социальных, национальных, внутренне- и внешнеполитических факторах и даже не в просчетах наполеоновского правительства, а в том, что «пламя религиозной отваги не могло более переходить в сердца её воинов от заброшенных и опустошённых прибежищ благочестия и оскверненных алтарей»³⁷. А без религиозного воодушевления Фесслер признает за наполеоновской армией только наличие «холодного чувства долга и чести или жгучей жажды грабежа» которая лишь недолго «поддерживала в напряжении сил её стаи». Приписывая французским полководцам и солдатам малодушие и ненадежность, мыслитель объявляет причиной этого то, что «большое племя карликов хотело, чтобы великое имя Иисуса, призыв которого спустя восемнадцать столетий объединял сильнее, чем имена Рима, Карла, Парижа и т.д., перестало звучать в его лагерях и битвах»³⁸.

Следует отметить, что ранее, в свой «бонапартистский период» первой половины 1800-х гг., Фесслер не только не разделял представления о наполеоновском государстве как «безбожном», но и напротив превозносил французского правителя за конкордат,

³⁴ *Fessler I.A. Resultate...* S. 293.

³⁵ *Ibid.* S. 292.

³⁶ *Горбачев Д.В. И.А. Фесслер и Наполеоновская Франция: «бонапартизм без Бонапарта» // 200-летие Венского конгресса и его значение для современных международных отношений: материалы Международной научной школы молодых ученых-историков, Москва, 9-13 ноября 2015 г. М, 2016. С. 31-46; Горбачев Д.В. И.А. Фесслер о французской нации // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2019. Вып. 19. С. 81-87.*

³⁷ *Fessler I.A. Resultate...* S. 293.

³⁸ *Ibid.*

заклученный с католической церковью в 1801 г., и воспринимавшийся тогда философом как высочайший образец государственной мудрости³⁹. Перемена отношения к Французской империи у Фесслера была вызвана сугубо личным опытом – тягостными для него последствиями оккупации Пруссии, где он тогда жил, после поражения в войне 1806 г.⁴⁰

Подводя итог вышесказанному, политико-правовую концепцию И.А. Фесслера можно охарактеризовать как попытку дать европейским конфликтам конца XVIII – начала XIX вв. трактовку с точки зрения религиозной философии. Хотя мыслитель и не говорит напрямую о кризисе социальных институтов старого, абсолютистского порядка, он, по сути, настойчиво пытается предложить путь выхода из этого кризиса, минуя как политические реформы, так и чисто насильственные методы поддержания общественной стабильности.

Новый общественный компромисс логичным образом видится религиозному философу основанным на религиозном благочестии и христианской нравственности. Условия компромисса, однако, не выглядят у Фесслера равными – обществу предлагается быть послушным учеником верховной власти и целиком рассчитывать на ее добрую волю. Диалог «верхов» и «низов» в фесслеровом «идеальном обществе» не существует, поскольку в нем мудрый правитель и так знает, что нужно подданным, лучше них самих.

В целом провиденциализм, патернализм, морализм и метафизическое толкование природы государства и права у Фесслера являются ярким примером того, какой ответ на вызовы своего времени пыталась дать умеренно-консервативная мысль эпохи Реставрации и легитимизма, которую в широком смысле можно понимать не только как период в истории одной лишь Франции, но и как идеологическое явление общеевропейского порядка.

³⁹ *Fessler I.A. Ansichten von Religion und Kirchentum. Bd. 3. Berlin, 1805. S. 377-391.*

⁴⁰ *Горбачев Д.В. Оккупация Пруссии 1806-1808 гг. в восприятии И.А. Фесслера // Наука и образование: достижения и перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции, Саратов, 30 мая 2020. Самара; Саратов, 2020. С. 94-100.*

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК [[94+616.9+355.442.1](430.113):355.123.2(44)] | 1814 | +929Кампэ

ЖИЗНЬ В ОККУПИРОВАННОМ ГОРОДЕ: О ТИФЕ В ГАМБУРГЕ В 1814 Г. ГЛАЗАМИ Э. КАМПЭ*

А.А. Гунько¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: asus.05@yandex.ru

Невидимым спутником любой армии ещё с глубокой древности являются болезни, переносимые солдатами. Наполеоновская эпоха не стала исключением. Военное положение осажденных городов вынуждало генералов и маршалов жертвовать интересами гражданских лиц, отдавая предпочтение сохранению вверенного им военного контингента. В данной статье рассматриваются основные проблемы, которые переживали осажденные города Гамбург (как военные, так и гражданские лица) с декабря 1813 г. по май 1814 г. Автор анализирует причины возникновения эпидемии тифа, уточняет количество потерь среди французского армейского контингента, расквартированного в осажденном городе, рассматривает способы борьбы с заболеваниями, а также условия содержания в развёрнутых лазаретах. Активно используя дошедшие до нас источники, а также исследования как современных авторов, так и научные труды прошлых столетий, автор делает вывод что активному распространению тифа в Гамбурге способствовало нарушение условий хранения съестных припасов (предназначавшихся в том числе больным в лазаретах) при подготовке к осаде города осенью 1813 г., высокая концентрация людей в осажденном городе, антисанитария, процветавшая в развёрнутых французами лазаретах (туда же можем добавить туманные представления о способах передачи), а также аномально холодная погода, – всё эти факторы в совокупности привели к колоссальным потерям как среди французской армии, так и среди местных жителей.

Ключевые слова: Историческая эпидемиология, военная медицина, тиф, наполеоновские войны, Гамбург, кампания 1813–1814 гг.

LIFE IN AN OCCUPIED CITY: ABOUT TYPHUS IN HAMBURG IN 1814 THROUGH THE EYES OF E. CAMPE

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113.

¹ Гунько Андрей Анатольевич (Саратов), лаборант-исследователь научно-образовательного центра «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

A.A. Gunko

(Saratov, Russia)

e-mail: asus.05@yandex.ru

The invisible companion of any army since ancient times are diseases carried by soldiers. The Napoleonic era was no exception. The martial law of the besieged cities forced generals and marshals to sacrifice the interests of civilians, preferring to preserve the military contingent entrusted to them. This article examines the main problems experienced by the besieged cities of Hamburg (both military and civilian) from December 1813 to May 1814. The author analyzes the causes of the typhus epidemic, specifies the number of casualties among the French army contingent stationed in the besieged city, considers ways to combat diseases, as well as conditions of detention in deployed infirmaries. Actively using the sources that have come down to us, as well as the research of both modern authors and scientific works of the past centuries, the author has concludes that the active spread of typhus in Hamburg was facilitated by the violation of the storage conditions of food supplies (intended, among others, for patients in the infirmaries) preparation for the siege of the city in the autumn of 1813, a high concentration of people in the besieged city, unsanitary conditions that flourished in the infirmaries deployed by the French (we can also add vague ideas about the methods of transmission there), as well as abnormally cold weather, – all these factors combined led to colossal losses both among the French army and among local residents.

Key words: Historical epidemiology, military medicine, typhus, Napoleonic Wars, Hamburg, campaign of 1813-1814.

Изучение феномена оккупации в годы наполеоновских войн стало новым, перспективным направлением в современной историографии². Военно-историческая антропология, со своей стороны, предлагает современным исследователям обратиться к «человеческому измерению» войны, в частности, к изучению взаимодействия и взаимовосприятий между военными и гражданским населением в условиях стрессовой ситуации³. При таком подходе эпидемии в оккупированных и осажденных городах будут той

² Об изучении феномена оккупации см.: Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. 2018. С. 10–21; Гладышев А.В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. 2018. С. 182–204.

³ Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.

своеобразной «точкой кипения», в которой проявляются экзистенциальные переживания людей⁴.

В исследованиях по исторической эпидемиологии отмечается, что вплоть до франко-прусской войны болезни убивали больше военных, чем пули и снаряды. Сыпной тиф, болезнь скверны, перенаселенности и нищеты, на протяжении веков был неизбежным дополнением к несчастьям войны⁵. Показательна в этом плане история Гамбурга времен французской оккупации, под руководством прославленного наполеоновского маршала Луи-Никола Даву (Davout): в первой половине 1814 г. здесь разразилась так называемая «нервная лихорадка» (Nervenfieber), унесшая тысячи жизней как военных, так и гражданских.

Вплоть до XIX в. сыпной тиф не был определен как самостоятельное заболевание, да и само слово «typhos» (дым, туман) древнегреческий врач Гиппократ впервые употребил, желая выразить им сумбурность состояния взглядов. Французский врач и ботаник Франсуа Буасье де Соваж де Лакруа (1706–1776) использовал термин «тиф» при попытке классификации болезней «способом, каким ботаники классифицировали растения», и объединил под родовым названием Typhus около дюжины болезней, в том числе сыпной тиф, брюшной тиф и другие, усугубив тем самым и без того страшную неразбериху⁶. И в наполеоновскую эпоху называли болезнь по-разному, но чаще всего «лихорадкой»: «гнилостная лихорадка», «больничная лихорадка», «тюремная лихорадка», «лагерная лихорадка» «венгерская лихорадка», «инфекционная нервная лихорадка», «военная чума», «армейский тиф».

Аналогичная ситуация с определением болезни сложилась и относительно эпидемии в Гамбурге. Свидетельница событий в Гамбурге 1813–1814 гг. Элизабет Кампэ⁷, чьи письма стали одним

⁴ Лэнгле А.А. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования: монография. М., 2019; Потехина В.Е. Проблема определения понятия «экзистенциальные переживания» // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 12 [Электронный ресурс]. - URL: <https://human.snauka.ru/2018/12/25332> (дата обращения: 02.06.2022).

⁵ Гладышев А.В. Прощальный «дар» Великой армии: эпидемия тифа в Европе 1813–1814 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 93.

⁶ Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти... С. 54.

⁷ О ней см.: Гунько А.А. Л.-Н. Даву в Гамбурге в 1813-1814 гг. глазами Элизабет Кампэ // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, С.А. Мезина. Саратов, 2021. Вып. 22/23. С. 109-110.

из основных источников для нашей статьи, писала о «нервной лихорадке»⁸. Один из первых исследователей истории Гамбурга периода французского господства Карл Мёнкеберг в своем сочинении использует понятия как «нервная лихорадка», так и «брюшной тиф» (*bösartigen Typhus*)⁹. Историк XIX в. Пауль Хольцхаузен, хотя к моменту написания его исследования уже было сделано детальное разграничение брюшного и сыпного тифов по клинической симптоматике, проявляя осторожность, вслед за источниками, предпочитал говорить о «больничной лихорадке»¹⁰. Сегодня исследователи склонны полагать, что под этой «нервной лихорадкой» следует понимать сыпной тиф: симптоматика, был уверен специально занимавшийся этим вопросом доктор Фридрих Принциг, говорит о именно об этом¹¹.

При ликвидации Священной Римской империи Гамбург смог спастись в качестве свободного и суверенного ганзейского города. В 1804 г. Городской совет принял решение разобрать городские оборонительные сооружения, чтобы не давать иностранным державам поводов для нападения. Но в 1806 г. Гамбург все же был оккупирован французами. Соблюдение условий континентальной блокады тяжело отразилось на экономике города. 24 февраля 1813 г. здесь вспыхнуло антинаполеоновское восстание: толпа горожан напала на дом начальника французской полиции, с домов и шляп срывали французские гербы и кокарды. Французам даже пришлось запросить помощь датчан для восстановления порядка¹². 12 марта командующий французским гарнизоном Кара Сен-Сир вместе с французской частью администрации город оставил. Город занял летучий отряд русской армии под командованием Ф.К. Теттенборна. Гамбургу вернули все его старые «свободы» и независимость. Наполеон тогда направил армейский корпус под командованием Л.-Н. Даву для повторного занятия Гамбурга и примерного наказания восставших. Отряду Ф.К. Теттенборна пришлось Гамбург оставить, 31 мая 1813 г. здесь уже были

⁸ *Campe E.* Hamburgs außerordentliche Begebenheiten und Schicksale in den Jahren 1813 und 1814. Hamburg, 1814. S. 155-156.

⁹ *Mönckeberg C.* Hamburg, unter dem Drucke der Franzosen. 1806-1814: historische Denkwürdigkeiten / Hrsg. G.E. Nolte. Hamburg, 1864. S. 253.

¹⁰ *Holzhausen P.* Davout in Hamburg: Ein Beitrag Zur Geschichte Der Jahre 1813-1814. Mülheim, 1892. S. 100.

¹¹ *Prinzing F.* Epidemics resulting from wars. L., 1916. P. 104.

¹² *Платошкин Н.Н.* Освобождение Гамбурга русскими войсками в 1813-1814 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 5. С. 3-6.

французские войска. Началась вторая оккупация города, продолжавшаяся до 12 мая 1814 г. Даву немедленно приступил к превращению города в крепость. На строительстве работало свыше 100 тыс. солдат, жителей и пленных. Горожане с одной стороны, активно привлекались к строительным работам, а с другой – они же и оплачивали все расходы в наказание за изменническое поведение в «казачью зиму». Наполеон полагал, что лучший способ наказать торговцев – заставит их платить: на город наложена контрибуция в 48 миллионов франков (шестью траншами, первый из которых должен был поступить уже 15 июня)¹³. Занимая Гамбург, корпус Даву не принял участия в решающем сражении кампании 1813 г. – в битве народов под Лейпцигом (16–19 октября 1813 г.). Поражение императора Франции вселяло в немцев новые надежды в скорое освобождение от французов. Финансовое положение гарнизона Гамбурга было критическим: наиболее состоятельные гамбургцы не хотели платить и бежали. В ответ на саботаж Даву приступил к насильственным методам изъятия денег: 46 ноября 1813 г. французами был разграблен банк Гамбурга. Кампэ, хранившая свои сбережения в банке, назвала это «актом варварства, потрясшим всю Европу», а русские газеты – «явным преступлением против общественной безопасности»¹⁴. Даву спешил: Гамбург теперь стал целью российско-прусской армии под руководством шведского кронпринца Карла Юхана. Имея четкие указания императора, командующий 13-го корпуса готовил город к осаде. До конца года было возведено и реконструировано 26 бастионов, 9 передовых укреплений самого Гамбурга, крепости Святого Георгия и Гарбург, форт Штерншанц, сильные укрепления островов на Эльбе. Был построен восьмикилометровый мост от Гарбурга до цитадели, прикрытый оборонительной линией¹⁵. В крепости было установлено свыше 300 орудий. В городе были сосредоточены огромные запасы продовольствия для гарнизона¹⁶.

¹³ *Campé E.* Op. cit. S. 65.

¹⁴ *Ibid.* S. 84-87; Известие о продолжении военных действий от Наследного Принца Шведского. Главная квартира Бойценбург от [18 /] 30-го Ноября [1813]. – [Электронный ресурс] – URL: https://runivers.ru/doc/patriotic_war/1813/hostilities/?dat=30.11.1813 (Дата обращения: 01.05.2022).

¹⁵ Военная энциклопедия. В 18-ти т. СПб., 1912. Т. 7. С. 167–170.

¹⁶ *Богданович М.И.* История войны 1814 года во Франции. В 2-х т. СПб., 1863. Т. 1. С. 642.

Даву издал приказ всем горожанам подготовить припасы для пропитания себя и расквартированных у них солдат на девять месяцев вперед. Он признавал, что приоритетной задачей для него было «укрепить Гамбург и подготовить огромные ресурсы для армии»¹⁷. Те, кто не сможет обеспечить себя необходимыми припасами, подлежал изгнанию за пределы города. Каждую неделю генерал-губернатор Дирк ван Хогендорп проводил инспекцию¹⁸. Угрозы не были пустыми: в ночь с 24 на 25 декабря 1813 г., Даву насильно выдворил из города по разным оценкам от 20 до 25 тысяч горожан, включая детей, беременных женщин, больных и нищих, не сумевших (или не успевших) по финансовым причинам выполнить указания маршала¹⁹. Изгнанные отправились в соседнюю с Гамбургом датскую Альтону и ее окрестности. Тысячи погибли. В своих мемуарах Даву оправдывает это «рождественское изгнание» «необходимостью предотвращения деморализации и упадка французской армии»²⁰.

Части Северной армии союзников под командованием Л.Л. Беннигсена появились перед городом 6 декабря 1813 г.²¹: состав войск дал название последовавшей «казацкой зиме»²². В декабре военные действия практически не велись: союзники подтягивали еще войска. Более 40 000 под командованием Даву

¹⁷ *Davout L.-N. Mémoire de M. Le Maréchal Davout, prince d'Eckmühl, au Roi. Paris, 1814. P. 6; Гунько А.А. Л.-Н. Даву в Гамбурге в 1813-1814 гг.... С. 111.*

¹⁸ *Campe E.H. Op. cit. S. 89-90.*

¹⁹ *Ibid.; Luz H.S. «Franzosenzeit» in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen, 2003. S. 229-230; Mönckeberg C. Op. cit. S. 219; Aaslestad K. Postwar Cities: The Cost of the Wars of 1813–1815 on Society in Hamburg and Leipzig // Forrest A., Hagemann K., Rowe M. War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions. Basingstoke, 2016. P. 222.*

²⁰ *Davout L.-N. Op. cit. P. 22.*

²¹ См.: *Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году. В 2 т. СПб., 1836. Т. 1. С. 11. Армия Беннигсена состояла из корпусов генералов Дохтурова и Маркова и насчитывала 21 тыс. человек с 92 орудиями. Корпус Строганова, осадивший Гамбург, имел 5 тысяч человек при 36 орудиях. См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 643; Т. 2. СПб., 1863. С. 192–193.*

²² Зима была опустошительной. В округе Гамбурга жители герцогств Шлезвиг и Гольштейн подчинялись датскому королю – на тот момент союзнику Наполеона. Поэтому союзники полагали, что они имеют полное право получать пополнение припасов за счет местного населения. Реквизициями занимались и казацкие отряды, и прусские уланы, и немецкие добровольческие отряды. Дания вышла из империи Наполеона 14 января 1814 г.

представляли собой внушительную силу. Первую попытку овладеть крепостью Беннигсен произвел лишь 23 декабря 1813 г.²³. Всего в ходе осады Гамбурга союзники потеряли по разным данным от 600 до 2000 человек. В свою очередь, корпус Даву потерял 13,5 тыс. человек погибшими, в том числе 11 тыс. от болезней²⁴. Если верить этим цифрам, потери от эпидемии составили более 80 %. Но были еще умершие и среди гражданского населения.

Рассмотрим основные проблемы, которые переживали осажденные с декабря 1813 г. по май 1814 г., уточним причины и масштабы эпидемии.

Отступая в 1812 г. из России, французы разнесли эпидемию тифа во всей Европе. Следует отметить, что отдельные случаи тифа наблюдались с осени 1812 г. в связи с прибытием обозов военнопленных и раненых из России. Но в 1813 г. счет больных уже пошел на десятки тысяч. В первую очередь значительные потери понесли гарнизоны (соответственно, и местное население) осажденных союзниками крепостей²⁵. Первостепенной задачей городов, принимающих раненых и больных солдат, была организация обеспечения всем необходимым лазаретов.

Начавшиеся с конца декабря 1813 г. попытки штурма укреплений Гамбурга и рост числа раненых уже в конце января 1814 г. заставили оккупационное правительство увеличить число лазаретов. Как это происходило и в других городах, под дополнительные лазареты был отведен ряд муниципальных зданий. В Гамбурге для лечебных целей решено использовать церковь при тюрьме Шпинхауз (Spinnhaus)²⁶, салон Аполлон (Sallon d'Apollon), в котором

²³ Подробнее см.: *Арцибашев И.* Осада Гамбурга // Рейтар. 2006. № 2. С. 57–58; *Спиридонова Л.М.* Участие Пензенского ополчения в осаде Гамбурга // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4; *Терентьев В.О.* Действия отряда генерал-лейтенанта Е.И. Маркова в ходе осады Гамбурга союзными войсками в 1813-1814 гг. // Военная история России XIX-XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / Под редакцией Д.Ю. Алексеева, А.В. Арановича. СПб., 2016. С. 28-37.

²⁴ *Арцибашев И.* Указ. соч. С. 64–66.

²⁵ *Гладышев А.В.* Прощальный «дар» Великой армии... С. 99.

²⁶ Исправительная тюрьма для проституток. Во время французской оккупации (1806-1814 гг.) также использовалась как место политзаключенных, оппозиционных профранцузскому режиму. Здание сгорело дотла во время Великого пожара (1842 г.).

располагался Таможенный суд, а также церковь Св. Екатерины²⁷. По свидетельству Э. Кампэ в этих помещениях находилось несколько семей беженцев, в том числе, больные, но муниципалитету было предписано освободить здания в течение суток²⁸.

Мэр Рюдер (Rüder) вынужден был действовать решительно. Он распорядился сдать в лазареты все кровати, соломенные матрасы, полотенца и одеяла, принадлежавшие выдворенным за пределы города горожанам (сверх того количества, что сдавалось горожанами в качестве контрибуции). При этом, если верить Кампэ, он заявил: «Принесите требуемое и будет соблюден в ваших домах покой!»²⁹. В лазаретах не хватало простыней и одеял. Французы требовали с горожан сдать в лазареты бинты, чулки, рубашки в качестве перевязочного материала³⁰. Помимо кроватей и белья горожане должны были сдавать чайники, миски для супов, ночные горшки, стаканы, старое белье и лохмотья: «всё реквизировалось ежедневно или по мере необходимости»³¹.

Возникли трудности с отоплением занятых французами зданий. Местный юрист Фердинанд Бенеке, упоминал обильный снегопад и ледостав Эльбы, он писал в своем дневнике 6 марта 1814 г.: «Великий холод. Всё в моей спальне замерзло»³². Для обогрева казарм и лазаретов французскими солдатами разбирались на дрова пришвартованные в гавани деревянные корабли, винные бочки, дома и склады «отвернувшихся» от правительства горожан³³. Кампэ писала, что нехватка дров была особенно ощутима в лазаретах (в казармах она не бывала); при сильном холоде большие залы часто не согревались в течение нескольких дней. Вообще,

²⁷ *Campe E.* Op. cit. S. 133.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Ibid.* S. 124-125. Кампэ выражает недовольство мэром Рюдером и, наоборот, высказывает симпатию бывшему мэру Гамбурга: «таких эксцессов никогда бы не произошло, если бы мэром города не был Абендрот». См.: *Ibid.* S. 124. Амандус Август Абендрот (1767-1842) – мэр Гамбурга в 1811-1813 и 1831 г. Абендрот – один из членов делегации от местных жителей, принимавших Теттенборна в марте 1813 г.

³⁰ *Ibid.* S. 127-128. Помимо перевязочного материала не хватало и лекарств. Кампэ упоминает, что лечили в основном отварами. См.: *Ibid.* S. 153.

³¹ *Ibid.* S. 146.

³² *Beneke F.* Die Tagebücher. Im 7 Bd. Göttingen, 2016. Bd. 3/2. S. 34, 40, 45-46. См. так же: *Campe E.* Op. cit. S. 126; *Mönckeberg C.* Op. cit. S. 247.

³³ *Campe E.* Op. cit. S. 125, 127.

заклучает Кампэ, «я никогда не сталкивалась с такими страданиями, как здесь, среди воинов некогда Великой нации»³⁴.

Несмотря на все превентивные меры Даву, были трудности и с пропитанием. Э. Кампэ в своих письмах указывает, что «большая часть накопленных в магазинах продуктов питания и фуража была испорчена условиями хранения. <...> Мясо, заготовленное на зиму, было хорошо засолено, но хранилось во влажных подвалах или церквях, где оно быстро испортилось; погреба под картофель были оборудованы в болотистых местах и потому картофель сгнил. Так что – заключает Кампэ – даже для больничного рациона не было ничего, кроме сушеных овощей». От неправильной транспортировки пострадало огромное количество вина и пива³⁵, было испорчено и большое количество сена³⁶, которое французы успели притащить в город».

Но, главное, пришлось регулировать потребление зерна и хлеба. 14 января было сделано объявление: отныне пекарям позволено продавать хлеб только тем, кто получит на это карточку с соответствующим разрешением от оккупационной администрации. Эти карточки выдавались только государственным служащим, членам муниципалитета и проповедникам; на каждой было указано количество фунтов, которое владелец мог покупать каждый день (лимит – 5 фунтов хлеба в день). Рабочим на фортификационных мероприятиях полагался чёрный хлеб. Нарушивших это предписание грозило суровое наказание (за продажу белого хлеба полагалась смертная казнь). На следующий день «толпы горожан скопились с самого утра у пекарен: каждый жаждал в последний раз наесться белого хлеба – не помогала даже охрана жандармов, выставленная у дверей. Завязалась давка, в ходе которой несколько человек пострадали. В конечном итоге, пекарям было позволено выпекать хлеб сверх определенного количества для публичной продажи из закупленных ими запасов»³⁷. В целях обеспечения пациентов лазаретов питанием мэр Рюдер предложил горожанам

³⁴ *Campe E.* Op. cit. S. 153.

³⁵ Даву даже распорядился ввести запрет на реализацию вина и бренди. Виноторговцам, по словам Кампэ, уже потерявшим часть своего состояния из-за сорвавшихся важных поставок, от этой меры стало хуже: теперь они оказались полностью разорены. См.: *Ibid.* S. 136.

³⁶ «Маршал приказал убить нескольких бедных лошадей для экономии корма, <...> убитых лошадей использовали в пищу лишь частично, оставляя останки прямо на улице». Цит. по: *Ibid.* S. 138.

³⁷ *Ibid.* S. 121.

пожертвовать по 5 фунтов муки «для помощи в уходе за больными, стражниками города и военнопленными». Кампэ писала, что это было «одним из самых жестких требований для большинства населения»³⁸. Насколько остро стоял вопрос с продовольствием, можно судить по ремарке Мёнкеберга: «...жизнь солдат в эти месяцы, несмотря на все заботы Даву, <...> была в высшей степени жалкой. Стоная и вопя, они шатались по улицам города в своих серых плащах в поисках пропитания. Как они обрадовались, когда поймали уличного кота, которого смогли зажарить!»³⁹.

Очевидцы событий в Гамбурге, а вслед за ними и историки, единодушно заявляют, что попасть в лазарет было наихудшей участью для французского солдата. Кампэ писала: «Французы так боялись больницы, что многие стали жертвами только этого страха; насколько это было возможно, они предпочитали скрываться в казармах, чтобы избежать неминуемой смерти в госпиталях⁴⁰. И далее: «...с ранеными обращались без особого ухода. <...> их исцеление всегда было длительным, ввиду постоянного экстремального холода; большинство солдат с трудом стояли на ослабевших ногах»⁴¹. Кампэ описала случай ее встречи на улицах Гамбурга с одним из французских солдат, измученным холодом, голодом и болезнями. Француз слонялся по улицам Гамбурга обессиленный и обезволенный. Наплевательское отношение к нему сослуживцев, молча проходивших мимо, его несчастный вид вызвали сострадание: горожане накормили умирающего и с трудом оттащили его в ближайшую больницу⁴².

Пауль Хольцхаузен, объясняя такое положение дел с больными и ранеными, намекал на коррупцию и безответственность. Он заявил, что это «уже признанный факт, <...> что не все съестные припасы и вино, реквизированные для больных, пошли по назначению». В этом он подозревал Луазона (Loison) – командующего 3-ей пехотной дивизией 13-го армейского корпуса, Тьебо (Thiébault) – командующего 40-й пехотной дивизией 13-го

³⁸ *Campe E.* Op. cit. S. 139.

³⁹ *Mönckeberg C.* Op. cit. S. 253.

⁴⁰ *Campe E.* Op. cit. S. 152.

⁴¹ Указом Даву с 4 марта всех выздоравливающих отправляли из лазаретов на квартиры. См.: *Henke C.* Davout und die Festung Hamburg-Harburg, 1813-1814. Berlin, 1911. S. 105. Эта мера способствовала распространению эпидемии среди гражданских лиц. См.: *Campe E.* Op. cit. S. 177-178.

⁴² *Ibid.* S. 154.

армейского корпуса, и даже Хогендорпа (Hogendorp) – генерал-губернатора Гамбурга⁴³.

Дефицит был не только в дровах, кроватях, белье, лекарствах, и продуктах питания. Не хватало ни врачей, ни медсестер. Даже, несмотря на неплохую зарплату (15 марок в месяц) найти медсестру, согласившуюся бы работать с тифозными больными, было очень трудно. В конце концов, было решено принудительно привлекать население к этой работе. Даву заставил гамбургских врачей служить в лазаретах. Предписывалось также «приводить с улицы горничных и дочерей низшего сословия населения горожан в лазареты и заставлять их собирать перевязочный материал». Фармацевтам предписывалось каждый день присылать своих помощников, чтобы помочь приготовить лекарства и перевязать раненых, а те фармацевты, у кого больше не было помощников, должны были приходить лично⁴⁴. В конечном итоге, из военных госпиталей «нервная лихорадка» распространилась среди горожан. Когда некоторые из врачей и обслуживающего персонала стали жертвами тифа, возмущенные горожане обвинили маршала в этих смертях⁴⁵. Кампэ в этой связи писала: «Быть приписанным в лазарет сравни подписать себе смертный приговор»⁴⁶. Когда около полутысячи горожан из-за угрозы голода и страха быть привлеченными к работе в госпиталях попытались покинуть город, часть из них остановили и вернули обратно⁴⁷.

В феврале и марте, в период вспышки тифа, ежедневно умирало от 60 до 70 солдат (в некоторые дни доходило до 100 человек). По подсчетам Мёнкеберга, от тифа умерло 8 200 человек⁴⁸. Тех, кто умер в казармах, их товарищи иногда хоронили во дворах горожан⁴⁹. Умерших в госпиталях хоронили в братской могиле в Сент-Джордж, которую вырыли французские солдаты, и которую, в

⁴³ Holzhausen P. Op. cit. S. 99-100.

⁴⁴ Campe E. Op. cit. S. 155-156.

⁴⁵ Henke C. Davout und die Festung Hamburg-Harburg, 1813-1814. Berlin, 1911. S. 106-107.

⁴⁶ Campe E. Op. cit. S. 177-178.

⁴⁷ Даву старался держать город в информационной изоляции, ему так же не хотелось, чтобы союзники получали от беженцев сведения о положении дел у осажденных.

⁴⁸ Mönckeberg C. Op. cit. S. 253.

⁴⁹ Campe E. Op. cit. S. 152.

конечном итоге, они же и разделят⁵⁰. Для того, чтобы случайно не похоронить ещё живого соотечественника⁵¹, остывшие тела отвозили на несколько часов в специально отведенный подвал и только потом хоронили (для исключения врачебной ошибки)⁵². Хоронили усопших ввиду большого их количества «по сокращенной программе», без положенных воинских почестей⁵³.

Высокая концентрация людей в осажденном городе, плохое питание, антисанитария, туманные представления о способе распространении эпидемии и методах борьбы с ней привели к крупным потерям как среди солдат Великой армии, так и гражданского населения.

⁵⁰ *Haidinger B. The napoleonic empire and the making of a modern public: policing, politics, and parades in nineteenth-century Hamburg, 1806-1830. Richmond, 2013. P. 82; Mönckeberg C. Op. cit. S. 253.*

⁵¹ Так в Торгау едва не похоронили одного потерявшего сознание тифозного больного см.: *Гладышев А.В. Прощальный «дар» Великой армии... С. 116.*

⁵² *Campe E. Op. cit. S. 152-153.*

⁵³ *Ibid. S. 152 ff.*

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ «НА ПОЛЬЗУ ВОИНОВ» КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В.П. Тотфалушин¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена сбору пожертвований населением Саратовского Поволжья в пользу действующей армии и ее воинов во время Крымской войны. Несмотря на значимость военного конфликта для социально-экономических и политических процессов в России в середине XIX в., его влияние на территории империи, находившиеся в глубоком тылу недостаточно изучено. Устанавливается, что если ее начало стало толчком к активизации патриотических чувств, то в дальнейшем затяжная кампания негативно повлияла на патриотический настрой общества. Подробно освещены механизм организации сборов, а также социальный состав жертвователей. Уделяется внимание размерам и видам пожертвований. В публикации также ставится вопрос о степени добровольности этих пожертвований, в связи с методикой их сбора. В целом собранный материал позволяет заключить, что Саратовское Поволжье оказало тогда существенную материальную поддержку действующей армии.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, Крымская война, пожертвования населения.

DONATIONS IN SARATOV VOLGA REGION «ON THE BENEFIT OF THE WARRIORS» OF THE CRIMEAN WAR

V.P. Totfalushin

(Saratov, Russia)
e-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

The article is devoted to the collection of donations by the population of the Saratov Volga region in favor of the army and its soldiers during the Crimean War. Despite the importance of the military conflict for the socio-economic and political processes in Russia in the middle of the 19th century, its influence on the territories of the empire, located in the deep rear, has not been sufficiently studied. It is established that if its beginning was an impetus to the awakening of patriotic feelings, then in the future a protracted campaign negatively affected the patriotic mood of society. The mechanism for organizing collections, as well as the social composition of donors, are covered in detail. Attention is paid to the size and types of donations. The publication also raises the question of the degree of voluntariness of these donations, in connection with the method of their collection. In general, the

¹ Тотфалушин Виктор Петрович (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

collected material allows to conclude that the Saratov Volga region then provided significant material support.

Keywords: the Saratov Volga region, the Crimean War, donations of the population.

Крымская война стала важной вехой в истории России, историки согласно признают ее заметное воздействие на общественно-политическую жизнь Империи. Однако события и процессы, происходившие в 1853–1856 гг. в губерниях, которые находились в глубоким тылу, до сих пор недостаточно изучены как в отечественной историографии в целом, так и в историографии отдельных регионов. В частности публикации, в которых бы подробно рассматривалось влияние Крымской войны на Саратовское Поволжье, практически отсутствуют. В этой связи в настоящей статье предпринимается попытка освещения материальной поддержки местным населением действующей армии во время Крымской войны.

Ее начало стимулировало пробуждение патриотических чувств российской провинции, находивших выражение в жертвованиях, которые совершались в двух формах – денежной и натуральной. Они в те годы адресовались: 1) в пользу действующей армии в целом, 2) в пользу армии, действующей против турок, 3) в пользу войск в Крыму; 4) в пользу раненых и других нижних чинов; 5) в пользу Государственного подвижного ополчения и 6) на военные нужды. С целью морального поощрения жертвователей заметки о благотворительной деятельности регулярно появлялись на страницах Саратовских и Самарских губернских ведомостей.

Саратовское Поволжье в XIX в. было одним из хлебопроизводящих районов страны, поэтому важное место среди натуральных жертвований составляли зерновые, мука и сухари. В ответ на Манифест, объявивший о начале войны с Англией и Францией, крестьяне сел Белогродня, Рыбное, Шихан, Ключи, Чернавка и деревень Плетневка, Михайловка и Студенка Вольского уезда Саратовской губернии, принадлежащие графам Орловым-Денисовым, весной 1854 г. объявили о желании «сделать посев ярового хлеба, а по уборке оно, зерном вывезти <...> на пристань берега р. Волги в жертвование на пользу воинов за Веру и Отечество в ныне продолжавшуюся войну пострадавших». В донесении от 4 июня того же года управляющий Белогроднинским вотчинным управлением сообщал, что «немедленно назначил особо из господских земель 150 десятин <...> и выдал на семена из господского же хлеба 100

четвертей лучшей белотурки, всходы которой и оказались очень хорошие»².

«Самарские губернские ведомости» в апреле 1854 г. сообщили о высочайшей признательности дворянству Самарской губернии, в которую тогда входило Саратовское Левобережье, за «желание пожертвовать для действующей армии сто тысяч пудов ржаной муки...»³. В мае в них же появилось сообщение о пожертвовании обществами колонистов Самарской и Саратовской губерний в пользу войск 30 962 пудов пшеницы и 11 594 пудов ржи, государственными крестьянами Мало-Перекопской волости⁴ Николаевского уезда⁵ Самарской губернии до 1 000 пудов хлебных сухарей «с доставкой всего этого количества на Балаковскую пристань», а по Николаевскому округу должностными лицами волостных и сельских управлений, государственными крестьянами, священнослужителями и разночинцами – 15 300 пудов хлеба⁶.

Другой формой продовольственной поддержки армии был безвозмездный прием на временное квартирование проходящих воинских частей. Так, 17 января 1854 г. жители г. Сердобск «встречали и угощали» 1-й и 2-й полки Уральского казачьего войска, которые, «проходя по назначению, останавливались в этом городе...»⁷, а жители г. Николаевск «с примерным радушием» приняли 2-й эскадрон Лейб-гвардии Уральского казачьего дивизиона и со 2 по 4 марта 1854 г. «довольствовались нижних чинов провиантом и горячею пищею безденежно»⁸. 3 апреля того же года вольчанам была объявлена Высочайшая благодарность за гостеприимство, проявленное в отношении двух полков Уральского войска⁹.

Не меньшим вниманием пользовались и добровольческие формирования. Например, 5 марта 1855 г. при отправке из Саратова «охотников» Стрелкового полка Императорской фамилии к месту формирования Саратовское откупное комиссариатство

² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1334. Л. 1, 1 об.

³ Самарские губернские ведомости. 17.04.1854. С. 140.

⁴ Ныне Малоперекопное – село в Балаковском районе Саратовской области.

⁵ Город Николаевск – ныне Пугачев, центр Пугачевского района Саратовской области.

⁶ Самарские губернские ведомости. 1854. 22 мая. С. 189–190.

⁷ Самарские губернские ведомости. 1854. 3 апреля. С. 98.

⁸ Самарские губернские ведомости. 1854. 27 марта. С. 85.

⁹ Саратовские губернские ведомости. 1854. 3 апреля. С. 68.

выделило на каждого «по 2 чарки хлебного вина и по два крупичатых калача»¹⁰.

По сообщению начальника Пензенского ополчения генерал-лейтенанта А.Н. Арапова, летом того же года «во время следования чрез Саратовскую губернию [его] дружин <...> все жители городов и сел, на пути лежащих, повсюду встречали ратников по русскому обычаю с хлебом-солью и угощали их безвозмездно всем, чем только могли...» Так, при следовании дружины № 175 через г. Балашов «навстречу ратников вышли жители всех сословий и духовенство соборной церкви. После молебствия протоиереем Левицким была произнесена речь, а городской голова Кожевников угощал от себя нижних чинов винною порцией и булками, а офицеров завтраком»¹¹.

А по донесению вольского предводителя дворянства от 10 января 1856 г., «на Новый год ратники <...> [Вольской] дружины после обедни получили [от благородного общества] <...> по чарке водки, по калачу и по фунту говядины»¹².

Еще одной формой натуральной помощи армии был сбор перевязочных материалов, которых катастрофически не хватало, поэтому по всей стране развернулась их заготовка. Уже в апреле 1854 г. «Саратовские губернские ведомости» сообщали: «Домашние занятия прекрасного пола едва ли не исключительно состоят в щипании корпии и приготовлении бинтов для наших храбрых воинов... В некоторых домах даже дети, забыв свои игры, с удовольствием щиплют корпию»¹³.

Примеров этому можно привести множество. Так, 5 марта 1855 г. смотритель Вольского духовного училища Илья Лавровский представил в Саратовское семинарское правление восемь пудов корпии, «изготовленной <...> с помощью воспитанников» «для раненых в настоящую войну в Севастополе»¹⁴, а 27 апреля 1856 г. – 12 пудов корпии «для раненых в настоящую войну»¹⁵. 24 июня 1855 г. удельные крестьяне Золотовского приказа сдали управляющему Саратовской удельной конторой четыре пуда

¹⁰ Местные известия // Саратовские губернские ведомости. 1855. 12 марта. С. 56.

¹¹ Саратовские губернские ведомости. 1855. 15 октября. С. 189.

¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 294.

¹³ Саратовские губернские ведомости. 1854. 3 апреля. С. 60.

¹⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3266. Л. 1.

¹⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3501. Л. 1.

корпии и 60 аршин холста, в том числе «малолетняя девочка села Золотого Матрена Ляхова 8 фунтов»¹⁶, а 29 июня «воспитанники [школ в селениях немецких колонистов] <...> и некоторые колонисты изготовили <...> 20 пудов 32 фунта корпии»¹⁷. Всего же к апрелю 1855 г. в Саратовской губернии было собрано корпии, холста, бинтов, компрессов и ниток 422 пуда 11 ½ фунта¹⁸.

Уже в ноябре 1854 г. Николай I повелел объявить высочайшую благодарность саратовскому купечеству, пожертвовавшему «на военные надобности» 6 тыс. руб. серебром. Взносы, составившие эту сумму, колебались от 5 до 825 рублей, наибольший принадлежал саратовскому городскому голове, купцу 1-й гильдии, потомственному почетному гражданину Л.С. Масленникову¹⁹.

19 января 1855 г. появился новый именной указ с благодарностью уже саратовскому дворянству за решение «собрать 75 тыс. рублей серебром на военные издержки и жертвовать ежегодно таковую же сумму во все продолжение войны». Кроме того, тогда саратовцы решили избрать 20 бедных дворян, желающих поступить в военную службу, «с содержанием их до производства в офицеры за счет собственных доходов с имений»²⁰.

6 июля того же года благодарность была объявлена и дворянству Самарской губернии за готовность ежегодно жертвовать во все время войны по 25 тыс. рублей «из доходов принадлежащих им имений <...> на покрытие расходов по Государственному ополчению»²¹.

При этом наряду с корпоративными фактами пожертвований можно отметить и индивидуальные. Так, в январе 1855 г. стало известно, что неизвестный помещик Петровского уезда пожертвовал в пользу жителей г. Кола Архангельской губернии, пострадавших при бомбардировке англичанами, 61 руб. 20 коп. серебром²².

Помимо единовременных пожертвований совершались и сборы по подписным листам. 15 мая 1855 г. Александр II независимо от мер, которые принимало правительство для вознаграждения семей моряков за потерю ими в Севастополе домов и

¹⁶ ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 558. Л. 3.

¹⁷ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 367. Л. 277.

¹⁸ Саратовские губернские ведомости. 1855. 16 апреля. С. 81.

¹⁹ Саратовские губернские ведомости. 1854. 27 ноября. С. 172–173.

²⁰ ПСЗРИ. Т. 30. № 28956.

²¹ Там же. № 29497.

²² Саратовские губернские ведомости. 1855. 15 января. С. 2.

имущества, издал указ об открытии через Министерство внутренних дел повсеместной подписки в их пользу²³. В Саратовской губернии этот призыв был доведен до сведения населения в течении двух недель (с 4 по 20 июня)²⁴.

В сборе средств приняли участие представители различных слоев общества: дворяне, представители духовенства, купцы, мещане и крестьяне. Отмечу, что, если на призыв от 11 июня 1854 г. Департамента уделов об организации сбора пожертвований, в рапортах приказного заседателя сообщалось, что желающих среди удельных крестьян пожертвовать «для войск по силе возможности никого не оказалось»²⁵, то летом 1855 г. крестьяне Золотовского приказа собрали в помощь морякам, лишившимся своего имущества, 2 руб. 50 копеек²⁶.

Не отставала от них и интеллигенция. Так, отпускное время не стало помехой для сбора пожертвований. В результате чиновниками Саратовской дирекции училищ и преподавателями было собрано 200 рублей, которые 17 октября 1855 г. были переданы начальнику губернии²⁷.

В целом желающих помочь защитникам Севастополя оказалось очень много и за семь месяцев 1855 г. было собрано 11 тыс. рублей²⁸. При этом особо отличилась Н.Н. Философова, которая 28 июня возымела желание пожертвовать в пользу моряков 1 714 руб. 30 коп. серебром, которые ей был должен ее брат – покойный штабс-капитан М.Н. Философов²⁹.

К началу 1856 г. жителями губернии было сделано дополнительно пожертвований «в пользу семейств севастопольских храбрых воинов» на общую сумму 8 397 руб. 79 ³/₄ копейки. Кроме того, члены и чиновники Саратовской гражданской палаты изъявили желание жертвовать в пользу морских чинов Севастополя по 21

²³ ПСЗРИ. Т. 30. № 29313.

²⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1.

²⁵ ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 541. Л. 1 об. – 3.

²⁶ Там же. Д. 556. Л. 10.

²⁷ Артамонова Л.М. Отклики на Крымскую войну 1853–1856 гг. в учебных заведениях Поволжья и Урала: оказание помощи морякам и их семьям // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 12.

²⁸ Надеждина А.С. Обзор документов по Крымской войне 1853–1856 гг. из фондов Государственного архива Саратовской области // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: материалы науч. конф. Саратовского обл. отд-ния РОИА. Саратов, 2006. С. 211.

²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 378.

руб. 12 ½ коп. серебром в месяц «на все время войны»³⁰. А саратовское купечество к 25 мая собрало в пользу раненных при защите Севастополя чинов военно-сухопутных войск на 2 325 рублей³¹.

При этом саратовский городской голова 27 января посетовал, что «могло бы быть сделано гораздо более, если бы не была открыта подписка на ратников, в пользу которых [в Саратове] собрано до 12 000 руб[лей]»³². Саратовское купечество решило собрать на ополчение с купцов 1-й, 2-й 3-й гильдии 6 720 руб., а со всех саратовских купцов – 15 236 руб. 64 ½ копейки. По Вольску купцами было собрано 8 060 руб., в том числе по 2 тыс. дали городской голова А.А. Брюханов и купец Е.Ф. Курсаков, а купец Ф.О. Плигин – 3 тыс. рублей³³. Саратовское «дворянство же определило пожертвовать на сей предмет из своих доходов по 2 коп. с души, что составит сумму в 6 450 руб. 32 коп.». А в целом на 1 декабря 1855 г. «лица разных сословий» внесли 28 852 руб. 83 коп. «на покрытие расходов с призывом ополчения сопряженных»³⁴.

Еще одной формой сбора денежных пожертвований было проведение благотворительных акций (балов, спектаклей и т. п.). Так, 3 января 1856 г. в городе Вольск «был еще спектакль ... в пользу раненных и за расходами осталось 64 рубля серебром...»³⁵.

Правда, вопрос о степени добровольности пожертвований представителей различных сословий относится к числу дискуссионных, что в первую очередь связано с тогдашней методикой их сбора. Сначала объявлялась Высочайшая воля императора, которая воплощалась в виде нормативно-правового документа. Например, специальный пункт об открытии добровольной подписки «для покрытия расходов» был включен в «Положение о Государственном ополчении»³⁶.

Далее правительство отдавало распоряжения губернаторам, а те, в свою очередь, ставили в известность губернского предводителя дворянства и представителей городских дум. По предложению губернских предводителей дворянства собирались местные корпоративные органы самоуправления – губернские дворянские

³⁰ Саратовские губернские ведомости. 1856. 14 января. С. 7-8.

³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 326.

³² Там же. Л. 297-297 об.

³³ Саратовские губернские ведомости. 1855. 10 декабря. С. 366.

³⁴ Саратовские губернские ведомости. 1856. 4 февраля. С. 17.

³⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 294.

³⁶ ПСЗРИ. Т. 30. № 28994.

собрания, решения о пожертвованиях купечества и мещанства принимали их городские руководящие органы.

Формально «мера пожертвования» зависела «от усердия и любви к Отечеству каждого гражданина»³⁷, но фактически в основу расчета традиционно брался главный объект налогообложения – ревизские души. Например, 13 декабря 1854 г. в Саратовском губернском дворянском собрании было высказано «суждение»: ежегодно в течении войны вносить определенную сумму на военные нужды. На следующий день действительный статский советник А.А. Шахматов обратился к губернскому предводителю с предложением, чтобы «каждый дворянин-помещик вносил от себя ежегодно <...> такую сумму денег, какая составитя по количеству владеемых ревизских душ, <...> полагая на каждую ревизскую душу по 25 к[опеек] сереб[ром]»³⁸.

Другой единицей расчета была земля. Так, постановление экстраординарного дворянского собрания Самарской губернии 18 мая 1855 г. назначило сбор на Государственное ополчение по 1 ½ коп. с десятины всех дворянских земель губернии «во все время его (ополчения. – В. Т.) существования»³⁹. А при установлении размера купеческого взноса учитывался основной объект налогообложения – объявленный капитал. Так, саратовское купечество предложило собрать на ополчение со всех купеческих капиталов 1-й и 2-й гильдии по 2 руб. и с 3-й гильдии по 1 рублю⁴⁰.

Аналогично действовали и отраслевые министерства. Например, 26 мая 1855 г. министр народного просвещения А.С. Норов направил в Казанский учебный округ циркуляр, в котором предложил сделать распоряжение о повсеместной подписке в пользу семей моряков за потерю ими в Севастополе домов и имущества. В свою очередь 4 июня помощник попечителя Казанского учебного округа, а 21 июня и сам попечитель разослали соответствующие предписания в дирекции училищ Нижегородской, Пензенской, Астраханской, Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Пермской, Вятской, Самарской, Казанской губерний⁴¹.

³⁷ ПСЗРИ. Т. 30. № 28994.

³⁸ ГАСО. Ф. 660. Оп. 1. Д. 422. Л. 1-2.

³⁹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города: ист.-стат. очерк. Самара, 1877. С. 560.

⁴⁰ Саратовские губернские ведомости. 1855. 10 декабря. С. 366.

⁴¹ Артамонова Л. М. Указ. соч. С. 9.

11 июня 1854 г. Департамент уделов направил Саратовской удельной конторе распоряжение об организации сбора пожертвований, которое та переадресовала находящимся у нее в подчинении удельным приказам. В нем предлагалось сделать удельным крестьянам «внятное и убедительное предложение, дабы они, как дети православной церкви <...> по примеру других <...> пожертвовали <...> хотя [бы] малыми частями»⁴².

Нечто подобное можно наблюдать и в действиях Церкви. Например, 31 октября 1855 г. протоиерей Сретенской церкви Саратова Алексей Росницкий предложил Саратовской духовной консистории «принять от него тысячу экземпляров» «Слова», «говоренного им в 1844 г. при освящении в г. Вольск Соборного храма⁴³», с тем, «чтобы книжки сии разосланы были к настоятелям монастырей и соборных церквей, к благочинным <...> и в правление Саратовской духовной семинарии» для последующей продажи «в пользу ополчения Саратовской губернии». При этом за каждый экземпляр было предложено взимать «столько, сколько кто пожертвует», но «не менее пятнадцати коп[еек] серебром»⁴⁴.

Выполняя распоряжение Консистории правление Саратовской духовной семинарии в свою очередь направило по 20 экземпляров книги «начальствам» Саратовского, Вольского, Петровского, Балашовского и Камышинского духовных училищ с тем, чтобы «список лиц, поусердствовавших более означенного количества денег, представлен были в семинарское правление»⁴⁵.

Сбор пожертвований находился под постоянным контролем губернатора и властей, им занимались административно-полицейские и сословные органы: в губернских городах – дворянские депутатские собрания, городские думы и полиция, городские головы и частные приставы, в уездных городах – предводители дворянства, городские правления, земские суды, окружные управления, думы и ратуши, в уездах – становые и следственные приставы, удельные приказы и волостные правления ведомства государственных имуществ⁴⁶.

⁴² ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 541. Л. 1 об. – 3.

⁴³ Предтеченский (Новый) собор был торжественно освящен 28 сентября 1844 г. Он находился на Торговой (Новой Соборной) площади Вольска.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3360. Л. 1-1 об., 4.

⁴⁵ Там же. Л. 3-3 об.

⁴⁶ Самарские губернские ведомости. 1855. 26 февраля. С. 43.

При этом саратовский губернатор, формально признавая, что «степень участия в настоящем благотворительном деле должна быть представлена вполне сердцу и средствам каждого», поставлял «на вид градским и земским полициям, что некоторые из них, не приглашая жителей к подписке, доносят иногда, что желающих к пожертвованию не оказалось», и предписывал «о количестве пожертвований доводить до моего сведения ежемесячно <...> до особого распоряжения»⁴⁷.

Квартальные надзиратели Кузнецка столкнулись с отказом жителей от участия в пожертвованиях. Одни объясняли, что «это пожертвование сделали уже чрез городского голову»; другие «по бедности своей» заявляли, «что они сами терпят большую нужду в деньгах», пострадав от пожара. Начальник губернии в этой связи предписал полицейским «усугубить свое старание к соглашению [этих] жителей на добровольные пожертвования»⁴⁸.

При этом попытки самодеятельности властями пресекались. Так, в апреле 1855 г. саратовский губернатор на страницах местной газеты опубликовал обращение, в котором говорилось, «что некоторые лица в г. Саратове принимают к себе различные пожертвования <...> в пользу раненых <...> Начальник губернии <...> просит не принимать <...> подобных приношений, а препровождать оныя прямо к нему»⁴⁹.

Возможно, это было связано с тем, что в николаевское время взяточничество и казнокрадство чиновников стало язвой России. Поэтому неудивительно, что среди лиц, занимавшихся сбором пожертвований, попадались и люди нечистые на руку. Так, после окончания войны Саратовская палата государственных имуществ передала в фонд 37 руб. 67 коп., «взысканных с бывшего в 1854 году волостным головою» Староандреевского правления Добровольского, «вместо удержанных им у должностных лиц в пользу раненых нижних воинских чинов, но никуда не предъявленных»⁵⁰.

Таким образом, пожертвования не были вполне добровольным делом каждого человека. Более того, основной акцент в сборе пожертвований делался не на отдельных людей, а на сословия, принимавшие обязательные для всех его представителей решения. Например, «Положение о Государственном ополчении»

⁴⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 3 об. – 4.

⁴⁸ Там же. Л. 197–197 об.

⁴⁹ Саратовские губернские ведомости. 1855. 16 апреля. С. 80.

⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 376–376 об.

предусматривало, что «постановление собраний <...> о пожертвованиях исполняются отсутствующими беспрекословно»⁵¹. Такой подход, основанный на коллективной ответственности, существенно повышал эффективность сбора благотворительной помощи: установленный платеж становился обязательным, и добровольно жертвователю мог его только превзойти. О централизованном сборе пожертвований позволяют говорить и одинаковые цифры пожертвований в разных губерниях, о чем свидетельствуют данные современных исследований⁵².

В дальнейшем затяжная война негативно повлияла на патриотический настрой общества. В обзоре III Отделения читаем: «Продолжительная война оставила тяжелые следы на населении. Первоначальный энтузиазм остыл; жертвы и лишения становились ощутительнее; общая нужда возрастала»⁵³. В силу этого, начиная с осени 1855 г. в ежемесячных рапортах губернатору все чаще звучат слова: «Желающих на добровольное приношение <...> не оказалось»⁵⁴.

Таким образом, население Саратовского Поволжья во время Крымской войны своими пожертвованиями оказало существенную материальную поддержку государству и армии. При этом основные тяготы военного времени несли крестьяне, на плечи которых дворянство перекладывало свои безвозмездные жертвы на алтарь Отечества.

⁵¹ ПСЗРИ. Т. 30. № 28994.

⁵² *Выжимов Е.Д.* «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 130.

⁵³ Обзор деятельности III Отделения Собственной Вашего Императорского Величества Канцелярии за 50 лет. 1826–1876 гг. // *Абакумов О.Ю.* «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019. С. 506.

⁵⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 209, 246, 371, 376, 377, 338.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.Г. Кокоулин¹

СибУПК

e-mail: kwladislaw@yandex.ru

Освободительное движение в России второй половины XIX в. в советское время рассматривалось в контексте трёх этапов освободительного движения и выстраивалась одномерная линия освободительного движения от декабристов через революционных народников к социал-демократам. В годы Перестройки имевшие место прежние оценки претерпели изменения: освободительное движение стало приобретать многомерность, разноплановость и альтернативность. В 1990-е гг. революционное движение стало трактоваться как прервавшее динамическое развитие страны по пути демократических преобразований. В таком виде характеристика освободительного движения закрепляется в учебниках постсоветской России. Автор приходит к выводу, что трактовки освободительного движения отражают те изменения, которые происходят в исторической памяти постсоветской России.

Ключевые слова: историческая память, освободительное движение, революционер, народник, Перестройка, постсоветская Россия.

LIBERATION MOVEMENT IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY IN THE HISTORICAL MEMORY OF POST-SOVIET RUSSIA

V.G. Kokoulin

(Novosibirsk, Russia)

e-mail: kwladislaw@yandex.ru

The liberation movement in Russia of the second half of the XIX century in Soviet times was considered in the context of three stages of the liberation movement and a one-dimensional line of the liberation movement was built from the Decembrists through the revolutionary narodniks to the Social-democrats. During the years of Perestroika, the previous assessments underwent changes: the liberation movement began to acquire multidimensionality, diversity and alternativeness. In the 1990s, the revolutionary movement began to be interpreted as interrupting the dynamic development of the country along the path of democratic transformations. In this form, the characteristics of the liberation movement are fixed in the textbooks of post-Soviet Russia. The author comes to the conclusion that the interpretations of the liberation movement reflect the changes that are taking place in the historical memory of post-Soviet Russia.

¹ Кокоулин Владислав Геннадьевич (Новосибирск), д.и.н., профессор юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации

Keywords: historical memory, liberation movement, revolutionary, narodnik, Perestroika, post-Soviet Russia.

Трансформации оценок исторических событий, происходящие в постсоветской России, заставляют задуматься о тех глубинных причинах, которые лежат в основе этих трансформаций. Одним из основных источников по изучению политики исторической памяти являются учебники истории, поскольку они (наряду с кинофильмами, музейными экспозициями, памятниками и т.д.) не только формируют историческую память, но и отражают те представления об историческом процессе, которые закладывают в них авторы². При написании учебников авторы следуют не только достигнутому уровню научных исторических знаний, но и требованиям «заказчика» (которым в данном случае выступает государство). Хотя трансформация освещения разных периодов истории происходит неравномерно, можно тем не менее выявить общие закономерности таких трансформаций.

Чтобы выявить те фундаментальные закономерности, которые лежат в основе трансформаций оценок исторических событий, необходимо сравнить соответствующие тексты учебников истории, изданных в разные периоды истории России.

Сравнительно-исторический метод позволяет выявлять сходства и различия между текстами учебников, посвящёнными одной теме, и объяснять сходства и различия, исходя из исторического контекста появления данных текстов.

В советский период освободительное движение рассматривалось через призму ленинского деления освободительного движения в России на три этапа: дворянский (1825–1861), разночинский (1861–1895) и пролетарский (с 1895 г.). Освободительное движение в этой схеме выстраивалось как единый последовательный процесс, на смену этапов которого повлиял выход на историческую арену нового класса или строя, вытесняющего своего предшественника.

² О конструировании исторической памяти через школьные учебники см., например: *Гладышев А.В.* Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // *Европа. Международный альманах.* Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 46-52; *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // *История и историческая память.* Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30-61.

Эта общая схема конкретизировалась в учебной литературе. Так, в учебнике истории, вышедшем в 1953 г., выделялись следующие параграфы: «Революционное движение 70-х годов», «Рабочее движение 70-х годов» и отдельная глава «Начало борьбы рабочего класса против царизма (1881–1899)», в котором выделялись параграфы «Начало борьбы за марксистскую партию в России. Морозовская стачка» и «Начало революционной деятельности Ленина и Сталина»³.

Начинается описание революционного движения 70-х годов с характеристики народничества: «До появления марксистских групп революционную работу как среди рабочих, так и среди крестьян в России вели народники, которые не понимали передовой роли рабочего класса. Поэтому народники пытались поднять только крестьян на борьбу за землю и волю против помещиков и царизма»⁴.

В качестве аргумента приводится цитата из «Краткого курса», в которой утверждается, что народники были «совершенно отсталыми людьми», так как «не знали и не понимали законов экономического и политического развития общества». Более того, у них был «ошибочный и вредный взгляд на весь ход истории человечества»⁵.

Из трёх теоретиков народничества – Бакунина, Лаврова и Ткачёва – резкой критике подвергся только Бакунин, потому что он «как анархист и “бунтарь” <...> отрицал необходимость для пролетариата и крестьянства политической борьбы и установления диктатуры пролетариата, требовал немедленного уничтожения всякого государства». Авторы учебника заключают: «Его программа и тактика были ошибочны и вредны»⁶. Разумеется, данные утверждения – это всего лишь проекция сталинской политики усиления государственной власти в историю освободительного движения второй половины XIX в.

Характеризуя второй этап деятельности народников, авторы учебника подчёркивают: «террор народников (землевольтцев и народовольцев) мешал революционной борьбе масс, распылял

³ История СССР: учебник для 9 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1953. 328 с.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Там же. С. 264.

⁶ Там же. С. 265.

силы рабочих и крестьян и вёл к усилению правительственной реакции»⁷.

Основной вывод авторов учебника по народничеству XIX в., следующий: «Исторической заслугой народников 70-х гг. была их самоотверженная борьба против царизма и помещиков, их борьба за передачу всей земли крестьянам. Но в этой борьбе народники защищали не социалистические, а буржуазно-демократические позиции» и далее идёт аргументация посредством ссылки на Ленина: «Ленин называл народников 70-х гг. мелкобуржуазными утопическими социалистами»⁸.

Авторы учебника показывают, как параллельно с народническим движением развивалось рабочее движение, появились первые рабочие-революционеры Василий Герасимов и Пётр Алексеев, а также первые рабочие организации «Южно-Российский рабочий союз» и «Северный союз русских рабочих». Но несмотря на то, что «рабочие организации на голову переросли народников», они «ещё не были марксистскими организациями, они ещё не порвали с рядом народнических ошибок», а марксизм «ещё не стал из боевым знаменем»⁹.

Промежуточным звеном между «рабочим движением» и «марксистской партией» авторы учебника называют группу «Освобождение труда». Оценивая заслуги Г.В. Плеханова в борьбе против народничества и пропаганде марксизма в России, авторы отмечают, что эта группа «отрицала революционные силы и способности крестьянства как союзника пролетариата», делая ставку на «либеральную буржуазию», что впоследствии привело руководителей группы «к меньшевизму»¹⁰. После того, как в России начали действовать первые социал-демократические кружки, которые «ещё не были связаны с массовым рабочим движением, развивавшимся стихийно и неорганизованно»¹¹, начинается деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» под руководством В.И. Ленина, который разрешил историческую задачу, «подготовленную всем предшествующим развитием рабочего класса», связав «экономическую борьбу пролетариата против

⁷ История СССР: учебник для 9 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. С. 268.

⁸ Там же. С. 268.

⁹ Там же. С. 271, 272.

¹⁰ Там же. С. 292.

¹¹ Там же. С. 295.

капиталистов с борьбой политической против царизма»¹². Охарактеризовав личность В.И. Ленина, авторы переходят к описанию того, как аналогичную работу в Закавказье проделал И.В. Сталин¹³.

Эта схема оставалась базовой для советских учебников вплоть до периода Перестройки. Однако после смерти Сталина изменились оценки народничества. Оно перестало быть «ошибочным и вредным», а, наоборот, стало «отражать настроения и чаяния масс». Именно в таком духе трактуется деятельность народников в учебнике истории, изданном в 1982 г.¹⁴. Автор учебника сообщает, что «народники продолжили великое дело А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, дело борьбы против самодержавия и крепостничества», а их программа была программой «революционно-демократического преобразования России»¹⁵. И далее: «Народники впервые в истории России создали сплочённые революционные организации и нанесли серьёзные удары по самодержавному строю. Их борьба за свободу и демократию, пропаганда революционных идей среди крестьян и рабочих способствовали политическому пробуждению народа»¹⁶. Отрицательные оценки народничества предшествующего периода переносятся на либеральное народничество, которое «выражало интересы мелкой буржуазии города и деревни»¹⁷. И, разумеется, Сталин теперь перестаёт выступать в роли одного из организаторов социал-демократической партии в России и главного действующего лица пролетарского этапа революционного движения.

* * *

В годы Перестройки основные усилия политики исторической памяти сосредоточились на критике сталинских репрессий и сталинского режима, а также на заполнении «белых пятен» истории и призывами возвратиться «к чистым истокам ленинизма». Оценки народничества в перестроечных учебниках совпадали с

¹² История СССР: учебник для 9 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. С. 305.

¹³ Там же. С. 310-313.

¹⁴ Федосов И.А. История СССР. Учебник. 8 класс. М., 1982.

¹⁵ Там же. С. 153.

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 165.

теми, которые были сделаны в 1970-е – 1980-е гг. Так, в учебнике истории, изданном в 1989 г., отмечалось, что «народническая идеология в форме мелкобуржуазного, крестьянского утопического социализма имела закономерный характер и обеспечивала поступательность в развитии освободительного движения»¹⁸. Положительную оценку получает деятельность М.А. Бакунина, поскольку «при всей утопичности положения бакунизма имели и положительные моменты: соединение революционной демократии с силами народа, неудержимое стремление к свержению самодержавия, устранению эксплуатации, построению будущего общества на основах народного самоуправления»¹⁹. В связи с политикой «ликвидации белых пятен», на сцену политической борьбы в учебниках истории стали выводиться не только революционные организации. Так, в упомянутом выше учебнике появляется отдельный пункт под названием «Либеральная оппозиция». При этом отмечается и положительный вклад этой оппозиции в борьбу против царизма, поскольку они выступали против «пережитков крепостничества, произвола властей, репрессий царизма по отношению к печати и литературе», хотя, разумеется, «не стремились к социальному перевороту, ограничивая свои требования лишь устранением крайностей российского самодержавия»²⁰. Аналогичная оценка даётся и земской оппозиции, которая оказывала «косвенную услугу революционному движению, “внося в критические моменты колебания в репрессивные меры правительства”»²¹. Последняя фраза, как легко понять, принадлежит В.И. Ленину, цитаты из произведений которого по-прежнему являются аргументом и иллюстрацией выдвигаемых положений.

* * *

В 2000-е гг. на политику исторической памяти стали влиять три фактора: востребованность концептов «государственность» и «патриотизм», усиление роли РПЦ как агента политики исторической памяти и нарастание ностальгии по идеализированному советскому прошлому. Эти три фактора с разной степенью

¹⁸ История СССР. 1861–1917 / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1989. С. 83.

¹⁹ Там же. С. 85.

²⁰ Там же. С. 102.

²¹ Там же. С. 103.

интенсивности влияли на формирование массового исторического сознания, что в итоге привело к его размытости.

Что касается учебной литературы, то освещение освободительного движения в России во второй половине XIX в. во многом зависело от вкусов и пристрастий авторов учебников, хотя эта сфера в наибольшей степени контролировалась со стороны государства посредством ФГОС, лицензирования издательств учебной литературы и т.п. Так, в учебнике истории, изданном в 2001 г., «революционное» и «освободительное» движение превращается в «общественное»; консерваторы оцениваются как «охранители-государственники», которые «отрицательно относились к любым массовым социальным действиям, ратуя за порядок, спокойствие и традиционность»; либералы характеризуются как сторонники реформ, «считая их главным методом социально-политической модернизации России»; а революционное движение теперь трансформируется в «радикалов», которые «стремились к насильственным методам преобразования России и коренному переустройству общества (революционный путь)». Более того, читателей учебника уверяют в том, что «радикалы не имели широкой социальной основы», занимались «антиправительственной деятельностью» и были связаны с западноевропейскими революционными движениями. Что касается «пролетарского этапа», то в середине 1890-х гг. был всего лишь «непродолжительный период широкого увлечения марксистскими идеями демократически настроенной интеллигенции»²².

Понятия «освободительное движение» и «революционно-демократическое направление» в освободительном движении широко используются в другом учебнике истории, выпущенном в МГУ в 2004 г. В этом учебнике народничество приобретает ярко выраженную национальную окраску и описывается исключительно как «русское народничество», которое, правда, не было однородным, а представляло собой «широкий спектр различных течений – от революционно-демократического до умеренно-либерального и даже консервативного»²³. «Пролетарский этап» в этом учебнике рассматривается в главе, посвящённой истории Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и связывается уже не с

²² Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. и др. История России с древнейших времён до наших дней: Учебник. М., 2001. С. 274–277.

²³ Фёдоров В.А. История России. 1861–1917: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 113.

освободительным движением 1870-х гг., а с формированием политических партий в начале XX в.

Национальную окраску, в отличие от предыдущего учебника, приобретает не народничество, а либерализм в учебнике истории, выпущенном в 2005 г.²⁴. «Русский либерализм», который заявил о необходимости «сильной власти и либеральных мер», но с началом «контрреформ» либерализм раскололся – часть перешла в оппозицию к правительству, часть заняла соглашательские позиции²⁵. Соответственно, «русское революционное движение, долго державшееся идеей о самобытности России, стало с распространением марксизма сворачивать в общеевропейское русло»²⁶.

Неоднократно переиздававшиеся учебники под редакцией академика А.Н. Сахарова, характеризуются явными симпатиями авторов к монархии и РПЦ. Соответственно, они отрицательно оценивают всякое революционное движение. Так, идеи В.Г. Белинского, А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, оказывается, «были глубоко враждебны общественному строю», «не зная в действительности крестьянского уклада жизни, они видели в нём лишь то, что хотели видеть», «их предложения по переустройству жизни носили идиллический характер»²⁷. Зато «Русская Православная Церковь, её обряды, символы, веры и таинства поднимали людей над повседневными мирскими заботами, учили смотреть на мир как на творение Божие». И далее разъясняется: «В отличие от дворянства, многие представители которого фактически порвали с Церковью, простые люди сохраняли и приверженность к вере в учение Иисуса Христа, и веру в царя, помазанника Божьего. Никакие присущие дворянству сомнения и недовольства на этот счёт не проникали в их души»²⁸. Практически единственной и главной характеристикой народничества выступает «народнический террор», когда «опьянённые идейным горением», народники «шли на акты фанатического самопожертвования», что «неволью вызывало симпатию немалого числа русских людей, далёких от революционных устремлений». Популярность народнического террора

²⁴ Орлов А.С., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России: Учеб. пособие. М., 2005. 638 с.

²⁵ Там же. С. 319.

²⁶ Там же. С. 321.

²⁷ Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX века. Ч. 2. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 2006. С. 351, 352, 355.

²⁸ Там же. С. 358.

авторы также объясняют через православную религиозность «русского народа»: «Издавна в России социально-этические нормы формировались в русле православно-христианской традиции сострадания к “униженным и оскорблённым”, а бескорыстное общественное подвижничество всегда считалось великой общественной добродетелью»²⁹. И, соответственно «общественно-политические воззрения народников являли собой странное соединение положений христианской этики и социалистических теорий»³⁰. Но, как далее разъясняют авторы, к христианскому понятию самоценности каждой человеческой жизни они не имеют никакого отношения, более того, «их отличала фанатическая ненависть к общественному устройству России»³¹.

Поразительно, но авторы данного учебника вновь соединяют второй и третий этапы «освободительного движения»: «Народники явились прямыми предвестниками большевиков, пришедших к управлению страной в конце 1917 г. и сделавших убийство своих политических противников “совершенным средством самозащиты и агитации”»³².

Поразительно, но в учебнике совершенно отсутствует общественное движение либерального и даже консервативного толка. Основной пафос авторов учебника направлен на восхваление государственного устройства Российской империи, а разгромная критика – в отношении попыток революционного переустройства общества. В этом они возвращаются к той традиции, которую заложил «Краткий курс» с единственной разницей – «чёрное» становится «белым» и наоборот.

Таким образом, трактовки освободительного движения в разные периоды истории позднесоветской и постсоветской России, несмотря на их изменения, отражают не столько само освободительное движение второй половины XIX в., сколько те изменения, которые происходят в политике исторической памяти постсоветской России.

²⁹ Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России XVII–XIX века. С. 398, 399.

³⁰ Там же. С. 399.

³¹ Там же. С. 399.

³² Там же. С. 401.

УДК 9:323.28 (470-89)

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ:
ПРОЦЕСС В.Е. МАЛАВСКОГО И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ
В КИЕВСКОЙ СОЕДИНЕННОЙ ПАЛАТЕ
6– 8 ИЮЛЯ 1879 ГОДА.

О.А. Милевский¹

БУ «Сургутский государственный
педагогический университет»
e-mail: olegmilevsky@mail.ru

В статье рассматривается история подготовки и проведения в июле 1879 г. в Киевской соединенной палате политического процесса над Владимиром Малавским и его товарищами по обвинению в причастности к подготовке «Чигиринского заговора», сокрытии его организаторов и уничтожении следов этого политического преступления. На основе анализа опубликованных материалов самого судебного процесса и архивных документов жандармского дознания в статье показывается вся шаткость и необоснованность предъявляемых большинству подсудимых обвинений. Это обстоятельство наглядно демонстрирует предвзятость властей при проведении политических процессов в Российской империи.

Ключевые слова. Революционное движение, народничество, самодержавие, российская судебная система, Киевская соединенная палата, политические процессы, Чигиринское дело.

WRONGLY ACCUSED:
V.E. MALAVSKIY'S AND HIS COMRADES JUDICIAL PROCESS IN
KIEV UNITED CHAMBER 6-8 JULY, 1879

O.A. Milevsky

(Surgut, Russia)
e-mail: olegmilevsky@mail.ru

The article examines the history of the preparation and conduct in July 1879 in the Kiev United Chamber of the political trial of Vladimir Malavsky and his comrades on charges of involvement in the preparation of the Chigirinsky conspiracy, concealing its organizers and destroying the traces of this political crime. Based on an analysis of the published materials of the trial itself and archival documents of the gendarmerie inquiry, the article shows all the precariousness and unreason ability of the charges against most of the defendants. This circumstance clearly demonstrates the bias of the authorities in the conduct of political processes in the Russian Empire.

¹ Милевский Олег Анатольевич (Сургут), д.и.н., доцент, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Key words: Revolutionary movement, populism, autocracy, Russian judicial system, Kiev United Chamber, political processes, Chigirinsky case.

История освободительного движения России в последней трети XIX в. была бы неполной без изучения истории политических процессов, ставших ареной идейного противостояния представителей революционного лагеря и самодержавия. По авторитетному мнению, крупнейшего специалиста в этой области Н.А. Троицкого: «Политические процессы тех лет как бы фокусировали в себе два взаимосвязанных сюжета исключительной значимости – карательную политику царизма и освободительное движение»². По мысли этого исследователя: «Каждый из тех процессов интересен для историка не только, как орудие карательной политики царизма, но и как своеобразная антиправительственная акция подсудимых»³.

При этом в ситуации фактически открытого гражданского конфликта между царским правительством и радикально настроенной частью российского социума, власть предрешающие, что называется «за ценой не стояли» и всячески попирали правила установленные ими же в судебных уставах 1864 г. Точкой отсчета этого наступления на судебную реформу стало принятие 19 мая 1871 г. закона по которому производство дознаний о политических делах передавалось жандармским ведомствам. Как справедливо отмечал все тот же Н.А. Троицкий: «Этот закон призванный сделать дознание более оперативным и менее церемонным, стал ширмой для прикрытия традиционного жандармского беззакония»⁴.

Конечно и жандармские чины попадались разные, соответственно и дела велись и готовились для представления в судебные инстанции с большей или меньшей степенью объективности, но их объединяло одно – практически все они были политически ангажированы, а решения, принимаемые по ним в судах, во многом зависели от мнения вышестоящих властей, естественно настроенных крайне враждебно к арестованным по политическим мотивам. Это же касалось и осуществления судопроизводства по такого рода делам, которое в связи с обострением внутривластной

² Троицкий Н.А. Политические процессы в России 1871–1887 гг.: Пособие к спецкурсу. Саратов, 2003. С. 4.

³ Там же.

⁴ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 75.

обстановки в Империи в 1870-х – 1880-х гг. также все дальше отходило от идей открытости и состязательности суда, прописанных в документах по судебной реформе.

Начало этому процессу положил закон от 7 июля 1872 г., санкционировавший создание Особого присутствия правительствующего Сената (ОППС), которому и передавалось ведение важнейших политических дел. А уже в 1873 г. по решению правительства политические дела большей частью изъяли из общего порядка судопроизводства и только «узкий круг дел не чреватых лишением и ограничением прав, был оставлен в компетенции судебных палат»⁵. Однако резко обострившая конфронтация между властью и революционным сообществом в конце 1870-х гг. привела к тому, что и в решения региональных судебных палат по делам о государственных преступлениях начинают активно вмешиваться вышестоящие судебные и административные инстанции с целью ужесточения судебных приговоров.

Примером осуществления такого «квазиправосудия» стали судебные слушания, состоявшиеся в Киевской соединенной палате 6–8 июля 1879 г. Своей предысторией они имели громкое «Чигиринское дело», начало которому положили крестьянские волнения конца 1860-х – начала 1870-х гг. бывших государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии. Поводом для них стала люстрации (переучет земель) с целью упорядочения выкупных платежей. В ходе этих выступлений и родилось основное требование крестьянской массы о переделе всей земли, исходя из размера в 5 десятин на душу. Это желание объяснялось тем, что при господствовавшей в данной местности подворно-участковой системе землепользования, основное количество удобных земель оказалось захваченным зажиточными крестьянами⁶.

Революционеры из числа «южных бунтарей» решили использовать ситуацию на Чигиринщине в своих интересах и поднять крестьян на открытое восстание против власти, прибегнув к

⁵ *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 77.

⁶ *Терехова С.А.* К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: Крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94.

использованию подложного царского манифеста⁷. За реализацию этой идеи взялся Я.В. Стефанович со своими друзьями Л.Г. Дейчем и И.В. Бохановским. Об этом плане, построенном на гигантской мистификации и использовании присущего крестьянам «народного монархизма» также был осведомлен В.К. Дебагорий-Мокриевич, но от остальной части «южных бунтарей», не говоря уже о других революционных группах и сочувствующих, этот план держался в строжайшей тайне.

Благодаря активным действиям «группы Я. Стефановича», выступавшей в обличье «царских комиссаров», им удалось не только добиться поддержки крестьян и объединить их в «Тайную дружину», численность которой доходила до 1 150-ти крестьян⁸, но и начать реальную подготовку крестьянского восстания, запланированного на 1 октября 1877 г⁹. Однако из-за предательства крестьянина А.В. Приходько дело открылось и начались аресты. Через Приходько жандармы получили сведения о квартире на Жилинской улице, в доме Черкес¹⁰, где проходила последняя встреча крестьянских вожаков и «царских комиссаров». Эта квартира находилась на краю города, и ее положение оказалось очень удобным для конспиративных встреч поэтому ее с согласия В. Дебагория-Мокриевича и использовал Я. Стефанович.

По стечению обстоятельств именно на этой квартире тогда проживал и В. Малавский, переехавший туда по предложению В. Дебагория-Мокриевича, с которым он был хорошо знаком еще по гимназии. Опрометчивое принятие Малавским предложения о совместном проживании с Дебагорием-Мокриевичем, обошлось ему очень дорого. Причем сам Малавский вообще ничего не знал о планах В. Дебагория-Мокриевича и Я. Стефановича, не разделял он и взглядов, исповедуемых «южными бунтарями». Близкий к «бунтарям» М.Ф. Фроленко отмечал, что Малавский «к революционным выступлениям того времени относился довольно

⁷ Милевский О.А., Терехова С.А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я.В. Стефановича // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3. (66). С. 72–90.

⁸ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник статей и материалов. Редакция журнала «Исторический архив». Вып. 1. М., 1921. С. 77.

⁹ ЦДАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

критически, постоянно споря с Мокриевичем»¹¹. Поэтому естественно Малавского не информировали о планах «бунтарей» и уже тем более он ничего не знал о встрече на квартире, где он проживал, состоявшейся в его отсутствие.

Получив сведения от Приходько об этой квартире, жандармы 30 августа явились туда с обыском, где застали Анну Калинову, общую знакомую квартирантов. И надо было такому случиться, что именно в этот момент в квартиру пришел ничего не подозревавший Малавский. Трагикомичность ситуации заключалась в том, что туда его привела просьба матери В. Дебагория-Мокриевича – Розы. Она попросила Малавского отнести на квартиру ведро¹² (и оно действительно фигурирует среди обнаруженных улик¹³).

Обыск дал результаты, позволившие жандармам судить о преступных намерениях проживавших там лиц. Среди найденного были следующие важные для полицейского дознания улики: «Тетрадь, написанная карандашом с заметками и исследованиями революционных вопросов, 112 подложных отпечатанных телеграмм “Правительственного Вестника” от 4 сентября 1877 г. о введении в России, с сего числа, конституционного образа правления и о созвании по повелению Государя Императора сословных представителей, а также от 18 июня о взрыве будто бы русских войск при переходе через Дунай, записная книжка, в которой записаны некоторые улицы и местности Киева, свинцовый шрифт почти всей азбуки, типографский валик, пять револьверов, из коих один находился при самом Малавском (тогда владение оружием не являлось преступлением – прим. О. М.)... а также большое количество патронов»¹⁴. По итогам обыска Малавского и Калинову тут же арестовали.

В квартире была оставлена засада и 31 августа в нее попался Бохановский¹⁵. 31 августа произвели обыск и в комнате, которую ранее Малавский занимал у Розы Дебагорий-Мокриевич. По сообщению адъютанта Киевского губернского жандармского управления штабс-капитана барона Г.Э. Гейкинга, в ней во время обыска «ничего подозрительного не найдено... обращено

¹¹ Фроленко М.Ф. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. М., 1924. С. 5.

¹² Там же.

¹³ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 69 об.

¹⁴ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 50.

внимание на находившиеся в первой комнате две крестьянские свитки, и крестьянский кушак»¹⁶.

3 сентября в местечке Талалаевка Полтавской губернии, в поместье у Н.А. Полетики, жандармы арестовали главных организаторов «Чигиринского заговора» Я. Стефановича, имевшего документы на имя Д. Лашкевича и Л. Дейча, скрывавшегося под именем Евгения Санина¹⁷. Там же задержали и младшего брата Я. Стефановича Олимпа, только что приехавшего в Талалаевку и тоже не посвященного в тайные конспирации брата. Найденный во время обыска у Бохановского ключ дал возможность к открытию жандармами 14 сентября квартиры на Ивановской улице, в доме Клименко, где обнаружили следы типографии¹⁸. Так начался отсчет расследования «Чигиринского дела», к которому III Отделение «пристегнуло» Малавского, а также всех без исключения лиц, задержанных в Талалаевке.

Дело в глазах властей выглядело настолько серьезно, что шеф жандармов генерал-лейтенант Н.В. Мезенцов 14 сентября телеграфировал начальнику киевского ГЖУ генерал-майору А.С. Павлову следующее: «Прошу Ваше Превосходительство по Чигиринскому делу доносить мне телеграфом прямо в Императорскую главную квартиру»¹⁹.

Таким образом, дело оказалось сразу же на контроле Зимнего дворца. И в «лучших» традициях тогдашнего политического розыска киевские жандармы, дабы показать свое рвение, начали «раздувать» дело, поведя настоящую охоту с целью открытия других его участников и квартир нигилистов, где они надеялись обнаружить новые улики. Об этом рапортовал сам генерал Павлов: «Было признано необходимым произвести осмотр всех домов расположенных в трущобах и тех городских квартир, где обыкновенно квартируют студенты и мастеровые, а с этим вместе допросить домовладельцев, не заметили ли они исчезновения каких-нибудь из своих квартирантов»²⁰.

В результате Киевский тюремный замок пополнялся все новыми арестантами, которых также как Малавского и

¹⁶ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 19.

¹⁷ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 247.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 156.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Д. 262. Л. 62.

²⁰ Там же. Л. 64.

задержанных в Талалаевке О. Стефановича и Н. Полетику, присоединяли к все разраставшемуся «Чигиринскому делу». Вскоре в числе арестованных оказался и еще один брат Я. Стефановича – Михаил и живший в одной квартире с ним Г.И. Шеффер, а также слывшие у киевских жандармов неблагонадежными – это знакомая главных фигурантов дела содержательница студенческой столовой Ю.О. Круковская и бывший студент Медико-хирургической академии В.Л. Чернояров, отчисленный отсюда за участие в студенческих беспорядках.

Погоня за все новыми и новыми подозреваемыми в причастности к организации «Чигиринского заговора» объяснялась тем, что жандармы просто не верили, что это очень масштабное и крайне опасное в глазах властей мероприятие могли организовать всего 3 человека.

Попутно велись и активные допросы задержанных лиц. И здесь, по мнению Фроленко, Малавский изначально выбрал неверную тактику поведения с полицией, что еще более усугубило его положение²¹. На допросе 1 сентября он попытался запутать следователей, придумав весьма неправдоподобную историю. А когда понял, что ситуация достаточно серьезна, в своих показаниях от 3 сентября многое изменил и дал по ряду вопросов, касающихся его жизни и связей с другими лицами, весьма подробные и правдивые объяснения. При этом он не опустил до оговоров людей ему близких или прямого предательства. Так, он заявил: «Я отказываюсь от своего показания, написанного относительно обстоятельств, сопровождавших получение мною подложных телеграмм и показывать Вам по этому поводу ничего не намерен, так как не желаю выдавать того человека, который доставил мне телеграммы, оказав мне тем самым свое доверие»²².

Не раскрывая имени человека, принесшего на квартиру телеграммы, он все же весьма подробно описал, как и когда это происходило, подчеркнув, что он отказался от распространения телеграмм, и сформулировав причину отказа так: «Не сочувствую избранному пути, так как не предполагаю, чтобы подобные действия могли бы правительство подтолкнуть к чему-либо... Ввиду этого я отказал человеку, принесшему телеграммы распространять их и принял только на хранение»²³.

²¹ Фроленко М.Ф. Указ. соч. С. 5.

²² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 66.

²³ Там же. Л. 66 об, 67.

В заключение Малавский заявил: «Виновным в принадлежности к тайному обществу, образовавшемуся в Киевской губернии, я себя не признаю и не слышал, чтобы образовалось какое-либо общество тайное с преступной целью; я признаю себя виновным в принятии и сохранении подложных телеграмм преступного содержания; телеграммы эти я не составлял, не участвовал в их напечатании и намерения распространять не имел»²⁴.

Из предъявленных ему в ходе обыска вещей на допросе 4 сентября он, среди прочих личных документов, признал своими: записную книжку, в которой находилось перечисление улиц и местностей Киева (он объяснил, что это перечисление сделал по просьбе П. Зеленого (Чубарова – прим. О. М.); коробочку с патронами для револьвера; револьвер «системы Кольт»; карманный револьвер марки «Карла Вейсбана». Относительно остальных улик, так или иначе связанных с революционной деятельностью, им было заявлено: «Кому принадлежат все остальные, мне предъявленные вещи и документы, исключая телеграммы подложные... я не знаю точно так же, как не знаю, были ли эти вещи принесены при мне или находились на квартире при моем переезде»²⁵.

Остальные арестованные тоже причастными к «Чигиринскому заговору» себя не признавали и никаких подробностей или деталей дела не сообщали, да и не могли сообщить так как ничего о нем не знали. Держались они все очень достойно, в рамках сложившейся тогда революционной этики, и не дали показаний и против других лиц, например по просьбе которых та же Юлия Круковская принимала участие в очищении от улик квартиры на Ивановской улице. Дознание по «Чигиринскому делу» затягивалось и эту затяжку в своих целях использовали революционеры. Они решили во что бы то ни стало устроить побег основным фигурантам дела, над которыми нависла реальная угроза очень сурового наказания, вплоть до смертной казни.

Организацию побега взял на себя В.А. Осинский при непосредственном участии Фроленко. Последний устроился под фамилией Сергея Тихонова в тюрьму сторожем, за три с половиной месяца дослужился до ключника и, используя свое

²⁴ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 66.

²⁵ Там же. Л. 66.

положение, в ночь на 27 мая 1878 г. вывел Я. Стефановича, Дейча и Бохановского из тюрьмы, переодев их в форму надзирателей²⁶. Малавскому, который содержался в одной камер с Бохановским, тоже предложили бежать. Но он наотрез отказался: «За мною никакой вины, чего мне рисковать? Подожду суда – он меня и выпустит»²⁷.

Дальнейшие события покажут, что этот отказ и надежда на справедливое правосудие сыграют с ним злую шутку.

Практически одновременно с побегом основных фигурантов «Чигиринского дела» 25 мая 1878 г. революционеры совершили покушение на второго человека в жандармской иерархии – адъютанта киевского ГЖУ Гейкинга. Он умер от полученной раны 29 мая. Все это в скором будущем привело к большим переменам в руководстве местного жандармского ведомства. Уже 24 июня 1878 г. на место генерал-майора Павлова назначили полковника В.Д. Новицкого, имевшего немалый опыт в подготовке политических процессов, он принимал непосредственное участие в подготовке «процесса 193-х»²⁸. Место Гейкинга занял штабс-капитан Г.П. Судейкин.

Опытный жандарм Новицкий, получивший в наследство от предшественника один из самых беспокойных в политическом отношении регионов Российской империи, попутно унаследовал и несколько незавершенных дел, наиболее значительным из которых являлось «Чигиринское дело». Дело и без того уже затянутое требовалось максимально быстро довести до суда. Трудность же была в том, что основные его фигуранты теперь находились в бегах, а против остальных арестованных серьезных улик не находилось.

Единственное, чего смогли добиться предшественники Новицкого – это установить лиц, помогавших в «очищении» квартиры нанимаемой революционерами в доме Клименко, к этому по мнению жандармов оказались причастны: Ю. Круковская, М. Стефанович, Г. Шеффер и В. Чернояров, но более или менее серьезные свидетельства, имелись только против Ю. Круковской, да и то она отговаривалась, хотя и весьма неубедительно, тем, что не знала

²⁶ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 144.

²⁷ Фроленко М.Ф. Указ. соч. С. 5.

²⁸ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 32.

человека с которым пришла на эту квартиру и не имела представления о цели ее нахождения там.

Дознание по делу во многом затягивалось из-за медлительности и непрофессионализма действий следователей киевской прокуратуры. К тому же они всеми силами старались сделать из ничего не знающих о «Чигиринском заговоре» и вообще «второстепенных фигур» в революционном Киеве, главных действующих лиц будущего процесса, что вызывало сильное раздражение арестованных, не чувствовавших за собой никакой реальной вины.

На nepозволительные затяжки и проволочки следствия прямо указывал Новицкий в своей жалобе главноуправляющему III отделением Н.К. Шмидту: «Озлобленные арестанты, каковы Шефер, Малавский и др. по Чигиринскому делу – суть продукт беспомощных, медленных действий Киевской прокуратуры»²⁹.

Пока шло следствие ситуация, как в Киеве, так и стране в целом, еще более накалилась. В Киеве в январе–феврале 1879 г. прошли серьезные аресты членов Исполнительного комитета русской социально-революционной партии созданного Осинским и остатков «южных бунтарей», причем при арестах 11 февраля 1879 г. революционеры оказали сильнейшее вооруженное сопротивление, повлекшее жертвы с обеих сторон³⁰. А 2 апреля 1879 г. в столице произошло покушение «землевозца» А.К. Соловьева на императора Александра II. Вслед за неудачным покушением последовал указ от 5 апреля 1879 г., по которому создавалось шесть временных генерал-губернаторств во главе с генерал-губернаторами, наделенными чрезвычайными полномочиями в области карательной политики³¹.

В Киеве на эту должность был назначен генерал-адъютант М.И. Чертков. В такой ситуации и заканчивалась подготовка судебного процесса по «Чигиринскому делу», причем в одно слушание искусственно объединили два политических дела между собою никак не связанных.

Второе – это дело о «распространении книг преступного содержания» в Конотопском уезде Черниговской губернии, тянувшегося еще с марта 1876 г. по нему проходили дворянин П.Н. Кандыба, в поместье отца которого в селе Куриловка и нашли запрещенные книги, сельский учитель М.О. Лучинский и крестьяне

²⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1879 г. Оп. 164. Д. 115. Ч. 1. Л. 209.

³⁰ Там же. Л. 47, 82, 162–168.

³¹ *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых... С. 158.

села Куриловка И.Ф. и А.Ф. Кобыши, а также Г. Шеффер, распространявший в 1876 г. запрещенные книги в Конотопском уезде, полученные от Я. Стефановича. Возможно, именно из-за участия Шеффера и в этом преступлении и имени Я. Стефановича упоминавшегося в связи с этим «книжным делом», и решено было объединить оба дела.

Самым удивительным и скандальным для властей в начинающемся судебном процессе являлось отсутствие главных подозреваемых (Я. Стефановича, Дейча и Бохановского), они проходили по нему заочно, так как находились в бегах.

Заседания Киевской соединенной палаты проходили с 6 по 8 июля 1879 г. по делам: о сыне священника Якове Стефановиче, рядовом из мещан Льве Дейче, дворянине Иване Бохановском и сыне статского советника Владимире Малавском, обвиняемых в организации тайного противозаконного сообщества, в составлении и распространении подложного манифеста от Имени Государя Императора, а также подложных телеграмм Правительственного Вестника, имеющих политически зловредную цель; о Михаиле Стефановиче, дворянке Юлии Круковской, дворянине Григории Шеффере, купеческом сыне Василии Черноярове, обвиняемых в сокрытии и истреблении следов означенных преступлений; о дворянине Николае Полетике и сыне священника Олимпе Стефановиче, обвиняемых в сокрытии подсудимого Якова Стефановича, и о том же Шеффере, дворянине Кандыбе, мещанине Лучинском и крестьянине Кобыше, обвиняемых в распространении книг преступного содержания.

Суд состоял из председателя Я.В. Сабурова и членов палаты: Н.Ф. Андресена и А.К. Адеркаса. В роли государственного обвинителя выступал товарищ прокурора С.А. Нардштейн. Защитником Малавского, которого делали центральной фигурой процесса выступал присяжный поверенный П.А. Андреевский, Круковскую защищал Г. Должанский, Шеффер от защитника отказался. Остальных защищали адвокаты: В.Ф. Михалевич, А. Гольденвейзер, Левинский, Квачевский, Шугаевский и все тот же Должанский³².

Из письменного заключения товарища прокурора на основе формального опроса подсудимых следовало, что «Малавского надлежит признать виновным, как главного участника в

³² ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

преступлениях, предусмотренных 291, 932, 1, 2 и 9 п. 318 ст. Уложения о наказаниях»³³. Статьи были весьма серьезные и предполагали, как например ст. 291 («За оставление подложных будто бы за подписанием Государя Императора, указов, манифестов, грамот рескриптов и т.д., а равно употребление таких подложных указов, манифестов или иных бумаг заведомо, для каких бы то ни было дел или видов) к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках без срока»³⁴.

Круковскую, Шеффера, М. Стефановича и Н. Полетику – в укрывательстве тех же преступлений; Черноярова, по такому же обвинению, на основе 348 ст. 2 ч. XV Т. Св. Зак. оставить в сильном подозрении. Суждение о виновности скрывшихся от преследования Я. Стефановича, Л. Дейча, И. Бохановского дальнейшим производством приостановить, впредь до розыска их. По делу же о распространении книг, дворянина Кандыбу, Шеффера, Лучинского признать виновными в преступлении предусмотренном 2 ч. ст. 251 Уложения о наказаниях, а крестьянина Кобыща – виновным по 4 ч. 251 ст. Уложения»³⁵.

Основное внимание было сконцентрировано на фигуре Малавского. Сам Малавский на вопрос председателя суда Сабурова о признании своей виновности отвечал, что «не признает себя виновным в том, что возводится на него по обвинительному акту; никакого участия в так называемом Чигиринском деле... он не принимал и принимать не мог, так как подобная организация вовсе не соответствует его убеждениям и понятиям по вопросу о революции; засим он признал факт принятия им на хранение подложных телеграмм “Правительственного Вестника”, но не признает в том, а ровно и в невыдаче того лица, которое ему передало грамоты, никакой вины, так как считает себя по принципу, обязанным оправдать оказанное ему доверие и не выдавать доверившегося ему человека»³⁶.

Шеффер не признал себя виновным в участии в «Чигиринском деле», но признал, что он действительно

³³ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 1 об.

³⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с приведением статей других томов свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.). М., 1867. С. 100.

³⁵ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 1 об.

³⁶ Там же. Л. 1 об.

распространял сочинения революционного содержания и что принадлежит к социально-революционной партии. Круковская и стальные подсудимые, ни в чем виновными себя не признали.

Однако даже отсутствие прямых улик против Малавского не помешало Нардштейну – в своей речи выставить его, в отсутствие основных обвиняемых, в качестве лица «которому принадлежит главная роль между другими из представших на суде обвиняемых»³⁷. Главный же тезис обвинителя основывался на следующем логическом посыле: «Малавский фактически был хозяином квартиры в доме Черкес и другого подобного лица в той квартире свидетели не могли указать; поэтому свидание Стефановича и Бохановского с крестьянином Чигиринского уезда Андреем Приходько и местным жителем отставным унтер-офицером Ефимом Олейником 15 августа 1877 г., в доме Черкес, на кухне квартиры Малавского, по делам тайного общества не могло не быть без ведома и согласия подсудимого, который, следовательно, допустил в своем жилище собрание этого общества и при том заведомо ему противозаконного, так как он участвовал в печатании тайной грамоты и устава, послуживших основанием для организации общества среди крестьян Чигиринского уезда»³⁸.

Следует отметить, что обвинитель действовал полностью в тренде последних указов правительства по борьбе с революционной крамолой. Он в отношении всех без исключения подсудимых настаивал на их максимальной виновности по предъявляемым им статьям обвинения. Так выступая по поводу Круковской Нардштейн главное свое внимание сконцентрировал на том, что она 10 сентября 1877 г. вместе с неизвестным Иваном Петровичем Петровским проникла в квартиру Я. Стефановича, Дейча и Бохановского «ложно уверяя свидетельницу Анну Галченкову, что хозяева квартиры передали им ключ, советуя у них остановиться и что Юлия Круковская есть жена Петровского» и проживали в этой квартире до 13 сентября и что Круковская дала по этому поводу «безусловно-неправдоподобные показания о том, что она, по незнанию, не может сообщить решительно никаких сведений о личности Петровского»³⁹.

³⁷ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 12.

³⁸ Там же. Л. 12 об.

³⁹ Там же. Л. 13.

Товарищ прокурор указывал, что целью их пребывания на квартире являлось уничтожение следов преступления, а именно «отворенный большой сундук, разбросанные бумажные куски, вырванные листы в книгах, зола от сожженного перед самым обыском значительного количества бумаги; остатки шрифта» и т.д.

В результате обвинитель полагал, что приведенные доказательства уличают Круковскую «в участии в истреблении Петровским и другими лицами следов преступлений Я. Стефановича, Л. Дейча, И. Бохановского и В. Малавского, по организации тайного общества среди крестьян Чигиринского уезда и по печатанию и распространению ими от имени Государя Императора тайной грамоты и устава, а также подложных телеграмм Правительственного Вестника от 18 июня и 4 сентября 1877 г.»⁴⁰.

Такое же обвинение по мнению товарища прокурора было установлено и относительно Шеффера, который также посещал дом Клименко во время истребления разных преступных предметов в квартире Я. Стефановича, Дейча и Бохановского, хотя сам Шеффер показывал, что был в доме Клименко только в питейном заведении⁴¹, что опровергнуть было весьма сложно, хотя по опросу хозяйки дома и прислуги было выяснено, что М. Стефанович, Круковская, Чернояров и Шеффер посещали живших в этом доме Я. Стефановича, Дейча и Бохановского, но «что именно там делали, не выяснилось»⁴², а сами по себе эти визиты доказывали только знакомство с данными лицами и ничего более. Также к уничтожению следов преступления по мнению обвинителя был причастен М. Стефанович, а Чернояров по этому пункту «был оставлен в «сильном подозрении»⁴³.

В отношении Н. Полетики по обвинении его в укрывательстве Нардштейн держался той же максимально жесткой линии, зачастую игнорируя иные обстоятельства, как - то давнее знакомство Полетики с семейством Стефановичей⁴⁴, что могло объяснять нахождение Якова и Олимпа Стефановичей у него в имении.

⁴⁰ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 13 об.

⁴¹ Там же. Л. 7.

⁴² Там же. Л. 7.

⁴³ Там же. Л. 13 об.

⁴⁴ Там же. Л. 13 об.

Подобный подход проглядывал и в обвинительной речи по делу о преступной пропаганде. В ней товарищ прокурор, видимо желая хоть как-то связать эти дела и актуализировать преступление Шеффера, Кандыбы и Лучинского (заметим, что на дворе был уже 1879 г. и дела о «книжной пропаганде» давно считались «розовой юностью народничества») сделал сопоставление этих двух дел, находя что оба они возникли под идейным влиянием двух направлений существующих в революционной партии. По его мнению «Чигиринское дело» возникло под влиянием «Набата» П.Н. Ткачева, а второе под воздействием идей из журнала «Вперед» П.Л. Лаврова⁴⁵, а объединяет их то что «наши бунтари и пропагандисты сходятся между собой в том, что считают, как видно, ложь – единственным средством успеха своего учения»⁴⁶.

При этом он и здесь стремился добиться максимальной суровости приговора, обращая внимание на то, что несмотря на признание своей вины и раскаяние Кандыбой и Лучинским (Шеффер не раскаялся и не признал себя виновным), это их раскаяние является далеко не искренним и что «они учинили преступление с разумением и в действиях их было не одно легкомысленное одобрение преступного явления... но ими обнаружен положительный факт сознательного нарушения закона». А в заключении этой своей речи предложил судьям не реагировать на то, что обвиняемые «оправдывают свои преступления молодостью» и применить к ним наказание на точном основании уголовного закона и тем самым «охранить от этих преступных покушений и наши гимназии и наш русский народ»⁴⁷.

И все же основное внимание во время процесса обвинитель сконцентрировал на Малавском, но во многом его нападки оказались дезавуированы усилиями адвоката Андреевского. В своем выступлении адвокат сделал все возможное для своего подзащитного, чтобы вывести его из-под самых суровых обвинений, выдвигаемых товарищем прокурором. Адвокат характеризовал Малавского как «субъекта с относительно большим развитием» и заявлял, что «уже по одному этому факту он не считает его способным, если даже и признать, что он

⁴⁵ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Л. 14.

⁴⁷ Там же. Л. 14 об.

революционер по убеждению, принимать какое-либо участие в безнравственном и бессмысленном Чигиринском деле»⁴⁸. Также он очень точно вычленил все слабости в доводах обвинителя: от экспертизы, «которая, скорее, говорит в пользу Малавского», до тех статей Уложения о наказаниях, которые предлагались обвинителем для применения в качестве наказания подсудимого⁴⁹.

Свою речь Андреевский закончил выражением уверенности, что на основании таких доказательств, которые приведены обвиняющей стороной для изобличения его подзащитного в самых тяжких преступлениях, влекущих за собою даже бессрочную каторгу, суд вряд ли решится на самом деле подвергнуть Малавского подобному наказанию.

«Как бы не было опасно и тревожно переживаемое нами время, – подчеркнул защитник, – какие бы возмутительные преступления не совершала партия социалистов вообще, но суд в истинном значении этого слова, всегда должен иметь в виду личность каждого отдельного подсудимого и судить его и наказывать только за то именно, что он сам сделал, – одним словом нельзя карать строго только для примера, или для устрашения других»⁵⁰.

Адвокат Круковской также попытался сделать все возможное дабы разбить доводы обвинения и свести ее вину к простому знакомству не с теми людьми. Сделать это оказалось весьма непросто, особенно из-за свидетельств Галченковой. Закончил же свою речь Должанский следующими словами: «Справедливый и разумный суд, умеющий и отличать виновного от заблуждающегося, и последнего от ничем невиновного, великое дело, великое благо! Круковская виновна только в том, что судьба столкнула ее с другими личностями, посредством которых она попала на скамью подсудимых. В деле нет доказательств ее виновности в том преступлении, в котором ее обвиняет прокурорская власть, и я прошу ее полного оправдания»⁵¹.

Остальные защитники также всеми силами пытались воздействовать на судей тем более, что по фактам укрывательства организаторов «Чигиринского заговора» позиция обвинения не выглядела столь внушительно, как по обвинению в сокрытии улик с места преступления. Защита по второму делу сделала упор на

⁴⁸ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Л. 15, 16, 16 об.

⁵⁰ Там же. Л. 16 об.

⁵¹ Там же. Л. 18.

молодости подсудимых, в период участия в книжной пропаганде Кандыбе было всего 16 лет, и защитник строил свою речь исходя из того, что «таким юношам недоступно понимание государственных и политических вопросов»⁵², а в заключении прямо апеллировал к словам обвинения: «Господин обвинитель говорил вам, чтобы вы спасли русский народ и русские гимназии от таких учителей. Но так как известно, что успех наших революционных агитаций исключительно возвращается в среде недоучившихся юношей, во имя того же прошу вас, чтобы дали Кандыбе возможность выйти отсюда с непорочным именем, которое даст ему со временем возможность, с разумением взрослого и образованного человека приносить пользу своей отчизне»⁵³.

Примерно такой же линии защиты придерживался и адвокат Лучинского Шугаевский, приводивший в качестве незрелости «книжных пропагандистов» (Лучинского и Кандыбы) даже выписку из постановления начальника черниговского ГЖУ, где они назывались «легкомысленными, увлекающимися юношами, настолько безвредными, что оставляются на свободе»⁵⁴.

В отношении крестьянина И. Кобыша виновного лишь в том, что книжку данную ему Лучинским нашли на его печке адвокат заявил, что в его обвинении «нет состава преступления, нет злого умысла, злой воли; он как неграмотный, не понимал тех книжек, которые ему были даны и добровольно их представил, когда их от него потребовали»⁵⁵.

В своем последнем слове подсудимые не произносили каких-либо программных речей, да и не могли этого сделать так как фактически еще не являлись идейно выработанными революционерами, таковыми их в дальнейшем сделает царская каторга и ссылка. Они ограничились фактическим подтверждением своих показаний, свидетельствующих об их невиновности.

Малавский в своем последнем слове весьма обстоятельно изложил суть своих воззрений на историю развития революции и – сугубо теоретически – на способы ее осуществления. В заключение же он высказался так: «Питать в себе ту или другую

⁵² ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 18 об.

⁵³ Там же. Л. 18 об.

⁵⁴ Там же. Л. 19 об.

⁵⁵ Там же. Л. 20.

идею, разрабатывать ее научно, вероятно никому не может быть запрещено, судить же человека можно только за то, что он действительно сделал и в чем уличен»⁵⁶.

Заседание соединенной палаты по этим делам закончилось 8 июля 1879 г. В итоге после продолжительного совещания с 3-х часов пополудни до 11-ти часов вечера по этому делу судьи вынесли следующий вердикт: «Подсудимого Малавского, 24 л., признать виновным в сообществе по организации в среде чигиринских крестьян тайного преступного общества, имевшего целью противодействия распоряжениям правительства и возбуждение к неповиновению властям, каковое общество принимало особые меры к сокрытию своего существования от правительства и возбуждению лиц, участвовавших в нем к насильственным действиям, причем сообщество Малавского выразилось, в сношении с главными руководителями общества, допущении собрания сходов на своей квартире и в печатании тайной грамоты и обряда присяги, а также в составлении и распространении в сообществе с другим лицом ложных телеграмм “Правительственного Вестника” от 4 сентября 1877 г., имевших зловредную политическую цель, на основании 1 и 2 п. 318, 932 и 274 ст. Уложения о наказаниях по лишении всех прав состояния сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири»⁵⁷.

Далее суд вынес следующие приговоры: Ю. Круковскую признали виновной «в укрывательстве следов печатания тайной типографии, в доме Клименко, сочинений, имеющих целью возбуждение к противодействию правительству и властям» и постановил «по лишению всех особенных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, сослать на житье в Иркутскую губернию, с воспрещением всякой отлучки в течение 3,5 лет, а в другие области Сибири в течении 11 лет».

Михаила и Олимпия Стефановичей по «обвинению в недонесении о преступлении и личности брата, наказанию на основании 128 ст. улож. не подвергать». В. Черноярова и Н. Полетику признать по суду оправданными, также, как и Г. Шеффера⁵⁸.

По второму делу; подсудимых Шеффера, Лучинского и Кандыбу признать виновными в злоумышленном

⁵⁶ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 20.

⁵⁷ Там же. Л. 20.

⁵⁸ Там же. Л. 20 об.

распространении сочинений, с целью возбуждения к бунту: Шеффера, как главного виновного «лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы на заводах на 4 года»⁵⁹. Лучинского, как участника, по лишении всех прав состояния, сослать на поселение в места Сибири не столь отдаленные. Кандыбу, как участника, имевшего во время совершения преступления менее 17 лет и действовавшего без полного разума заключить в тюрьму на 4 месяца. Крестьянина И. Кобыша признать виновным в хранении у себя тех сочинений подвергнуть аресту при полиции на 7 дней, а А. Кобыша признать по суду оправданным⁶⁰.

Также суд «имея ввиду несовершеннолетие Лучинского во время совершения им преступления, отсутствие вредных последствий от совершенного им деяния, чистосердечное его признание и раскаяние, безупречное его поведение в последние 3 года, семейное его положение и тягость угрожающего ему наказания, согласно 134 ст. ходатайствовать пред Императорским величеством о смягчении ему наказания соразмерно определенному Кандыбе и именно в тюрьму на 5 месяцев»⁶¹.

В целом этот приговор нельзя было назвать по тем временам слишком суровым, например по сравнению с тем, что происходило при Э.И. Тотлебене и С.Ф. Панютине в Одессе. Однако это судебное решение еще не являлось окончательным. В конце вердикта киевской судебной палаты имелась приписка: «Приговор не приводя в исполнение, на основе 142 статьи представить в ревизионном порядке в Правительствующий Сенат»⁶². Зачастую это была достаточно формальная мера. Однако в ситуации фактической внутренней войны в Империи между властью и радикальной оппозицией Правительствующий Сенат боялся выглядеть излишне мягким в глазах Зимнего дворца и шел на ужесточение наказаний, зачастую весьма тенденциозно подходя к оценке приговоров, вынесенных судами низшей инстанции. В результате именно это сенатское решение сыграло ключевую и весьма трагическую роль в судьбах ряда участников этого политического процесса.

Причем отчетливо видно, что в первую очередь Сенат волновало именно «Чигиринское дело» и лица по мнению

⁵⁹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 20 об.

⁶⁰ Там же. Л. 20 об.

⁶¹ Там же. Л. 20 об.

⁶² Там же. Л. 20 об.

судебных инстанций к нему наиболее причастные. Это напрямую сказалось на суровости скорректированного приговора. В отношении «главного» действующего лица киевского процесса Малавского Правительствующий Сенат 6 мая 1880 г. вынес следующее определение: «Сына статского советника Владимира Малавского приговорить... к лишению всех прав состояния, ссылке в каторжные работы в рудниках на 20 лет, с последствиями по 25 статье уложения»⁶³, а 14 января 1881 г. этот приговор утвердил император. Ю. Круковская, как лицо наиболее скомпрометированное, при уничтожении следов преступления, после пересмотра дела Сенатом 17 января 1881 г. была приговорена к каторжным работам на 13 лет и 8 месяцев⁶⁴.

При этом тот же Сенат рассматривая приговор Г. Шеффера, осужденного по второму делу «о распространении сочинений, побуждающих к бунту» к 4 годам каторги, сократил ему срок каторжных работ до 2 лет и 8 месяцев⁶⁵.

Но и другие фигуранты этого процесса, оправданные по решению судебной палаты, не обрели свободы. По распоряжению киевского генерал-губернатора М.И. Черткова их административным порядком выслали в разные части русского Севера. В. Чернояров оказался сосланным под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию, в Холмогоры⁶⁶. О. Стефановича водворили в Усть-Сысольск Вологодской губернии, М. Стефановича отправили в Олонец Олонецкой губернии⁶⁷, а Н. Полетику в городок Нолинск Вятской губернии. Причем Полетику уже в ссылке по решению Сената в апреле 1881 г. приговорили к 8 месяцам тюремного заключения, которое он отбывал в вятской тюрьме, а в дальнейшем срок надзора был определен ему в 4 года и он проживал в селении Слободском все той же Вятской губернии, где и умер от чахотки будучи еще совсем молодым человеком в 1884 г.⁶⁸.

⁶³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 425.

⁶⁴ Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х–1890-ег. Т. 2. 1870-е гг. С. 290.

⁶⁵ Там же. С. 636.

⁶⁶ Там же. С. 618.

⁶⁷ Там же. С. 523, 524.

⁶⁸ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 3. М., 1930. Стб. 1219.

В отношении раскаявшихся участников второго дела – М. Лучинского, П. Кандыбы, и крестьян И. и А. Кобышей решения суда и его ходатайство в отношении смягчения приговора Лучинскому Сенат оставил в силе.

Так закончилось это судебное дело, по которому проходили даже не второстепенные участники революционного движения на юге России, а скорее люди силой обстоятельств из-за родственных и дружеских связей, затянутые в оборот «Чигиринского заговора», а также юноши, оказавшиеся в числе пропагандистов по незрелому увлечению молодости и потом в этом раскаявшиеся, не говоря уже о неграмотных крестьянах Кобышах.

Однако оказавшись в жерновах российской судебной системы, ориентированной только на репрессии по отношению к политически инакомыслящим, все участники этого судебного процесса в большей или меньшей степени заплатили за это своими растоптанными жизнями. Рефреном в оценке царского правосудия стали слова Малавского, в его «Письме осужденного к русскому обществу», помещенном в издании «Народной воли». В нем он вскрывал всю предвзятость российской судебной системы при проведении политических процессов и прямо заявлял: «Политическое бесправие личности на Руси так резко бьет в глаза» и «тяжелым бременем гнетет всех и всякого»⁶⁹.

Судьба самого Владимира Малавского в дальнейшем сложилась трагически. Его дело и приговор по нему настолько потрясли даже издавших виды революционеров, что они решили любой ценой организовать ему побег, который и состоялся 23 октября 1881 г. во время его пребывания в пересыльной тюрьме Красноярска. Однако после успешного побега власти смогли его задержать в ночь на 16 ноября 1881 г. После дополнительного суда над ним в Красноярске он был дополнительно приговорен еще к 15 годам каторги и отправлен на Кару. Там он находился недолго и за участие в беспорядках 1883 г., а также за склонность к побегу, власти перевели его в 1884 г. в только что открытую тюрьму Шлиссельбурга, где он и умер от чахотки 16 марта 1886 г.⁷⁰

Так страшно закончилась жизнь этого молодого человека, который по сути и революционером-то не являлся и фактически

⁶⁹ Малавский Вл. Письмо осужденного к русскому обществу // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 241.

⁷⁰ Милевский О.А. Революционер поневоле: судьба студента Владимира Малавского // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 96 -115.

расплатился жизнью за то, что власти не смогли покарать реальных организаторов «Чигиринского дела». Таким образом в судьбе Владимира Малавского, Юлии Круковской, да и остальных участников этого процесса, как в зеркале отразилась карательная сущность и предвзятость тогдашнего российского правосудия, связанного с рассмотрением политических преступлений.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н.Н. ВАШКОВА И ДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ЕЕ ПРЕСЕЧЕНИЮ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.Е. Власов¹

КГУ им. К.Э. Циолковского
e-mail: alexvlasov90@yandex.ru

В статье рассматривается революционная деятельность будущего разработчика плана ГОЭЛРО, уроженца Калужской губернии Н.Н. Вашкова (1874–1953). Определена степень участия Н.Н. Вашкова в студенческих кружках и зарождающемся социал-демократическом движении. Объясняются мотивы проведения гибкой политики губернских властей, а также специфика осуществления оперативно-следственных мероприятий в отношении Н.Н. Вашкова в момент пребывания его под стражей и в ссылке. Автор фиксирует факт знакомства Н.Н. Вашкова со многими известными российскими революционерами. Анализирует тактику ведения допросов политических арестантов московскими жандармами, характер их служебных контактов и взаимоотношений с калужскими коллегами. Подводится итог совместной работы московской и калужской жандармерии по вышеуказанным вопросам.

Ключевые слова: допрос, жандарм, нелегальные кружки, следствие, союзный совет, рабочий союз.

THE REVOLUTIONARY ACTIVITY OF
N.N. VASHKOV AND THE ACTIONS OF THE POLITICAL POLICE
OF THE RUSSIAN EMPIRE TO STOP IT
IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

A.E. Vlasov

(Kaluga, Russia)
e-mail: alexvlasov90@yandex.ru

The article examines the revolutionary activity of the future developer of the GOELRO plan, a native of Kaluga province N.N. Vashkov (1874–1953). The degree of N.N. Vashkov's participation in illegal student circles and the nascent social democratic movement has been determined. The motives of the flexible policy of the provincial authorities are explained, as well as the species of the implementation of operational investigative measures against N.N. Vashkov at the time of his detention and exile. The author records the fact of

¹ Власов Александр Евгеньевич (Калуга), аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

N.N. Vashkov's acquaintance with many famous Russian revolutionaries. Analyzes the tactics of conducting interrogations of political prisoners by Moscow gendarmes, the nature of their official contacts and relationships with Kaluga colleagues. The joint work of the Moscow and Kaluga gendarmerie on the above issues is summed up.

Key words: interrogation, gendarme, illegal circles, investigation, union council, workers union.

Николай Николаевич Вашков родился 2 октября 1874 г. в Калуге в семье купца 2-й гильдии. В 1884–1890 гг. обучался в Калужском реальном училище, которое закончил по основному отделению с отличием. В дальнейшем Николай Николаевич закончил на отлично механико-техническое отделение дополнительного класса в том же училище. В 1891 г. Н.Н. Вашков поступил на физико-математический факультет Московского университета. Однако, спустя год перевёлся в московское Высшее техническое училище (далее – МВТУ)². Осенью 1893 г. он стал членом Союзного совета объединённых землячеств – студенческой организации, занимавшейся чтением нелегальной литературы, печатанием и распространением листовок противоправительственного содержания. В апреле 1894 г. в Москве был образован «Рабочий союз», с которым впоследствии Союзный совет объединённых землячеств завязал тесные контакты. Студенты Союзного совета проводили занятия с рабочими московских заводов в их бараках или на конспиративных квартирах, собирали материал о жизни рабочих, занимались сбором средств на нужды кружка, на оказание помощи рабочим и членам других нелегальных кружков.

До поры до времени, полиция и жандармерия только присматривала за их деятельностью, лишь однажды в октябре 1894 г. посетив заседание Союзного совета. Все присутствующие были переписаны, но не арестованы. Через некоторое время до жандармов дошли слухи о намерении студентов подать петиции царю об изменении университетского устава. Напомним, после ограничения автономии университетов была образована система «педелей» – наставников, надзиравших за поведением студентов как внутри вузов, так и в общественных местах. Студенты, находясь всецело во власти руководителей своих учебных заведений, лишались как политических, так и гражданских прав. Как мы увидим далее, это сыграло на руку московской «охранке» в вербовке одного из

² Мурзинцев В.К. Сделаем Россию электрической: документальная повесть о видном энергетике Н.Н. Вашкове. Калуга, 1996. С. 12.

студентов в провокаторы. 13 декабря 1894 г. был заведён чёрный список на 49 наиболее активных студентов, которых власти исключили из университетов без права повторного поступления, выслав в родные города и на три года запретив въезд в столичные губернии. Среди таковых оказался и Н.Н. Вашков³. 28 декабря 1894 г. его выслали из Москвы.

Но Николай Николаевич не опустил руки и уже в январе 1895 г. обратился в МВД с просьбой разрешить ему проживать в Москве. Он рассчитывал продолжить учёбу самостоятельно. Ответ на свою просьбу Вашков получил 30 января из канцелярии калужского губернатора князя Н.Д. Голицына. В ответе говорилось о том, что только от решения руководства прежнего вуза зависело возвращение купеческого сына Н.Н. Вашкова в стены родного училища, не говоря уже о проживании в Москве. Помимо этого, требовалась выдача свидетельства о политической благонадёжности. Как ни странно, но оно было получено. Мотивы такой благосклонности, возможно, объясняются сословным происхождением Вашкова. Купцы, как правило, участвовали в благотворительной деятельности, а благотворительность влияла и на благонадёжность.

Николай вернулся в Москву, но к обучению приступил только в конце года. Вернувшись на учёбу, Вашков сразу включился в деятельность Союзного совета объединённых землячеств. На одном из заседаний Николай Николаевич познакомился с младшим братом В.И. Ленина – Д.И. Ульяновым, с которым у него завязались дружеские отношения. Об этом свидетельствует предложение Н.Н. Вашкова Ульянову поступить репетитором по иностранным языкам к детям шурина Вашкова – купца Д.Е. Богданова. Дмитрий Ильич согласился и отправился в Юхновский уезд Смоленской губернии, где летом проживала семья Богданова⁴.

Между тем, приближался день коронации вступившего на престол императора Николая II. Для безопасного продвижения императорского кортежа все неблагонадёжные в политическом отношении были высланы за пределы обеих столиц. По той же причине учебный год в московских вузах был завершён досрочно. Все студенты, в том числе неблагонадёжные выселялись из Москвы в разные города. Н.Н. Вашкова выслали в Харьков, откуда он выехал

³ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 18-20.

⁴ Там же. С. 21-23.

в Калугу, чтобы повидаться с родными и со своим товарищем Д.И. Ульяновым⁵.

26 августа, выселенные из Москвы вернулись обратно и развили бурную деятельность. Особо выделялись студенты-техники, в распоряжении их кружка было два мимеографа, гектограф и печатная машинка «Меррит». Впервые кружок студентов-техников громко заявил о себе в ноябре 1896 г., когда его участники выступили с инициативой провести митинг-демонстрацию на Ваганьковском кладбище в память жертв катастрофы на Ходыньском поле. Сын петербургского чиновника и студент МВТУ Н.Д. Рыкачёв активнее других ратовал за устройство данной акции. Союзный совет объединённых землячеств единогласно поддержал эту идею.

Местом сбора была Пресненская застава, куда в условленный день и время собралось порядка 400 человек. Демонстранты двинулись в сторону кладбища, но по пути были разогнаны полицией и митинг не состоялся.

После этого их деятельностью заинтересовалась жандармерия⁶. Её руководством в лице будущего автора «полицейского социализма» Сергея Васильевича Зубатова была поставлена задача установить наружное наблюдение за всеми нелегальными студенческими организациями, а затем найти вещественные доказательства, выявить места хранения нелегальной литературы, средства размножения листовок противоправительственного содержания.

18 декабря 1896 г. было установлено наблюдение за студентами МВТУ, длившееся всю зиму и большую часть весны. К апрелю 1897 г., сопоставляя ежедневные донесения филёров, Зубатов приходит к выводу, что главными фигурами как в Союзном Совете объединённых землячеств, так и в «Рабочем союзе» были трое: Н.Н. Вашков, И.С. Бабаджан, В.В. Воровский. За кем из них было последнее слово? Ответить на этот вопрос Зубатову могла помочь внутренняя агентура – провокатор, которым стал Н.Д. Рыкачев. Разгон митинга ошеломляюще повлиял на Рыкачёва, и он постепенно отошёл от активной деятельности и от товарищей по кружку. Вероятно, на него и указал охранке «педель» МВТУ как на перспективную кандидатуру для работы в качестве провокатора.

Вскоре Рыкачёв был приглашен в кабинет Зубатова, располагавшийся в Малом Гнездиновском переулке, 5/4. Полковник с ходу приступил к активной психологической обработке студента. Как

⁵ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 39.

⁶ Там же. С. 43.

бы то ни было, через некоторое время в задушевных беседах с Зубатовым Николай Рыкачёв сам для себя незаметно сообщал подробности из студенческой жизни своих товарищей. В какой-то момент, поняв, что плацдарм создан, Зубатов в замаскированной форме наемкнул Рыкачёву зачем тот ему понадобился – стать «глазами и ушами» «охранки» в кружке студентов-техников. Поняв, что от него хотят, Рыкачёв покончил с собой. После смерти Н.Д. Рыкачёва Вашков принял на себя руководство студенческим кружком. С гибелью несостоявшегося провокатора пропали надежды Зубатова плотнее подобраться к Вашкову и его друзьям, а потому отпала необходимость держать их на свободе. 4 мая 1897 г. Н.Н. Вашков и И.С. Бабанджан были арестованы и направлены в Таганскую тюрьму. Тем не менее, благодаря невольному доносу Рыкачёва за решётку отправились 56 человек. 12 декабря того же года было арестовано ещё 11 человек. В их числе оказались: Д.И. Ульянов, И.Ф. Дубровинский, А. Никитин, Л. Семёнова, Б. Перес, С. Вольнский. Ещё через три дня, 15 декабря были арестованы П. Быков и Л.И. Биронт⁷.

Началось следствие по делу московского «Рабочего союза». Дело взял в своё производство ротмистр К.Н. Самойленко-Манджаро⁸. Дело «Рабочего союза» предоставляло возможность для молодого жандармского офицера проявить себя. О том, насколько успешно жандарм выполнил свою работу можно судить по ходу следствия. Его контролировал лично полковник Зубатов. Для

⁷ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 44-52.

⁸ Самойленко-Манджаро Константин Никанорович. Родился 8 марта 1867 г. Вероисповедание православное. Женат. Имел 2 пасынков, 1 падчерицу. Вступил в службу 25.11.1885 г. Подпоручик (11.08.1886), поручик (11.08.1890), штаб-ротмистр (14.05.1896), ротмистр (6.12.1897). Получил образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1 разряду. В 1887 г. служил в 12 гренадерском Астраханском им. императора Александра III полку. Занимал должности: адъютанта Московского ГЖУ (04.03.1893), помощника начальника Уфимского ГЖУ в Златоустовском уезде (04.11.1899). Дважды состоял в резерве при Московском ГЖУ (с 14.02.1896 и с 01.06.1901). Был прикомандирован к Петербургскому ГЖУ (22.06.1901), а затем к Пермскому ГЖУ (13.11.1902). Работал помощником начальника Олонецкого ГЖУ в Петрозаводском, Олонецком, Лодейно-Польском, Вытегорском уездах (18.09.1907), затем начальником Батумского отделения Железнодорожного полицейского управления Закавказских железных дорог (ЖПУЖД) (11.06.1910). См.: Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 февраля 1916 г. СПб., 1916. С. 391.

начала он ознакомил своего подчинённого ротмистра Самойленко с материалами секретной агентуры и снабдил его списком лиц, которых требовалось допросить. Главной задачей было установить связи Московского «Рабочего союза» с калужскими социал-демократами, выявить источники получения нелегальной литературы, способы её распространения и размножения. Проанализировав предоставленную ему информацию, Самойленко приступил к составлению планов допросов. Первой предполагалось допросить Л.И. Биронт⁹. Вторым значился Иосиф Фёдорович Дубровинский (1877–1913) – видный деятель большевистской партии. В 1896–1897 гг., также, как и Перес он работал статистиком в Калуге, ведя при этом революционную работу. Трагически погиб, находясь в ссылке в Туруханском крае. Третьим на очереди был слесарь ящичного завода, крестьянин Веневского уезда Тульской губернии Пётр Никифорович Ястребов.

На первых допросах названные лица держали себя стойко, не признавая свою вину в принадлежности к антиправительственному сообществу, сознавая лишь в хранении нелегальной литературы, в то же время отказываясь от дачи показаний против лиц, от которых они получали эту литературу.

⁹ Биронт Леонтия Ивановна. Родилась в 1868 г. в Полтаве в семье ювелира. Была замужем за дворянином из Черниговской губернии. На момент заключения под стражу проживала в Москве. Служила в статистическом отделе Калужской губернской земской управы. В 1884 г. окончила женскую гимназию в г. Орле. В 1888 г. привлекалась Орловским ГЖУ в качестве обвиняемой по делу местного революционного кружка. В 1894 г. стала членом первого женского с.-д. кружка в Москве; в июне 1895 г. арестована и привлечена по делу С. Мицкевича, братьев Масленниковых и др. Дело прекращено в силу манифеста 14 мая 1896 г. 13 мая 1897 г. вновь арестована, привлечена по делу с.-д. кружка (Бабаджан, Воровский и др.), но вскоре выпущена, по недостатку улик. Осенью 1901 г. примыкая к «искровцам», пыталась вместе с другими возобновить работу Московской организации. 28 ноября 1902 г. арестована и привлечена по делу Московского комитета РСДРП. 17 декабря 1903 г. выслана в Восточную Сибирь на 4 года. В феврале 1904 г. бежала из ссылки. Летом 1905 г., проживая нелегально в Петербурге, выполняла обязанности секретаря Организационной комиссии и отчасти Петербургской группы меньшевиков. Вскоре была арестована по указанию провокатора Доброскока («Николай – Золотые очки»). См.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиограф. словарь: от предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. В.И. Невского. Т. 5. Вып. 1. (А – Б). М., 1931. С. 344.

Особенно упорствовал И.Ф. Дубровинский. Лишь Пётр Ястребов признался в получении запрещённой литературы от некоего вымышленного лица. Из предъявленных жандармским следователем фотокарточек Ястребов указал на Дубровинского. В записанных показаниях ротмистр Самойленко-Манджаро наткнулся на одну закономерность: показания всех трёх допрошенных были одинаковыми слово в слово. Настоящим «подарком судьбы» для жандармского ротмистра стал допрос доставленного 30 декабря 1897 г. в Таганскую тюрьму П.Н. Быкова – близкого знакомого Д.И. Ульянова и И.Ф. Дубровинского. П.Н. Быков учился в Моршанском реальном училище. Его братья – Владимир и Николай учились в Харьковском университете. В Калугу он переехал из-за перевода своего отца на должность чиновника государственного контроля Сызрано-Вяземской железной дороги. Он оказал большую помощь Д. Ульянову в деле приобретения статистических изданий земских управ, нужных старшему брату Ульянова – В.И. Ульянову (Ленину) для написания в будущем известного труда «Развитие капитализма в России». Интуиция подсказывала жандарму, что в интересующей его противоправительственной организации П.Н. Быков – «слабое звено». Вглядываясь внимательно в поведение допрашиваемого Быкова, Самойленко всё больше убеждался в своей правоте. Чтобы «расколоть» арестанта ротмистр приказал на месяц посадить Быкова в одиночную камеру и держать там в строгой изоляции, без прогулок и переписки. В результате Быков был сломлен и сам попросился на допрос, на котором 27 января 1898 г. письменно дал признательные показания, назвав один источник поступления нелегальной литературы, в том числе «Эрфуртской программы» К. Каутского. Эти сведения подтвердились. Помимо выданного источника П.Н. Быков признал своё знакомство с Д.И. Ульяновым, Н.Н. Вашковым, И.Ф. Дубровинским¹⁰. В свою очередь, Н.Н. Вашков и И.Ф. Дубровинский отрицали факт знакомства с источником, взяв на себя всю вину, никаких фамилий не назвали.

Одних показаний Быкова было мало. С их помощью доказать связь московского «Рабочего союза» с калужскими социал-демократическими кружками было невозможно. Ротмистр Самойленко-Манджаро решил обратиться за помощью к своему калужскому коллеге – помощнику начальника Калужского губернского

¹⁰ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 67, 77.

жандармского управления (КГЖУ) ротмистру А. Л. фон Брокгаузену¹¹. В беседе с ним жандарм Константин Самойленко подчеркнул, что его интересовали проживавшие в Калуге поднадзорные, имевшие прямые контакты с Д.И. Ульяновым, Н.Н. Вашковым и И.Ф. Дубровинским. По данным А.Л. фон Брокгаузена, особое внимание следовало обратить на М.П. Доброхотова¹² и М. Переса¹³. М.П. Доброхотов – бывший студент Московского университета, исключённый оттуда в январе 1897 г. и высланный в Калугу, где проживал в доме матери. Там же под видом вечеринок устраивалось чтение нелегальных изданий. В чтении принимала участие сестра Михаила Доброхотова – Вера и его братья. Частыми посетителями в доме Доброхотовых были Дубровинский, братья Семён¹⁴ и Григорий Середа. Нелегальную литературу кружок Доброхотовых получал из Москвы через П.Н. Быкова, Д.И. Ульянова и Н.Н. Вашкова. Связь с калужскими статистиками Вашков держал через П.Н. Быкова, Л.И. Биронт.

В разговоре с калужским коллегой Самойленко-Манджаро заметил, что нелегальную литературу не только печатают, но и привозят в Москву из Калуги. Тогда Самойленко даже не догадывался, что взял верный след. Ещё до ареста между Д. Ульяновым и И. Дубровинским состоялся разговор. Суть его сводилась к тому, что,

¹¹ Брокгаузен Алексей Львович. Родился в 1860 г., православного вероисповедания. В возрасте 25 лет переведён в ОКЖ. 1 ноября 1886 г. ему присвоен чин ротмистра. С 16 апреля 1888 г. по 1897 г. – помощник начальника КГЖУ в Жиздринском и Мещовском уездах. См.: *Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 января 1889 г.* СПб., 1889. С. 274.

¹² *Доброхотов Михаил Петрович (1871–1919)* – один из организаторов первого социал-демократического кружка в Калуге. В 1899 – 1913 гг. член Харьковского комитета РСДРП. После Февральской революции работал в военной организации при ЦК РСДРП, затем в Петроградском комитете РКП(б), умер от тифа. См.: *Калужский край: Документы и материалы. Кн. 2. С 1861 по март 1917 г.* / Сост. А.Д. Тарасова и В.Т. Кучеров. Тула, 1982. С. 280.

¹³ Перес Максим (Михаил Самуилович) – родился в г. Орле в семье владельца мастерской золотых и серебряных дел. 15.11.1895 г. по обвинению в государственном преступлении за ним был учреждён гласный надзор полиции сроком на три года. См.: *Мурзинцев В.К.* Указ. соч. С. 80.

¹⁴ Середа Семён Пафнутьевич (1871–1933) – видный российский революционер, член РСДРП (б) с 1903 г. В 1896 – 1898 гг. служил статистиком Калужской губернской земской управы, член Учредительного собрания, нарком земледелия РСФСР (1918–1921). Его имя носит микрорайон «Середа» в Калуге. См.: *Калужский край: Документы и материалы. Кн. 2. С. 280.*

приехав в Калугу, Д. Ульянов встретился с Дубровинским, который, по его словам, отпечатал в Калуге 400 экземпляров «Манифеста коммунистической партии». Ульянов предложил Дубровинскому привозить экземпляры «Манифеста» в Москву, чтобы через студентов распространять по другим городам. Дубровинский был очень удивлён этим предложением. Ульянов объяснил это тем, что для конспирации необходимо навести жандармов на ложный след¹⁵.

По результатам поездки в Калугу у ротмистра К.Н. Самойленко-Манджаро, с одной стороны, сформировалось чёткое понимание того, что московский «Рабочий союз» и калужские социал-демократы имеют более прочные контакты друг с другом, чем жандарму казалось ранее. Было велико и влияние «Рабочего союза» на калужан. С другой стороны, он убедился в невозможности окончательно разгромить «Рабочий союз», не отработав полностью все его связи как в самой Москве, так и за её пределами.

Но одно жандармский офицер понял однозначно: главными фигурами в «Рабочем союзе» были Д.И. Ульянов и И.Ф. Дубровинский. Теперь его задачей было сломить их сопротивление и добиться признания вины. Для этого он стал тщательно продумывать схему предстоящих допросов Л.П. Семёновой, её жениха А.К. Никитина (Константинова), И.Ф. Дубровинского.

Недельная работа принесла определённые результаты. Самойленко удалось добиться у Семёновой признания в том, что пишущую машинку и мимеограф она привезла в Калугу из Орла. Именно в Калуге она напечатала 200 экземпляров «Манифеста компартии», взяв себе 1 экземпляр Семёнова остальные оставила в Орле у лица, фамилию которого она отказалась назвать. Не назвала Семёнова и фамилию человека, которому после выезда из Калуги оставила машинку. Её жених добавил, что взял с собой из Калуги оставленные Семёновой вещи, там же им было напечатано 250 экземпляров воззваний «Ко всем рабочим» за подписью «Рабочего союза», которые он оставил у Дубровинского. Следствие подходило к концу, а сломить сопротивление И.Ф. Дубровинского не удалось ни Самойленко-Манджаро, ни Зубатову¹⁶.

Следствие столкнулось с согласованными показаниями подследственных. В этом вынужден был убедиться и сам жандармский следователь Самойленко, и присутствовавший на всех допросах

¹⁵ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 79-81.

¹⁶ Там же. С. 85.

товарищ (заместитель) прокурора А.И. Короткий. Как такое могло произойти? Дело заключалось в порядке содержания подследственных в местах заключения. Таганская тюрьма представляла собой 4-этажное здание, состоявшее из 6 корпусов. Все арестанты размещались в так называемом «шахматном» порядке, каждый этаж имел свой контингент арестованных, сидевших практически за стенкой от своих соседей. Подобное размещение арестантов создавало возможность установки контактов между всеми арестантами невербальным способом, путём перестукивания через стены.

Ротмистр и товарищ прокурора поделились своими соображениями с прокурором московской судебной палаты. Прокурор, в свою очередь доложил об этом в канцелярию Министерства юстиции. Оттуда поступило распоряжение о досмотре камер, в которых содержались уже бывшие фигуранты дознания. Проверка подтвердила подозрения властей о согласованности показаний политических арестантов на время следствия. В частности, в камерах Семёновой и Никитина найдены шифры для передачи информации одними заключёнными другим. Были обнаружены списки арестованных и номера камер, в которых те содержались, а также схема переговоров с заключёнными шести одиночных камер. После проведения ревизии был изменён прежний порядок содержания арестантов. Вместо «шахматного» порядка заключённых начали размещать в камеры 2-го и 3-го ярусов, сажая между ними арестантов не более двух человек¹⁷.

После освобождения из-под стражи у И.Ф. Дубровинского и Л.П. Семёновой состоялся разговор, в ходе которого Дубровинский настаивал на передаче всех припрятанных в тайнике брошюр «Манифеста компартии» в руки московскому прокурору. Понимая, что так или иначе жандармы не оставят их в покое пока не найдут все экземпляры «Манифеста» и опасаясь за судьбу оставшихся на свободе товарищей, Иосиф Фёдорович написал письмо в московскую судебную палату, в котором опять-таки всю ответственность в производстве нелегальной литературы взял на себя. К письму была приложена корзина с 300 экземплярами «Манифеста» и некоторые печатные принадлежности.

10 ноября 1898 г. И.Ф. Дубровинский, Л.П. Семёнова и другие были освобождены из Таганской тюрьмы и отправлены в родные

¹⁷ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 86-88.

города, ожидая решения своей дальнейшей участи. И.Ф. Дубровинский, Л.П. Семёнова были высланы в Орёл.

Ждать пришлось чуть больше полугода. В июне 1899 г. Высочайшим повелением И.Ф. Дубровинского и ещё одного поднадзорного выслали в Вятскую губернию под гласный надзор полиции сроком на 4 года. В ту же губернию выслали Л.П. Семёнову и А.К. Никитина сроком на 3 года. Обо всём этом было доложено Н.М. Клингенбергу, вятскому губернатору с 11 июля 1896 по 10 октября 1901 г. По его распоряжению И.Ф. Дубровинский был отправлен в г. Яранск, а Никитин и Семёнова – в г. Слободской¹⁸.

Вятская губерния стала местом ссылки и для Николая Николаевича Вашкова. 16 января 1899 г. его освободили из-под стражи и разрешили на неделю выехать в родную Калугу. 29 января 1899 г. Вятская губерния приняла у себя Н.Н. Вашкова. По предписанию вятского губернатора Вашков обязан был поселиться в г. Слободском. Губернатор выслал распоряжение уездному исправнику г. Слободского об учреждении гласного полицейского надзора за обвиняемым в государственном преступлении Н.Н. Вашковым, указав в проходном свидетельстве приметы последнего. На следующий день, 30 января, Вашкову было выдано проходное свидетельство о свободном проезде в Слободской и проживание в нём. Началась жизнь Николая Николаевича в ссылке, которая продолжалась полтора года. Первое время он жил на средства, ежемесячно высылаемые матерью в размере 30-60 рублей. Вашков пользовался правом свободного перемещения по городу, общения с его жителями. Запрещалась только самовольная отлучка из города. Два раза в неделю ему нужно было являться в полицейский участок для освидетельствования своего присутствия в городе. Иногда полицейские навещали квартиру Вашкова, чтобы убедиться, что он никуда не сбежал¹⁹.

В ссылке у Н.Н. Вашкова обострилась проблема с глазным заболеванием, полученным по время пребывания в Таганской тюрьме. Несмотря на недуг, Вашков продолжал принимать деятельное участие в политической жизни ссыльных.

Сборным пунктом многих политических ссыльных в г. Слободском стала столовая Васильевского. На одной из сходок в этой столовой ссыльные пришли к решению об устройстве библиотеки нелегальной литературы. Немалое число книг из своей личной

¹⁸ Мурзинцев В.К. Указ. соч.

¹⁹ Там же. С. 89-90.

коллекции передал сам Н.Н. Вашков²⁰. Настоящим событием стало появление в этом заведении Петра Ивановича Стучки²¹ – будущего народного комиссара юстиции РСФСР.

Политика не мешала Вашкову заботиться о хлебе насущном. Но на любую попытку найти работу по специальности в пределах Вятской губернии Вашков наткнулся на категорический отказ представителей МВД. Однажды Николаю Николаевичу все же поступило предложение принять участие в проектировании и строительстве Вятской городской электростанции. Далее последовали и другие предложения по инженерной части. Очень помогало доброжелательное отношение сотрудников губернского земства. В этот период Вашков встретил свою будущую жену – дочь штатного преподавателя 3-й военной гимназии Анну Александровну Кирпотенко.

23 декабря 1901 г. закончился срок ссылки Н.Н. Вашкова, а 6 января 1902 г. у Николая и Анны Вашковых рождается дочь Елена. За несколько месяцев до этого, 22 сентября 1901 г. вятский губернатор поручил полицмейстеру освободить Н.Н. Вашкова по истечении срока от гласного надзора, а после избрания им места жительства, учредить за ним негласный надзор, что и было сделано. 24 мая 1902 г. на столе начальника Калужского ГЖУ полковника В.П. Шлейфера²² появилось соответствующее донесение из Вятской губернии. Но это обстоятельство не стало серьезной помехой

²⁰ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 99.

²¹ Пётр Иванович (Петерис Янович) Стучка (26.07.1865 – 25.01.1932) – писатель, юрист, политический деятель Латвии и СССР. Один из организаторов компартии Латвии. Глава первого советского правительства Латвии (17.12.1918 – 13.01.1920). См.: Деятели СССР и революционного движения России: Энцикл. словарь Гранат. Репринт. изд. М., 1989. С. 708-709.

²² Шлейфер Виктор Павлович. Родился 3 июля 1852 г. Вероисповедание лютеранское. Женат. Имел 3 детей. Подпоручик артиллерии (10.08.1873), поручик (09.12.1878). Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С 18.12.1880 г. – штабс-капитан артиллерии и армейский капитан. Подполковник (01.01.1890), полковник (26.05.1901), генерал-майор (29.10.1908). Закончил в Киеве Владимирскую военную гимназию, 1-е Павловское и Михайловское артиллерийское училища. Занимал должности: начальник Екатеринбургско-Камышовского отделения Екатеринбургского ЖПУЖД (21.04.1884), начальник Брянского отделения Виленского ЖПУЖД (08.08.1886). С 30.04.1901 по 24.09.1907 г. – начальник Калужского ГЖУ. См.: Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1884 г. СПб., 1884. С. 326; Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1884 г. СПб., 1890. С. 219.

в революционной деятельности Н.Н. Вашкова. Ему удалось ловко избавляться от слежки. Свои поездки из Вятки в Калугу Николай Николаевич использовал для конспиративных встреч в Москве²³.

В одной из таких поездок ему удалось встретиться с одним из своих товарищей по «Рабочему союзу», который и поведал о том, что рабочее движение переживало не лучшие времена. Шли массовые аресты членов организации. В 1900 г. был образован главный орган печати российской социал-демократии – газета «Искра», с которой московский «Рабочий союз» состоял в активной переписке. О провалах «Рабочего союза» в редакцию «Искры» сообщила Леонтия Биронт. Именно от неё Вашков узнал о постановлении московского «Рабочего союза» делать членские взносы в кассу «Искры» в размере 20% со всех доходов. От неё же Николай узнал о неудачной попытке Бориса Авилова²⁴ объединить три кружка социал-демократического направления в Калуге. Несмотря на эту неудачу, Борис Авиллов сумел при помощи М.П. Доброхотова наладить регулярные поставки «Искры» в Калугу на деньги этих трёх кружков. В то же время Леонтии Биронт удалось завязать полезные знакомства с такими калужскими социал-демократами как Д.В. Разломалин²⁵, И.К. Никитин²⁶,

²³ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 110

²⁴ Авиллов Борис Васильевич (1874–1938) – журналист и экономист. В революционном движении участвовал с начала 1890-х гг. В 1900 г. за принадлежность к московским социал-демократическим кружкам был выслан из Калуги (где ожидал приговора) в Астраханскую губернию. Член астраханской «искровской» группы. Неоднократно выезжал в Калугу. С 1902 г. работал по поручению Бюро Русской организации «Искры». В 1905 г. был одним из руководителей вооруженного восстания в Харькове. В 1917 г. сотрудничал в газете «Новая жизнь». С 1918 г. отошел от политической деятельности и работал в плановых органах и научно-исследовательских учреждениях. См.: Калужский край: Документы и материалы. Кн. 2. С. 281.

²⁵ Разломалин Дмитрий Васильевич (1877–1938). Родился в п. Полотняный Завод Калужской губернии. Участник революционного движения, работал экономистом в Управлении Московско-Киевской железной дороги. Автор книги «Железные дороги Калужской губернии» (Калуга, 1925). Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58 п. 8, 11 УК РСФСР. Расстрелян 11.10.1938. См.: БД «Жертвы политического террора в СССР». - URL: <https://rosgenea.ru/familya/razlomalin> (дата обращения: 23.10.2021).

²⁶ Никитин (Степанов) Иван Константинович (1877–1944). Партийная кличка «Андрей». Член ВКП(б) с 1925 г. Уроженец г. Калуги. Участник революционного движения в Киеве и Калуге. Работая токарем в Калужских железнодорожных мастерских, вел революционную пропаганду. От Киевского комитета был делегатом II съезда РСДРП. В Киеве принимал участие в

Н.Е. Вилонов²⁷ и другими, многие из которых уехали в Киев для ведения революционной и партийной работы. Вскоре все контакты с ними пропали, о чём Н.К. Крупская уведомила Биронт.

Узнав о том, что Н.Н. Вашков уезжает на год в Берлин для изучения электротехники в лаборатории профессора В. Вединга, Биронт обратилась к Н.Н. Вашкову с просьбой выехать в Киев для выяснения сложившихся обстоятельств. В Киеве Вашков должен был встретиться с И.К. Никитиным и обо всём узнать через него. Затем выехать под предлогом учёбы в Берлин, и через видного деятеля Берлинской группы революционной организации «Искры» М.Г. Вячеслова²⁸ связаться с Женовой и обо всём известить Н.К. Крупскую. В Киеве Вашкову удалось выяснить, что на пограничной станции Вержболово была задержана крупная партия нелегальной литературы и перевозивший её курьер. Автор предполагает, что через этого человека жандармы вышли на след и арестовали калужских социал-демократов, уехавших на партийную работу в Киев. В Берлине Вашков познакомился с М.Г. Вячесловым

революции 1905–1907 гг. Неоднократно подвергался арестам. В дальнейшем отошел от политической деятельности. После Октября 1917 г. работал на Сокольническом вагоноремонтном заводе в Москве. См.: История Калужской партийной организации: илл. очерк / Общ. ред. А.П. Бекасова. Тула, 1978. С. 250.

²⁷ Вилонов Никифор Ефремович (Михаил Заводской) (1883–1910). Революционер, большевик. Родился в г. Моршанске Тамбовской губернии в семье рабочего-столяра. Революционную деятельность начал в 1901 г. в Калужских железнодорожных мастерских. В 1902 г. вступил в социал-демократическую организацию г. Киева, стал сторонником «Искры». В 1903 г. был арестован и выслан под особый надзор полиции в г. Екатеринослав (ныне – Днепр, Украина), где вошёл в состав местного комитета «Искры». В последующие годы вёл активную революционную в Казани, Самаре, Уфе, Екатеринбурге и Москве. С осени 1905 г. был одним из руководителей организации большевиков в г. Самаре и председателем Самарского Совета рабочих депутатов. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В конце 1908 г., будучи тяжело больным, уехал за границу. На пленуме ЦК РСДРП был намечен большевиками для кооптации в состав ЦК. 1 мая 1910 г. умер от туберкулёза лёгких в Давосе (Швейцария). См.: История Калужской партийной организации... С. 244.

²⁸ Вячеслов Михаил Георгиевич (1869 – не ранее 1934) – революционер-искровец, теоретик шифровального дела и организатор транспортировки в Россию нелегальной литературы. Врач при советской миссии в Кабуле в 1920–1922 гг. См.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиограф. словарь: от предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. В.И. Невского. Т. 5. Вып. 2. (В – Г). М., 1933. С. 793-796.

и через него обо всём узнанном в Киеве сообщил в редакцию «Искры» Н.К. Крупской. Следует отметить, что полиция и жандармы так и не смогли доказать роль Н.Н. Вашкова в перевозке антиправительственной литературы. Единственное, что им якобы «удалось выяснить», это то, что Н.Н. Вашков принимал в перевозке литературы активное участие²⁹. Было ли это месть Вашкову со стороны жандармов, не сумевших доказать вину Николая Николаевича или признание кого-то из арестованных – доподлинно неизвестно. Тем не менее, поездка в Киев не прошла безболезненно для Вашкова. 18 сентября 1903 г. Н.Н. Вашков вернулся из Германии в Калугу. После возвращения на родину ему вновь стали чинить препятствия в праве устройства на работу³⁰.

Всё изменилось в 1904 г. Совершённые эсеровскими боевиками террористические акты в отношении таких крупных государственных чиновников как Д.С. Сипягин и В.К. фон Плеве заставили власть пойти на уступки либеральной оппозиции. Одной из таких уступок стало устройство привлечённого в Киев к дознанию по обвинению в государственном преступлении Н.Н. Вашкова на работу инженером для технических занятий Управления службы подвижного состава тяги Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Пытаясь возобновить прежние связи с рабочими кружками, он узнал, что многие из них объединились и вошли в состав РСДРП. Сформировались партийные ячейки и организации во главе с комитетами. В этот период Вашков познакомился с Л.Б. Красиным³¹, работавшим в ту пору строителем и заведующим центральной электростанции на фабрике Саввы Морозова. Благодаря протекции Л.Б. Красина Вашков становится его помощником. В апреле 1905 г. Красин уехал в Женеву, потом в Лондон для участия в III съезде РСДРП. Возглавил ЦЭС Н.Н. Вашков. Спустя 2 года, 5 июня 1907 г. он получил приглашение от Московской городской управы занять должность заведующего центральной электростанции в отделе постройки электрического

²⁹ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 117. Л. 41.

³⁰ Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 112-117.

³¹ Леонид Борисович Красин (15.07.1870 – 24.11.1926) – советский государственный и партийный деятель. Член ЦК РСДРП в 1903-1907 гг. Руководитель боевой группы при ЦК РСДРП. Член ЦИК СССР 1-3 созывов. Член ВКП (б) в 1924-1926 гг. Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлёвской стены. См.: Деятели СССР и революционного движения России: Энцикл. словарь Гранат. М., 1989. С. 459-462.

трамвая. С этого периода наблюдается спад его революционной деятельности³².

Подведём итоги. С начала 90-е гг. XIX в. в России наблюдается подъём политической активности рабочих. Тот же подъём наблюдается и среди студентов. И тех, и других объединяют желание получить политические и гражданские свободы для решения своих наболевших проблем. Причём роль мощного катализатора политической активности рабочих играли студенты. Через них рабочие знакомились с революционным учением. Среди студентов наибольшим влиянием пользовались И.С. Бабаджан, В.В. Воронский и Н.Н. Вашков. По отношению к ним руководство университетов и госчиновники проводили гибкую политику. С одной стороны, принимались карательные меры в отношении данных студентов, а с другой – шли им на уступки, принимая во внимание их сословный статус. Понимая, какую финансовую власть держит в своих руках купечество, правительство не всегда решалось на ужесточение репрессий в отношении революционно настроенного студенчества, особенно если среди них были выходцы из купеческого сословия. Пример с Вашковым служит тому доказательством. Проведением репрессивной политики в отношении неблагонадёжных занималась политическая полиция. Установленное длительное наружное наблюдение давало в руки жандармов лишь догадки об их роли в студенческой организации «Союзном совете объединённых землячеств» и московском «Рабочем союзе». В реальности предположения С.В. Зубатова о лидерстве Вашкова в «Рабочем союзе» оказались ошибочными. Эти выводы сделал жандармский следователь ротмистр Самойленко-Манджаро, принявший дело о «Рабочем союзе». Во главе организации были Д.И. Ульянов и И.Ф. Дубровинский. Их заключение под стражу стало возможным только благодаря доносу провокатора, а реальных улик на них было немного. Всю вину взяли на себя остальные фигуранты дознания, в том числе и Николай Вашков. Признания отдельных арестованных главные фигуранты не подтвердили. Дело зашло в тупик. Понимая, что Вашков не мог потерять связь с родной Калугой, куда он в числе прочих поставлял нелегальную литературу, московский жандарм обратился за помощью к калужскому коллеге, но получил меньше помощи, чем рассчитывал. Автор предполагает, что причина состояла в некоей «конкуренции» отдельных жандармских управлений друг от друга,

³² Мурзинцев В.К. Указ. соч. С. 130.

в желании самостоятельно свести на нет революционную активность рабочих. Такую позицию, возможно, занимал помощник начальника калужской жандармерии А.Л. фон Брокгаузен.

И эта позиция отрицательно сказалась на совместной борьбе жандармов с революционным движением. Результатом такой ситуации стал развал дела. Участники «Союзного совета» и «Рабочего союза» были освобождены из-под стражи и сосланы в Вятскую губернию в различные уездные города, где им была предоставлена относительно свободная жизнь. Но и в ссылке Н.Н. Вашков сумел наладить связь с товарищами, сосланными в другие уездные города Вятской губернии. Дальнейшие события показывают, что там, где не удавалось доказать вину политически неблагонадёжных, последним чинились препятствия в плане трудоустройства. Пример с Вашковым наглядно это подтверждает.

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК [355.48(493):355.09(100+410.5)] | 1815 | +929Симпсон

АРМИЯ АНТИФРАНЦУЗСКОЙ КОАЛИЦИИ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ДЖЕЙМСА СИМПСОНА В 1815 Г.*

В.С. Еремин¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
e-mail: ereminvst@gmail.com

После завершения Наполеоновских войн, британские туристы вновь получили возможность активно путешествовать на европейский континент. Среди них были и те, кто стремился побывать на местах недавних баталий. К таковым относился шотландский адвокат Джеймс Симпсон, посетивший в июле 1815 г. место сражения при Ватерлоо. Фиксируя впечатления от общения с повстречавшимися в поездке солдатами и офицерами, он выносит суждения о качествах и способностях британских военных, армиях союзников и противника. Описывая место и ход битвы, автор стремится не только охарактеризовать подвиги соотечественников, но и подчеркнуть вклад в победу над врагом именно шотландских военнослужащих. Это обстоятельство позволяет обратиться к анализу особенностей восприятия гражданским населением комбатантов в годы Наполеоновских войн и оккупации Франции в 1815–1818 гг., а также ставить вопросы о специфике формирования национальных идентичностей на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, история Великобритании, войска антинаполеоновской коалиции, травелоги, военно-историческая антропология.

THE COALITION FORCES THROUGH THE EYES OF THE BRITISH TRAVELER JAMES SIMPSON IN 1815

V.S. Eremin

(Saratov, Russia)
e-mail: ereminvst@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

¹ Еремин Владимир Станиславович (Саратов), к.и.н., старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

After the end of the Napoleonic Wars, British tourists again had the opportunity to actively travel to the European continent. Among them were those who sought to visit the sites of recent battles. These included the Scottish lawyer James Simpson, who visited the site of the Battle of Waterloo in July 1815. Recording the impressions of communication with the soldiers and officers he met on the trip, the author makes judgments about the qualities and abilities of the British military, the Allies forces and the French army. Describing the place and course of the battle, the author seeks not only to characterize the exploits of his compatriots, but also to emphasize the contribution of the Scottish military to the victory over the enemy. This circumstance allows us to turn to the analysis of the characteristics of the perception of combatants by the civilian population during the Napoleonic Wars and the occupation of France in 1815–1818, as well as to raise questions about the specifics of the formation of national identities at the turn of the 18th–19th centuries.

Key words: Napoleonic wars, British history, the Coalition forces, travelogues, military-historical anthropology

Наполеоновские войны 1803–1815 гг. лишили поданных Соединённого Королевства возможности свободно выезжать на европейский континент, хотя некоторые британцы, в силу различных обстоятельств, оказывались за рубежом². Вместе с ними, своего рода путешественниками поневоле в этот период оказались простые солдаты и офицеры на службе Британской Короны. Часть из них записывали свои наблюдения о местных жителях увиденных стран, враге или союзнике, впоследствии опубликовав путевые заметки³.

² За пределами Туманного Альбиона в разные годы оказывались представители различных профессиональных групп, в том числе коммерсанты и ученые, оставившие записки о своих путешествиях. например, см.: *Carr J. Northern Summer: or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804. L., 1805; Macgill T. Travels in Turkey, Italy, and Russia, during the Years 1803, 1804, 1805 & 1806. With an Accounts of the Greek Islands. L., Edinburgh, 1808; Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tartary and Turkey. Cambridge, 1810.*

³ Например, см.: *Wilson R. Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army, and a Sketch of the Campaigns in Poland, in the Years 1806 and 1807. L., 1810; Blaquiere E. Letters from the Mediterranean; Containing a Civil and Political Account of Sicily, Tripoly, Tunis and Malta: With Biographical Sketches, Anecdotes and Observations, Illustrative of the Present State of Those Countries, and Their Relative Situation with Respect to the British Empire. In Two Volumes. L., 1813; Blayney A.Th. Narrative of a Forced Journey through Spain and France, as a Prisoner of War, in the Years 1810 to 1814. In 2 vols. L., 1814. О путевых заметках британских военнослужащих также см.: *Kennedy C. Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars: Military and Civilian Experience in Britain and Ireland. Basingstoke, N.Y., 2013. P. 92–113; Косых Т.А. Путешественники в красных мундирах: британские солдаты в Мадриде (август-октябрь 1812 г.)**

Завершение боевых действий способствовало лавинообразному увеличению туристического потока из Соединенного Королевства в Европу⁴. При этом Франция пользовалась неизменной популярностью у англичан. Путешественники, по словам американской исследовательницы К. Хейнс, представляли собой целую «мирную армию»⁵, находившуюся на французских территориях наряду с союзническими оккупационными силами. При этом социальный и гендерный состав, а также род деятельности выезжавших за пределы британских островов стали шире в сравнении со второй половиной XVIII в.⁶

Следует отметить, что интерес к литературе путешествий как источнику о вооруженных столкновениях во многом стал возможным благодаря антропологическому повороту в военно-исторических исследованиях⁷. Данный методологический сдвиг позволил обогатить источниковую базу исследований, расширить спектр рассматриваемых проблем, обратиться к сюжетам, находившимся вне фокуса внимания традиционной военной истории⁸.

В травелогах авторы описывали нравы и обычаи как местного населения, так и военнослужащих различных армий. Часто, не являясь профессиональными военными, британские путешественники все же записывали свои впечатления об армиях, участвовавших в вооруженных конфликтах. Некоторые из них даже концентрировали на армиях особое внимание. Примером является

// Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2019. Вып. 21: Запад, Восток и Россия: антропологическое измерение прошлого. С. 42–49.

⁴ Гладышев А.В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134–139.

⁵ Haynes Ch. Our Friends the Enemies: The Occupation of France After Napoleon. Cambridge, MA, 2018. P. 176.

⁶ François P. If It's 1815, This Must Be Belgium: The Origins of the Modern Travel Guide // Book History. Vol. 15. 2012. P. 75–76; Reynolds L. There John Bull might be seen in all his glory: cross-Channel tourism and the British Army of Occupation in France, 1815–1818 // Journal of Tourism History. April 2020. P. 141.

⁷ Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.

⁸ Еремин В.С. Образ армии союзников на страницах британских травелогов в 1814–1815 гг.: к постановке проблемы // История и историческая память. Саратов, 2021. Вып. 22–23. С. 184–187.

«Визит во Фландрию в июле 1815 г., преимущественно связанный с полем Ватерлоо»⁹ шотландского адвоката Джеймса Симпсона.

Дж. Симпсон (1781–1853) был выходцем из семьи потомственных священников, но для себя выбрал юридическую стезю, начав в 1801 г. карьеру адвоката¹⁰. Однако, круг его интересов был шире судебных разбирательств. Он водил дружбу с В. Скоттом, и даже имел возможность высказать свои критические замечания о романе «Уэверли» до публикации.

В июле 1815 г., вскоре после битвы при Ватерлоо, Дж. Симпсон отправился во Фландрию, чтобы посетить место сражения. Опубликованный в том же году текст о поездке, быстро приобрел широкую популярность на родине и выдержал девять изданий.

Видимо, чтобы придать большую достоверность своим зарисовкам Дж. Симпсон в качестве приложений к своей книге опубликовал несколько документов: депешу герцога Веллингтона государственному секретарю по вопросам войны и колоний графу Генри Батерсту от 19 июня 1815 г. о битве при Ватерлоо¹¹; отчет о сражении маршала Блюхера¹²; депешу генерала Мигеля Алава¹³; наконец, письмо маршала Нея герцогу Ортрантскому¹⁴.

В 1852 г., за год до смерти, шотландский адвокат решил переиздать травелог еще раз, но уже дополнив его рассказом о посещении французской столицы в 1815 г. «Париж после Ватерлоо: заметки сделанные во время визита и до сих пор не опубликованные»¹⁵ вышли в 1853 г. и включали в себя главы и заключение из «Визита во Фландрию» (озаглавленное как «Размышления написанные в 1815 г.»), а также неопубликованные до того заметки о посещении Монса, Кабрэ, Руа, Санлиса и, собственно, Парижа. Автор подробно освещает свое путешествие, описывая местные достопримечательности, акцентируя внимание на Лувре (его

⁹ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815, being chiefly an account of the field of Waterloo. With a short sketch of Antwerp and Brussels, at that time occupied by the wounded of both armies. Edinburgh, L., 1816.*

¹⁰ *Carlyle E.I. Simpson, James (1782–1853) // Dictionary of National Biography / Ed. S. Lee. Vol. LII. Shearman–Smirke. L.; N.Y., 1897. P. 270.*

¹¹ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815... P. 145–155.*

¹² *Ibid. P. 156–165.*

¹³ *Ibid. P. 166–175.*

¹⁴ *Ibid. P. 175–190.*

¹⁵ *Simpson J. Paris after Waterloo. Notes taken at the time and hitherto unpublished; including a revised edition (the tenth) of a Visit to Flanders and the Field. Edinburgh, 1853.*

неоднократному посещению шотландский адвокат посвятил три главы), а также характеризуя армию союзников и французские войска. При этом некоторые фрагменты текста 1815 г., а также цитаты на французском языке были отредактированы (хотя и без кардинальных смысловых изменений).

Отметим, что сочинение Дж. Симпсона не осталось без внимания исследователей. «Визит во Фландрию» и «Париж после Ватерлоо» упоминается в статьях и монографиях по различным проблемам, связанным с изучением Наполеоновских войн. На них есть сноски в работах Гарольда Паркера¹⁶, Филиппа Шоу¹⁷, Виктории Томпсон¹⁸, Катрины Кеннеди¹⁹, Нила Рамси²⁰, Пола О'Киффи²¹, Алана Форреста²², Джеймса Акермана²³ и Люка Рейнольдса²⁴. Вместе с тем, сочинения шотландского адвоката так и не стали предметом специального исследования.

Текстуальное сравнение изданий 1815 г. и 1852 г. было бы интересно с точки зрения эволюции исторической памяти и авторской мысли, но в данной статье мы остановимся на том образе военных контингентов союзников, который сложился у Дж. Симпсона непосредственно после посещения им Франции.

«Визит во Фландрию» состоит из трех глав, в которых последовательно повествуется о посещении Антверпена, Брюсселя и собственно места сражения, а также заключения. Несмотря на то, что структуру и содержание работы можно квалифицировать как литературу путешествий, видимо, одной из целей (может быть, даже главной) автора было не просто донести до читателя описание Фландрии, а поведать о величайшей баталии, которая повернула

¹⁶ *Parker H.* Three Napoleonic Battles. Durham, NC, 1983. P. 103, 104

¹⁷ *Shaw Ph.* Waterloo and the Romantic imagination. N.Y., 2002. P. 1, 35–36, 60, 67.

¹⁸ *Thompson V.E.* Foreign bodies: British travel to Paris and the troubled national self, 1789–1830 // *Studies in Travel Writing*. Vol. 15. 2011. № 3. P. 252.

¹⁹ *Kennedy C.* Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars ... P. 187

²⁰ *Ramsey N.* The Military Memoir and Romantic Literary Culture, 1780–1835. L.; N.Y., 2016. P. 38.

²¹ *O'Keeffe P.* Waterloo: The Aftermath. L., 2014.

²² *Forrest A.* Waterloo. Oxford, 2015. P. 102, 105.

²³ *Akerman J.R.* Time, Travel, and Mapping the Landscapes of War // *Time in maps: from the Age of Discovery to our digital era* / Ed. K. Wigen, C. Winterer. Chicago, 2020. P. 197–198.

²⁴ *Reynolds L.* Who Owned Waterloo? Battle, Memory, and Myth in British History, 1815–1852. Oxford, 2022.

ход истории. Был у путешествия и личностный мотив: узнать о судьбе раненого родственника. При этом Дж. Симпсон предупреждает читательскую аудиторию, что его рассказ является мимолетным наброском туриста, а не подробным отчетом военного²⁵.

Излагая обстоятельства своего путешествия, шотландский адвокат ссылается на записки французского офицера «Отчет о битве при Мон-Сен-Жан», опубликованные в Париже под псевдонимом «Очевидец»²⁶. Перемещаясь по памятным местам, Дж. Симпсон либо находит подтверждение наблюдениям француза, либо опровергает приведенные в его «Отчете» свидетельства.

Из войск армии союзников шотландский путешественник останавливается лишь на тех, что непосредственно участвовали в сражениях 15–18 июня 1815 г.: он упоминает британские, голландские, бельгийские и немецкие части под общим командованием герцога Веллингтона, а также прусские войска.

Наибольшего внимания удостоились шотландские, английские и ирландские полки. Во введении автор пытается одновременно оправдаться и извиниться за подобное акцентирование: «Следовало ожидать, что я услышу в мельчайших подробностях больше историй о полках моей собственной страны, чем о тех, с которыми я не имел возможности быть знакомым; и я вполне осознаю, что мое повествование, таким образом, приобрело сильный национальный характер. Но в то же время я попытался передать то, что решительно чувствую, а именно – безусловное убеждение о доблести и стойкости людей, участвовавших в битве при Ватерлоо, без различия будь они британцами или жителями континента; рассказать с неподдельным восторгом несколько историй об исключительной славе воинов Англии и Ирландии; кроме того я уверен, что ничего не поведал о солдатах Шотландии, чтобы не подтверждалось свидетельствами как друзей, так и врагов»²⁷.

²⁵ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815... P. IV–VI.*

²⁶ Хотя Дж. Симпсон не приводит точные библиографические данные книги, судя по приводимым цитатам в тексте, речь идет о следующем издании: *Relation fidèle et détaillée de la dernière campagne de Buonaparte, terminée par la bataille de Mont-Saint-Jean, dite de Waterloo ou de la Belle-Alliance, par un témoin oculaire.* P., 1815. Уже в «Париже после Ватерлоо» автор указывает, что переводы цитат из «Отчета о битве при Мон-Сен-Жан» выполнены Дж. Локхартом, редактором британского ежеквартального литературно-критического журнала «*The Quarterly Review*». См.: *Simpson J. Paris after Waterloo.* P. 34.

²⁷ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815... P. V–VI.*

В записках путешественника, солдаты Соединенного Королевства являют собой гарант устойчивого мира и перемен к лучшему. Так, прибыв к воротам Антверпена Дж. Симпсон видит «первое доказательство удовлетворительной смены времен, стражу из 25-го полка нашей собственной достойной доверия страны»²⁸. Речь идет о бойцах шотландского 25-го пехотного полка (the King's Own Borderers), а данная ремарка отчасти указывает, что времена якобитских мятежей в Шотландии остались давно в прошлом, и северные земли британских островов надежны и верны Короне.

Во Фландрии Дж. Симпсон встретился с друзьями: доктором У. Сомервиллем²⁹, генеральным инспектором военных госпиталей в Шотландии, и доктором Дж. Томсоном³⁰, профессором военной хирургии в Эдинбурге, которые занимались ранеными сначала в госпиталях Брюсселя, а затем Антверпена. Они сообщили, что родственник Дж. Симпсона, получивший ранение под Катр-Бра, пошел на поправку и отбыл в Лондон³¹. Успехи военных врачей, как и бойцов на поле сражения, заставляют автора испытывать гордость за свою страну³².

Посещение госпиталей вызывает у Дж. Симпсона «смешанные чувства сострадания и восхищения»³³. Восхищает же его то, о чем, якобы, в первую очередь волнуются солдаты: что говорят о них дома и не опозорили ли они отчизну. Он отмечает, что несмотря ни на что раненых характеризует жизнерадостность, скромность, порядочность и здравый смысл³⁴. С ними резко контрастировали, французы, также находившиеся в госпиталях Антверпена. Они были посрамлены, раздражены, поглощены горечью поражения и

²⁸ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815....* P. 3.

²⁹ Сомервилль, Уильям (1771–1860) – британский врач, член Лондонского королевского общества и Эдинбургского королевского общества. Подробнее о нем см.: *Clerke E.M. Somerville, William (1771–1860) // Dictionary of National Biography / Ed. by S. Lee. Vol. LIII. Smith–Stanger. L., 1898. P. 258.*

³⁰ Томсон, Джон (1765–1846) – британский хирург, член Лондонского королевского общества, Эдинбургского королевского общества и Эдинбургского королевского колледжа врачей. Подробнее о нем см.: *Power D'A. Thomson, John (1771–1860) // Dictionary of National Biography / Ed. by S. Lee. Vol. LVI. Teach–Tollet. L., 1898. P. 260–262.*

³¹ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815... P. 4.*

³² *Ibid.* P. 6–7.

³³ *Ibid.* P. 11.

³⁴ *Ibid.* P. 10.

страданиями³⁵. Может быть, поэтому смерть среди раненых французов была более частым явлением. Путешественник не согласен с расхожим суждением, что удары британских сабель были смертоноснее, поскольку ими двигала месть за жестокость врага и пыл преследования дрогнувшего соперника. По его мнению, истинная причина высокой степени смертности среди госпитализированных французов в том, что почти все легко раненые французы бежали с поля боя³⁶.

Осматривая Антверпен и общаясь с ранеными соотечественниками, Дж. Симпсон отмечает особое отношение бельгийцев и голландцев к шотландцам. Если английскими солдатами и офицерами восхищались, то о земляках автора говорили «но шотландцы!»; они хорошие и добрые, а также храбрые; они – единственные солдаты, которые ведут себя словно послушные дети в домах, где они расквартированы; они даже заботятся о чадах хозяев и выполняют домашнюю работу. Излюбленной формой комплиментов было: «Шотландцы – львы на поле битвы и агнцы в доме». Между жителями было соревнование, кто расквартирует их у себя; когда они возвращались ранеными, двери покинутого дома были открыты, а семья выходила за несколько миль навстречу со словами «наш шотландец». Местные приводили много примеров великодушия этих людей. После битвы многие (шотландские военнослужащие – прим. В.Е.), хотя сами были травмированы, перевязывали раны и помогали французам. Напротив, хорошо известно, что лишь малая часть наших солдат попав в руки врага, избежала хладнокровного убийства»³⁷. Жестокость французского плена будет отмечена автором не единожды³⁸.

В Брюсселе британский турист нашел еще больше свидетельств доблести как союзников в целом, так и отдельно британцев. Он приводит рассказ своих друзей, супружеской четы, которые были свидетелями сборов английских частей ночью 15-го июня для того, чтобы выдвинуться под Катр-Бра. Войска хладнокровно готовились выступать, словно бы им предстоял обычный парад. Артиллерия, кавалерия, обоз были в полной боевой готовности. Жители города провожали бойцов радостными возгласами. Среди прочих особо выделялись полки горцев. Хайлендеры «собирались

³⁵ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815... P. 12.*

³⁶ *Ibid. P. 12–13.*

³⁷ *Ibid. P. 21–23.*

³⁸ *Ibid. P. 87.*

оправдать и превзойти все, что было сказано и ожидалось от них. “Боже, храни храброго шотландца”; “Боже, убереги головы наших доблестных друзей”, – часто повторяли жители, когда бойцы проходили мимо» и бросали им цветы³⁹. Снова, путешественник не упускает возможности выделить своих земляков: у читателя не может возникнуть и тени сомнения, что шотландцы не только отличались воинскими доблестями, но и добрыми взаимоотношениями с местным населением.

Описывая исход столкновения под Катр-Бра, Дж. Симпсон снова высоко оценивает успехи горцев, а также бельгийских и брауншвейгских военных, которые, по его мнению, фактически отбросили маршала Нея. При этом «британские потери были огромны», а на поле боя «одежды горцев особо выделялись среди убитых»⁴⁰.

Не только британские военные, но и их жены могут демонстрировать примеры стойкости духа. Путешественник приводит историю ирландского офицера, который должен быть срочно явиться на сборы для участия в сражении при Катр-Бра. Его молодая бельгийская жена, была вынуждена перебираться в безопасное место сначала со слугой, который при первой возможности бежал, а затем в одиночку, ведя осла с багажом на протяжении двадцати пяти миль из Нивеля в Брюссель, в суматохе, грязи, преодолевая трудности и рискуя попасть на территорию неприятеля⁴¹. Тот факт, что она стала женой британского офицера словно бы придавал ей храбрости и терпения.

Самое страшное, что может случиться с английским воином – невозможность выполнить приказ. Шотландский путешественник приводит свидетельства все того же анонимного ирландского офицера. Утром в день битвы при Ватерлоо, он обнаружил, что от холода и дождя, лившего всю ночь, не может стоять на ногах из-за сковывавшей дрожи. Его охватил страх, что он не сможет исполнить свой долг. Однако, немного бренди и некоторое количество времени оживили и воодушевили его, вселили в него радость и облегчение, уверенность в своих силах справиться в «противостоянии с надвигающейся бурей ради чести Ирландии»⁴².

³⁹ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815...* P. 30–32.

⁴⁰ *Ibid.* P. 33.

⁴¹ *Ibid.* P. 42–45.

⁴² *Ibid.* P. 61–62.

Дж. Симпсон утверждает, что тяжелые погодные условия накануне главного сражения не сказались на боеспособности британской армии – еще никогда войска Соединённого Королевства не вступали в сражении в столь прекрасном состоянии⁴³.

Автор «Путешествия во Фландрию» полагает что на поле битвы было не более 80 000 британцев: эти цифры, по его словам, соответствуют мнению Наполеона и маршала Блюхера. Но, анонимный автор «Отчета о битве при Мон-Сен-Жан» в свою очередь склонен был завышать численность воинов Великобритании. Шотландский турист вносит важное уточнение: из 80 000 не более 30 000 на самом деле были британцами, в то время как остальные силы были представлены немцами, бельгийцами и голландцами. Французская же сторона имела численное превосходство насчитывая 130 000 бойцов⁴⁴.

Характеризуя ход сражения, автор, не без восхищения, указывает как воины Туманного Альбиона выдерживали яростный артиллерийский огонь. Дж. Симпсон особо отмечает три драгунских полка – английских Королевских драгун, шотландских Серых и ирландских Иннискилингов: «Англия, Шотландия и Ирландия, в жестком соперничестве и нерушимом союзе». При этом автор снабжает комплементарные характеристики своими соображениями относительно того, как именно должны управляться войска: «Я всегда был убежден и вижу все больше оснований, чтобы продолжать и дальше полагать, что в нашей армии три нации должны управляться отдельно. Благородное соревнование, порожденное национальными чувствами, является для солдата более значимым стимулом, чем может показаться на первый взгляд. Это предмет, достойный рассмотрения»⁴⁵. Отчасти этот пассаж недвусмысленно намекает, что национальная идентичность едва ли не важнее британской, когда речь идет о чести и славе.

Противники по достоинству смогли оценить силу британского оружия. По словам Дж. Симпсона, никто иной как Наполеон был «не в силах скрыть изумление» видя, как его лучшие силы отступают перед натиском английской кавалерии. Это заставляло его «бормотать “Эти англичане сражаются превосходно”. На фразу императора: «Они должны отступить», якобы Н.Ж. де Дьё Сульт ответил, зная, чего стоит упорство бойцов из Великобритании:

⁴³ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815...* P. 61.

⁴⁴ *Ibid.* P. 65–66.

⁴⁵ *Ibid.* P. 68–71.

«Нет, сир, они предпочитают быть разрезанными на куски». Особенно поразили императора шотландские «Серые», заставляя его повторять «Какие превосходные войска!»⁴⁶

Осмотр поля Ватерлоо вызывал у туриста и его компаньонов особое чувство, словно бы они шли по священной земле, по которой необходимо ступать с уважением и благодарностью⁴⁷. Сильные эмоции вызывало осознание того, что здесь «благородно сражались и гибли» выдающиеся соотечественники. Автор приводит яркие примеры подвигов, некоторые из которых стоили жизни офицерам, исполнявшим свой долг⁴⁸. Другие герои баталии, не смотря на опасности, смогли выжить⁴⁹. Все они олицетворяют собой лучшие качества британского офицерства и являются примерами стойкости, храбрости и мужества.

Описывая посещение места, где находились силы бельгийцев и голландцев под командованием принца Оранского, Дж. Симпсон с нескрываемым восхищением описывает, как этот военачальник аплодировал доблести своих бойцов и даже «сорвал звезду со своей груди и бросил ее в их колонну; добавив, что он не знает кого-либо более достойного этой награды»⁵⁰.

Отдавая должное храбрости и доблести пруссаков, их роли в исходе сражения⁵¹, Дж. Симпсон приводит свидетельства насилия по отношению к местному населению с их стороны. К примеру, четверых жителей Брюсселя ограбил гусар-мародер. Якобы, от его же действий пострадали еще четверо британцев. Впрочем, автор испытывает на этот счет сомнения: «Я не думаю, что четверо англичан могли быть ограблены одним человеком, каким бы вооруженным он ни был»⁵².

Автор «Визита во Фландрию» уверен, что «одного часа добродетели Ватерлоо достаточно, чтобы затмить двадцать шумных лет французского триумфа; превратить их славу в посмешище; и скрыть все памятники в честь побед и триумфальные арки, которыми они когда-либо обманывали себя и оскорбляли остальной

⁴⁶ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815...* P. 65.

⁴⁷ *Ibid.* P. 80.

⁴⁸ *Ibid.* P. 80–81.

⁴⁹ *Ibid.* P. 92–94.

⁵⁰ *Ibid.* P. 83.

⁵¹ *Ibid.* P. 60, 100–101, 110, 115, 116, 117–118, 132.

⁵² *Ibid.* P. 40.

мир»⁵³. Признавая за «храбрыми пруссаками» «заслуги, перед человечеством при Ватерлоо», основной вклад в победу он все же оставляет за британскими войсками⁵⁴.

Завершая свое сочинение, Дж. Симпсон подводит итог не только сражению, но и всей эпохе войн. Пролитая кровь не была напрасной⁵⁵, а победа Англии над Францией – это триумф здравого смысла⁵⁶, сочетание национальной и военной силы с правом, моральными и религиозными добродетелями, а Революция и сопутствующее ей насилие теперь будут восприниматься как жуткое предупреждение человечеству⁵⁷.

Подытоживая, отметим, что Дж. Симпсон характеризуя Союзные силы, основной акцент делает на британских частях. Отмечая заслуги и боевые качества рядовых и офицеров из Нидерландов, Ганновера, Брауншвейга, Пруссии, он все же полагает, что именно стойкость, храбрость, героизм и самопожертвование его соотечественников предопределили победу над наполеоновскими силами. Во французах он видит прежде всего «Другого», проигравшего не только в силу чисто военных причин, но и отчасти в силу анахронизмов революционной ментальности: Революция, настроившая нацию против добродетели, стала главной причиной их итогового поражения. Жестокость по отношению к пленным французов соответствует жестокости по отношению к местному населению пруссаков и одновременно оттеняет благородство британцев и, особенно, добродетельность шотландцев. Их отличительные черты – скромность, стойкость, отвага, чувство долга – особо отмечены и местным мирным населением, и врагом. Рассуждения Дж. Симпсона о соревновании за честь и славу среди жителей британских островов подводят нас к более широкой проблеме об особенностях формирования британской и шотландской национальных идентичностей в к. XVIII – н. XIX вв.

⁵³ *Simpson J. A visit to Flanders in July, 1815...* P. 132.

⁵⁴ *Ibid.* P. 132.

⁵⁵ *Ibid.* P. 134.

⁵⁶ *Ibid.* P. 138.

⁵⁷ *Ibid.* P. 139–140.

Т.Н. ГРАНОВСКИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

А.Н. Галямичев¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: galyamichev57@mail.ru

В статье содержится краткий обзор и попытка систематизации свидетельств о жизни и деятельности выдающегося историка-медиевиста и общественного деятеля России середины XIX в. Тимофея Николаевича Грановского (1813 – 1855). Русские писатели оставили многочисленные воспоминания, литературные и публицистические тексты о жизни и деятельности ученого, что было обусловлено его активным участием в идейных дискуссиях своего времени, а также личным знакомством со многими известными литераторами. Прослеживаются особенности отражения жизни и деятельности Грановского в литературных произведениях разных жанров, влияние на восприятие его образа мировоззренческих установок писателей.

Ключевые слова: Т.Н. Грановский, русская литература, общественно-политическая мысль, медиевистика.

T.N. GRANOVSKY IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS

A.N. Galyamichev

(Saratov, Russia)
e-mail: galyamichev57@mail.ru

The article contains a brief overview and an attempt to systematize evidence about the life and work of the outstanding historian-medievalist and public figure of Russia in the middle of the XIX century Timofey Nikolaevich Granovsky (1813-1855). Russian writers left numerous memories, literary and journalistic texts of the life and work of the scholar, which was due to his active participation in the ideological discussions of his time, as well as personal acquaintance with many famous writers. The features of the reflection of Granovsky's life and work in literary works of different genres, the influence of writers' ideological attitudes on the perception of his image are traced.

Key words: T.N. Granovsky, Russian literature, socio-political thought, medieval studies.

¹ Галямичев Александр Николаевич (Саратов), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Т.Н. Грановский, будучи первым русским медиевистом, зачателем научного изучения истории западноевропейского средневековья в России, был вместе с тем ярким представителем общественной мысли своего времени, оказавшим огромное влияние на всю мыслящую Россию. Т.Н. Грановский – единственный русский медиевист, имя которого присутствует на страницах всех учебников отечественной истории.

Жизнь и деятельность Т.Н. Грановского изучена в нашей науке достаточно подробно. В настоящей статье ставится скромная задача в доступной нам мере собрать и систематизировать свидетельства о Т.Н. Грановском в произведениях русских писателей XIX в. Специальной работы такого рода, насколько мне известно, до настоящего времени нет.

Русские писатели оставили многочисленные свидетельства о Т.Н. Грановском, что неудивительно, поскольку он находился в центре идейных споров своего времени, был лично знаком (более того – поддерживал дружеские отношения) со многими русскими писателями.

Наиболее яркий и подробный портрет историка представлен на страницах писательских воспоминаний, где мы можем найти характеристику личных качеств Т.Н. Грановского, его уникального лекторского мастерства, описание того впечатления, которое производили лекции Т.Н. Грановского на студенчество и образованные круги московского общества.

Широко известны строки из главы «На могиле друга» «Былого и дум» А.И. Герцена. Мастерскими штрихами А.И. Герцен рисует портрет историка: «...В 1840 году, бывши проездом в Москве, я в первый раз встретился с Грановским. Он тогда только что возвратился из чужих краев и приготавлился занять свою кафедру истории. Он мне понравился своей благородной, задумчивой наружностью, своими печальными глазами с насупившимися бровями и грустно-добродушной улыбкой; он носил тогда длинные волосы и какого-то особенного покроя синий берлинский пальто с бархатными отворотами и суконными застежками. Черты, костюм, темные волосы – все это придавало столько изящества и грации его личности, стоявшей на пределе ушедшей юности и богато развертывающейся возмужалости, что и не увлекающемуся человеку

нельзя было остаться равнодушным к нему. Я же всегда уважал красоту и считал ее талантом, силой»².

Вслед за этим А.И. Герцен отмечает неподражаемые черты личности Т.Н. Грановского: «Грановский был одарён удивительным *тактом* сердца. У него всё было так далеко от неуверенной в себе раздражительности, от притязаний, так чисто, так открыто, что с ним было необыкновенно легко. Он не теснил дружбой, а любил сильно, без ревнивой требовательности и без равнодушного «всё равно». Я не помню, чтобы Грановский когда-нибудь дотронулся грубо или неловко до тех «волосяных», нежных, бегущих света и шума сторон, которые есть у всякого человека, жившего в самом деле. От этого с ним было не страшно говорить о тех вещах, о которых трудно говорить с самыми близкими людьми, к которым имеешь полное доверие, но у которых *строй* некоторых едва слышных струн не по одному камертону.

В его любящей, покойной и снисходительной душе исчезали угловатые распри и смягчался крик себялюбивой обидчивости. Он был между нами звеном соединения многого и многих и часто примирял в симпатии к себе целые круги, враждовавшие между собой, и друзей, готовых разойтись. Грановский и Белинский, вовсе не похожие друг на друга, принадлежали к самым светлым и замечательным личностям нашего круга»³.

А.И. Герцен оставил и исключительно ёмкое описание лекторского дарования Т.Н. Грановского и оценку того общественного резонанса, который вызвали его лекции: «Лекции Грановского, – сказал мне Чаадаев, выходя с третьего или четвёртого чтения из аудитории, битком набитой дамами и всем московским светским обществом, – имеют *историческое значение*». Я совершенно с ним согласен. Грановский сделал из аудитории гостиную, место свиданья, встречи *beau monde* (т.е. бомонда – знати, аристократии, высшего света – А. Г.). Для этого он не нарядил историю в кружева и блонды, совсем напротив, – его речь была строга, чрезвычайно серьёзна, исполнена силы, смелости и поэзии, которые мощно потрясали слушателей, будили их. Смелость его сходила ему с рук не от уступок, а от кротости выражений, которая была ему так естественна, от отсутствия сентенций *à la française* (по-французски – А. Г.), ставящих огромные точки на крошечные *i* вроде

² Герцен А.И. Былое и думы. - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=280148&p=124> (Дата обращения: 5.01.2022).

³ Там же.

нравоучений после басни. Излагая события, художественно группируя их, он говорил *ими* так, что мысль, не сказанная им, но совершенно ясная, представлялась тем знакомее слушателю, что она казалась его собственной мыслию.

Заключение первого курса было для него настоящей овацией, вещью неслыханной в Московском университете. Когда он, оканчивая, глубоко тронутый, благодарил публику, – всё вскопало в каком-то опьянении, дамы махали платками, другие бросились к кафедре, жали ему руки, требовали его портрета. Я сам видел молодых людей с покрасневшими щеками, кричавших сквозь слёзы: «Браво! Браво!» Выйти не было возможности: Грановский, бледный, как полотно, сложа руки, стоял, слегка склоняя голову; ему хотелось сказать ещё несколько слов, но он не мог. Треск, вопль, неистовость одобрения удвоились, студенты построились на лестнице, в аудитории они предоставили шуметь гостям. Грановский пробрался, измученный, в совет, через несколько минут его увидели выходящего из совета, и снова бесконечное рукоплескание; он воротился, прося рукой пощады, и, изнемогая от волнения, взошёл в правление. Там бросился я ему на шею, и мы молча заплакали»⁴.

Об огромном успехе лекций Т.Н. Грановского свидетельствуют и воспоминания видной писательницы А.Я. Панаевой. Она писала: «Весной я торопила Панаева скорее уехать в Москву, так как мне очень хотелось попасть хоть на одну публичную лекцию, которые читал Грановский. Эти лекции, по известиям из Москвы, производили фурор и среди студентов, и среди публики. Я попала лишь на последнюю лекцию Грановского. Он читал в университете. Публики в зале была такая масса, что положительно нельзя было шевельнуться... Когда Грановский вошел на кафедру, то долго не мог приступить к чтению от шумных аплодисментов; при начале заметно было, что он взволнован, но потом одушевился и блистательно читал. Голос у него был не сильный, но необыкновенно гармоничный, и его симпатичное лицо озарено было вдохновением. Я боялась за его жену: она судорожно сжимала мою руку, вся дрожала, слезы текли из ее глаз, устремленных на мужа, и столько счастья и любви светилось на ее лице! По окончании лекции поднялся страшный и продолжительный шум аплодисментов. Студенты бросились к Грановскому, жали ему руки, подняли

⁴ Герцен А.И. Былое и думы. - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=280148&p=126> (Дата обращения: 5.01. 2022).

его и на руках понесли по зале к выходу; на университетском дворе они спустили его на землю, окружили и стали говорить ему речи»⁵. В отличие от воспоминаний А.И. Герцена, женский взгляд А.Я. Панаевой уделил большое внимание жене Т.Н. Грановского и характеру отношений историка с супругой⁶.

Ёмкие, обобщающие оценки, выраженные великими мастерами русского слова, содержатся в публицистических произведениях писателей – современников и друзей Т.Н. Грановского. Так, А.И. Герцен задумал цикл статей, посвящённых лекциям историка в Московском университете («Публичные лекции г-на Грановского»), из которых свет увидела только одна («Письмо первое»), опубликованная в «Московских ведомостях» (№ 142 от 27 ноября 1843 г.). А в письме к редакторам журнала «Современник», написанном на следующий день после похорон Т.Н. Грановского, 8 (20) октября 1855 г., И.С. Тургенев писал: «Все единодушно согласны в том, что Грановский был профессор превосходный, что, несмотря на его несколько замедленную речь, он владел тайною истинного красноречия; но всё-таки иные, судя о нем по литературным его трудам, зная также, что на звание специалиста, ученого в строгом смысле слова, он не имел притязания – дивятся, как бы непонятной тайне, силе и обширности влияния его на людей.

Разгадка этой тайны весьма проста; она вся заключается в самой личности Грановского.

В природах гармонических, какова была его, самые недостатки необходимы; будь личность Грановского более своеобразна, более резко выражена – молодые его ученики не так бы доверчиво к нему обращались. Грановский был доступен во всякое время, не отталкивал никогда никого. Проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования, – он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого, кто хотел образоваться и просветиться... К нему, как к роднику близ дороги, всякий подходил свободно и черпал живительную влагу изучения, которая струилась тем чище, чем сам преподаватель меньше прибавлял в нее своего. Свое, оригинальное в его поучении было именно это благородное

⁵ Панаева А.Я. Воспоминания. - URL: <https://www.livelib.ru/book/264284/read-vozpominaniya-bez-avtora/%7E8> (Дата обращения: 5.01.2022).

⁶ Там же.

самоотречение – это отсутствие личных прихотей и умствований. Он передавал науку, которую уважал глубоко и в которую честно верил, как сам принимал ее – не искажая ее, не силясь согнуть ее если не в систему, так в дугу. Этой же добросовестностью в передаче науки объясняется изящная красота его речи; так свет, проходя через прозрачный кристалл, не изменяясь в существе своем, играет живыми красками»⁷.

В романе И.С. Тургенева «Накануне» отражение деятельности Т.Н. Грановского приобретает иной характер о нём как образце для подражания говорит один из главных героев романа, молодой учёный Андрей Петрович Берсенева. Отвечая на вопрос двадцатилетней красавицы Елены Николаевны Страховой: «Вы хотите быть профессором истории?.. И Вы будете вполне довольны вашим положением?» Берсенева сказал: «Вполне, Елена Николаевна, вполне. Какое же может быть лучше призвание? Помилуйте, пойти по следам Тимофея Николаевича... Одна мысль о подобной деятельности наполняет меня радостью и смущением, да... смущением, которого... которое происходит от сознания моих малых сил. Покойный батюшка благословил меня на это дело... Я никогда не забуду его последних слов»⁸.

Своеобразное отражение жизнь и деятельность Т.Н. Грановского получила в поэтическом творчестве Н.П. Огарёва, который посвятил историку четыре стихотворения, в которых Грановский служит адресатом. Стихотворения Огарёва отразили детали и особенности отношений между ними, а в последнем, написанном в 1868 г., поэт размышляет о значении деятельности Грановского, о посеянных им плодах и будущем России:

Вспомнил я, товарищ,
Ты сошёл в могилу,
Миру лучшей доли
Было ждаться не в силу.

Я схожу в могилу
Полный утомленья,

⁷ Тургенев И.С. Два слова о Грановском. - URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/vospominaniya/dva-slova-o-granovskom.htm> (Дата обращения: 5.01.2022).

⁸ Тургенев И.С. Накануне. - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=27970&p=4> (Дата обращения: 5. 01.2022).

Не дождусь я тоже
Миру обновленья.

А настанет время,
Время жизни новой,
В мире отзовется
Истинное слово,

Истинное слово
В мире повторится,
Истинное дело
В мире совершится.

Но не встрепенутся
На глухом погосте
Наши вековечно
Сложенные кости⁹.

В заключение нельзя не остановиться и на том случае, когда историк выступил в качестве прототипа литературного героя. При этом, в отличие от всех предыдущих свидетельств, когда авторы произведений являлись друзьями единомышленниками Т.Н. Грановского, писатель не разделял его общественно-политических взглядов. Речь идёт о предположительной связи Т.Н. Грановского с образом одного из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы» – профессора Степана Трофимовича Верховенского.

Образ С.Т. Верховенского занимает видное место в романе. Достаточно вспомнить о том, что описанию обстоятельств его жизненного пути и – в известной мере – склада характера и общественно-политических взглядов посвящена первая глава романа («Вместо введения: несколько подробностей из биографии многочтимого Степана Трофимовича Верховенского»). Будет, на наш взгляд, уместным привести фрагменты из неё: «Он воротился из-за границы и блеснул в виде лектора на кафедре университета уже в самом конце сороковых годов. Успел же прочесть всего только несколько лекций, и, кажется, об аравитянах; успел тоже защитить блестящую диссертацию о возникавшем было гражданском и ганзеатическом значении немецкого городка

⁹ Огарёв Н.П. Грановскому. - URL: <https://pishi-stihi.ru/> (Дата обращения: 5.01.2022).

Ганау, в эпоху между 1413 и 1428 годами, а вместе с тем и о тех особенных и неясных причинах, почему значение это вовсе не состоялось. Диссертация эта ловко и больно уколола тогдашних славянофилов и разом доставила ему между ними многочисленных и разъяренных врагов. Потом – впрочем, уже после потери кафедры – он успел напечатать (так сказать, в виде отместки и чтоб указать, кого они потеряли) в ежемесячном и прогрессивном журнале, переводившем из Диккенса и проповедовавшем Жорж Занда, начало одного глубочайшего исследования – кажется, о причинах необычайного нравственного благородства каких-то рыцарей в какую-то эпоху или что-то в этом роде. По крайней мере проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль»¹⁰.

Степан Трофимович объяснял уход из университета и переезд в провинцию «вихрем сошедшихся обстоятельств», подразумевая под ними политические преследования и ссылку, но «настоящею причиной перемены карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся деликатнейшее предложение ему от Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генерал-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитание и всё умственное развитие ее единственного сына, в качестве высшего педагога и друга, не говоря уже о блистательном вознаграждении»¹¹.

Уже эти фрагменты дают основание усомниться в справедливости предположений о том, что Степан Трофимович Верховенский может безоговорочно рассматриваться в качестве прототипа, литературного перевоплощения Тимофея Николаевича Грановского, остававшегося, как известно, профессором Московского университета и деканом его историко-филологического факультета до последних дней жизни.

Представляется, что этот образ, наделённый – наряду с достоинствами – и не самыми привлекательными чертами, является косвенным свидетельством того выдающегося места, которое занимал Т.Н. Грановский в общественно-политической жизни России своего времени.

По мысли Ф.М. Достоевского, поколение 1840-х – 1850-х гг., вдохновлявшееся западнически-либеральными идеалами, не

¹⁰ Достоевский Ф.М. Бесы. - URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.1/-index.html> (Дата обращения: 5.01.2022).

¹¹ Там же.

оставило прочного идейного и нравственного наследства пришедшему ему на смену поколению, в чём, как полагал писатель, и заключалась его несостоятельность. Образ Верховенского – собирательный образ поколения («его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносились чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена»)¹².

Наделяя профессора Верховенского некоторыми узнаваемыми чертами Грановского (в том числе – человеческими слабостями), Достоевский, на наш взгляд, пытался придать этому образу возможно более высокую степень жизненной достоверности и внутренней противоречивости. Тем самым он признавал Грановского самым ярким представителем своего поколения, но не ставил перед собой задачу всестороннего осмысления идейных и нравственных исканий самого Тимофея Николаевича.

Эта задача продолжает решаться и в настоящее время. При этом наследие русской литературы, ярко отразившей многогранный и многомерный мир жизни и деятельности Т.Н. Грановского, может послужить богатейшим историческим источником.

¹² Достоевский Ф.М. Бесы. - URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.1/-index.html> (Дата обращения: 5.01.2022).

ПОВЕСТЬ В.И. ДМИТРИЕВОЙ «ДОБРОВОЛЕЦ» (1889):
ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
БИОГРАФИИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ
«ГЕРОИЧЕСКОГО ПОКОЛЕНИЯ» 1870-Х ГОДОВ

О.В. Кочукова¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена проблеме литературно-художественного отражения исторических процессов. Литературные произведения, написанные современниками исторических событий, не менее, чем публицистические, мемуарные, эпистолярные источники, представляют ценность для реконструкции общественных настроений, духовной и интеллектуальной жизни прошлого. Литературно-художественные источники не просто передают взгляд индивидуального участника (наблюдателя) исторического процесса, но представляют собой уже обобщение индивидуального опыта современников. На примере повести В.И. Дмитриевой «Доброволец» выявляются особенности общественного восприятия «героической молодежи» – активных участников социальных и политических движений в России 1870-х годов. Основой понимания «героики и трагизма» в произведении В.И. Дмитриевой является путь от формирования этоса Героя, совершающего освободительный подвиг, к разочарованию в возможности его реализации, к осознанию бессмысленности принесенной жертвы. Культурный контекст этой темы имеет глубокий философский смысл, разворачивающийся в пространстве мифа о Прометее.

Ключевые слова: литературно-художественные исторические источники, революционное народничество, общественное движение, Русско-турецкая война 1877-1878 гг., В.И. Дмитриева.

THE STORY OF V.I. DMITRIEVA «VOLUNTEER» (1889):
EXPERIENCE OF ARTISTIC RECONSTRUCTION OF BIOGRAPHY
AND WORLDVIEW «HEROIC GENERATION» OF THE 1870S

O.V. Kochukova

(Saratov, Russia)
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

The article is devoted to the problem of literary and artistic reflection of historical processes. Literary works written by contemporaries of historical events, no less than journalistic, memoir, epistolary sources, are of value for the reconstruction of public sentiments,

¹ Кочукова Ольга Викторовна (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

spiritual and intellectual life of the past. Literary and artistic sources do not simply convey the view of an individual participant (observer) of the historical process, but already represent a generalization of the individual experience of contemporaries. On the example of the story by V.I. Dmitrieva "Volunteer" reveals the features of the public perception of "heroic youth" - active participants in social and political movements in Russia in the 1870s. The basis for understanding "heroism and tragedy" in the work of V.I. Dmitrieva is the path from the formation of the ethos of the Hero, who performs a feat of liberation, to disappointment in the possibility of its realization, to the realization of the meaninglessness of the sacrifice made. The cultural context of this topic has a deep philosophical meaning, unfolding in the space of the myth of Prometheus.

Key words: literary and artistic historical sources, revolutionary narodnichestvo, social movement, Russian-Turkish war of 1877-1878, V.I. Dmitrieva.

Литературные произведения, написанные современниками исторических событий, не менее, чем публицистические, мемуарные, эпистолярные источники, представляют ценность для реконструкции общественных настроений, духовной и интеллектуальной жизни прошлого; в каком-то смысле они обладают даже преимуществом, поскольку их авторы, одаренные (в разной степени) литературным талантом, в образной форме отражают идейную и эмоциональную составляющую общественного сознания. Произведения художественной литературы формируют особый слой рефлексии современников, своего рода «метафизический слой» истории. В отличие от историков, современникам действительность представлялась открытой к различным сценариям последующего различия; соответственно, общественное сознание фиксировало как разные версии осмысления явлений, так и разные способы их эмоционального переживания. О мыслях, чувствах, настроениях современников, порой с трудом поддающихся рефлексии и однозначному описанию, о свойственных им способах упорядочивания, систематизации, рационального освоения стремительно, на их глазах, в пределах жизни одного поколения, менявшейся действительности, позволяют судить, прежде всего, эго-источники. Значимость источников личного происхождения для изучения проблем социальной психологии прошлого не раз подчеркивалась в исторической литературе². Они позволяют реконструировать как эволюцию общественных настроений, так и разнообразие способов восприятия реалий эпохи, четко фиксируют события,

² См., напр.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 6-8; Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998. С. 4-5.

которые выполняли роль «маркеров», обозначивших этапы развития общественного сознания. Думается, что наряду с эго-источниками, самостоятельную, и во многом независимую, роль играют литературно-художественные источники, так как они не просто передают взгляд индивидуального участника (наблюдателя) исторического процесса, но представляют собой уже *обобщение* индивидуального опыта современников³.

Примером того, как литературно-художественное отражение исторических процессов может быть органично интегрировано в научные интересы профессионального историка служит творческое наследие Н.А. Троицкого. Его сфера научных интересов отличалась разнообразием и широтой, но в исследовательской и педагогической деятельности историка всегда находилось место для обращения к культурному опыту российского общества XIX столетия, которое, с уверенностью можно сказать, и было главным предметом его многолетнего исследовательского труда.

В монографии Н.А. Троицкого об освещении революционно-народнического движения 1870-х гг. в художественной литературе («Народные заступники», 2007 г.) сформулирована масштабная задача изучения «литературно-художественного отражения *героики и трагедии* народничества – феномена, далеко еще не исследованного»⁴. Н.А. Троицкий отмечал, что историки и литературоведы касались только отдельных сторон обозначенного феномена и выборочно изучали тему. Монография о «народных заступниках», по задумке самого историка, должна была выполнить задачу обобщения всего написанного о революционерах-народниках в российской, советской и зарубежной беллетристике. Но и на сегодняшний день тема требует дальнейшей разработки: это предполагает, во-первых, сам обзорный характер монографии Н.А. Троицкого, в ограниченном объеме которой (17 печатных листов) нашел отражение огромный фактический материал; во-вторых,

³ См., напр.: Зорин А.Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры XVIII–начала XIX вв. М., 2016; Проскурина В.Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М., 2017; Кузьмина М.Д. Русский европеизм в зеркале литературы: От древнерусских хождений к «Былому и думам» А.И. Герцена. СПб., 2018; Кобрин К.Р. Разговор в комнатах. Карамзин, Чаадаев, Герцен и начало современной России. М., 2018; Портер Дж. Экономика чувств. Русская литература эпохи Николая I: Политическая экономия и литература. М., 2021.

⁴ Троицкий Н.А. «Народные заступники»: российские народники в художественной литературе. Саратов, 2007. С. 3.

обозначенное исследовательское направление требует применения междисциплинарности современного гуманитарного знания. К тому же, нельзя исключать возможности развития предложенного Н.А. Троицким исследовательского подхода с других точек зрения: выдающемуся историку народничества были присущи личностное отношение к теме, ассоциация с предметом своего исследования, увлеченность личностями и биографиями революционных деятелей. Видимо, нужно признать, что исследование феномена *героики* революционного движения в России не обязательно должно означать *героизацию* самого явления.

Другими словами, было бы полезно, воспользовавшись богатым исследовательским опытом Н.А. Троицкого, перейти к изучению литературно-художественной репрезентации в культуре феномена героики как типа поведения «героического поколения» 1870-х гг., стараясь, по возможности, избегать героизации либо дегероизации (что более характерно в целом для современного этапа научного и общественного сознания) революционного движения как такового с помощью отсылок к примерам их литературного «прославления» или, напротив, литературного «разоблачения» (в рамках «антинигилистической» литературы).

«Героическое поколение» 1870-х годов (представителей российской интеллигенции, родившихся в 1840–1850-е годы и вступивших в активную фазу общественной деятельности на стадии «вживания» российского общества в реалии, созданные Великими реформами Александра II, ставших активными участниками подвижнической просветительской деятельности в народе в качестве земских учителей и врачей, «хождения в народ» и других форм революционно-народнического движения⁵, добровольческого движения в период национально-освободительной борьбы балканских славян и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.) вызывало глубочайший интерес современников, их удивление, восхищение, но зачастую и отторжение, осуждение, неприятие⁶. Это поколение

⁵ См.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества: из истории политической борьбы. М., 1966.

⁶ См.: Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг. М., 2014. С. 19-26. Яркий пример художественного отражения общественной реакции на распространение социально-психологического типа героя-борца встречаем в известном стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Порог». В конце текста автор приводит две реплики, символизирующие собой «голос общества», они раздаются по адресу молодой девушки, решающей на то, чтобы принести всякую возможность личного

сформировало целую плеяду героев русской литературы, но столь же правомерно и утверждение о том, что сама русская литература в значительной мере формировала ценностные ориентиры «героического поколения».

В характеристике молодого поколения 1870-х гг. вполне применимо понятие *этоса*, определяющего стиль жизни общественной группы, принятой в ней иерархии ценностей, культурных предпочтений и типа поведения. Как известно, понятие этоса отделяется от общепринятой в обществе морали; скорее оно является принадлежностью субкультуры. Соответственно, предметом изучения может стать *героический этос* молодого поколения интеллигенции 1870-х гг. – так, как он получил отражение в русской культуре и в том виде, как он ею же был сформирован. Основой героического этоса поведения можно считать героизацию *бескорыстно-жертвенного типа поведения*, предполагавшего принесение своего личного благополучия, перспектив карьерного роста и материального успеха в жертву целям общественной пользы и общественного блага.

Представляется, что героико-жертвенный тип поведения в принципе был свойственным лучшим представителям молодого поколения 1870-х гг., находил отражение в разных формах общественной активности, а его истоки в целом связаны с нравственными характеристиками общества, сопротивлявшегося наступавшей власти ценностей эпохи капитализма, исключительному стремлению к материальному успеху и личному благополучию. В таких условиях традиционные (христианские в своей основе) ценности русской культуры – даже внешне и демонстративно отвергаемые – получали переосмысление в мечтах об идеальном социалистическом обществе и в поведенческих моделях, предполагавших принесение собственной жизни и собственных интересов в жертву определенным образом понятому благу.

Социально-психологические характеристики внутреннего состояния русского общества 1870-х гг. очень тонко были подмечены в одной из передовых статей «Русского обозрения», в которой речь шла о причинах, вызвавших необычайный по своей силе отклик в России на призыв к освобождению братьев-славян от османского ига: «События на Балканском полуострове застали Россию врасплох. Двадцать лет мира, после Крымской войны, приучили нас

счастья в жертву борьбе за поставленные цели – один голос: «Дура!», а другой: «Святая!»

объективнее относиться к внешним делам и сосредоточивать более всего внимание на внутреннем нашем развитии. Но последние годы очень мало были плодотворны для этого развития. Под влиянием многих неблагоприятных причин, общие интересы и идеалы более или менее потускнели и отодвинулись на второй план и первое место заняли личные расчеты, грубые инстинкты наживы и доведенного до крайней степени себялюбия. При таких обстоятельствах, явившееся нам на помощь движение в пользу славян принято было нами как якорь спасения. Оно отвлекало от узких, эгоистических видов и расчетов, оно выводило общество из апатии. Потрясающий вид страданий и попорченной справедливости, примеры самоотвержения и бескорыстных подвигов братской любви – отрезвляюще действовали и увлекали людей на путь добра. Многие, в том числе и мы, прозревали во всем этом начало обновления»⁷. Та же самая мысль в поэтической форме была выражена в одном из стихотворений, опубликованных в журнале «Будильник». В стихотворении передаются чувства и настроения героя-добровольца, отправляющегося на войну «за братьев-славян»:

...О, как устал я жизнью прошлой –
Больной, томительной и пошлой:
Где брат со смехом продает
Родного брата, – весом злата
Где покупают честь, – разврату
Поклон там, место и почет!..

...Когда войны призыв кровавый
Пронесся вдоль страны родной, –
Да, я пошел... но не за славой:
Не до нее душе больной!..
Я не прошу благословенья
На битву грозную с врагом, –
Ищу я в битве обновленья, –
Крещенья кровью и огнем!!!⁸

Феномен героико-жертвенного поведения получил свое преломление в целом ряде произведений выдающихся русских писателей эпохи, среди которых И.С. Тургенев, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко и др. Но порой совершенно особый интерес для

⁷ Русское обозрение. 1877. 1 января. № 1. С. 1.

⁸ Будильник. 1877. № 38.

исследователя-историка могут представлять тексты, созданные менее известными писателями, зачастую по той причине, что в творчестве «рядовых» мастеров слова более открыто, чем на уровне шедевров национальной литературы, прочитываются переходы от философско-исторических и нравственно-психологических обобщений к конкретной-исторической реальности. Впечатляющий в данном отношении текст, соединяющий в себе способы интерпретации действительности, свойственные мемуаристике и художественной литературе, специально и осознанно посвященный автором «героическому поколению» 1870-х гг., представляет собой повесть В.И. Дмитриевой «Доброволец», которая впервые была напечатана в 1889 г. в журнале «Вестник Европы». Среди героев повести – участники подпольных революционных организаций и добровольческого движения в период подъема национальной борьбы славян Балканского полуострова. Место и время действия повести предельно локализовано – Саратовская губерния, 1876-1877 гг.

На повесть В.И. Дмитриевой среди историков впервые обратил внимание В.Я. Гросул, крупнейший исследователь проблемы «революционная Россия и Балканы», но он ограничился простым ее упоминанием⁹. Н.А. Троицкий в монографии о «народных заступниках» уделил этому тексту несколько абзацев, отметив причастность В.И. Дмитриевой к революционно-народническому движению и обозначив центральный конфликт повести («революционер рахметовского типа» Иван Хопров против умеренного деятеля либерально-демократического толка Леонида Марлова, принципиально осуждающего любые формы «донкихотства»). Кроме того, Н.А. Троицкий выявил прототип героя повести Ивана Хопрова, которым был революционер-народник П.С. Поливанов, лично хорошо знакомый В.И. Дмитриевой¹⁰.

Прежде всего, необходимо отметить точную биографическую основу повести «Доброволец», в которой отражены реальные события. Это литературное произведение находится в тесной связи с самостоятельным текстом мемуарного характера – очерком В.И. Дмитриевой «Тени прошлого»¹¹. В содержании того и другого текста большое внимание уделяется воссозданию колорита и

⁹ Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 3, 249.

¹⁰ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 84.

¹¹ Дмитриева В.И. Тени прошлого (Отрывки из воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1924. № 2. С. 28-45.

атмосферы конкретного места и времени исторического процесса – Саратов, 1870-е гг.

Видимо, «саратовская» часть биографии для русской и советской писательницы Валентины Ивовны Дмитриевой, чаще всего известной широкой читательской аудитории по рассказам для детей (среди которых «Малыш и Жучка»), обладала особым значением как «эпоха юности», время становления личности и мировоззрения. В.И. Дмитриева родилась в 1859 г. в с. Воронино Балашовского уезда Саратовской губернии, в семье крепостного крестьянина, выполнявшего впоследствии функции управляющего имением. С 1873 по 1877 гг. она училась в Тамбовской женской гимназии, по окончании которой поступила учительницей в с. Песчанка Балашовского уезда. Собственно, саратовский период ранней молодости и первый этап самостоятельной деятельности был очень коротким – уже в 1878 г. ее дальнейшие труды в качестве учительницы оказались невостребованными после эпизода с публикацией в местной прессе ее статьи критического содержания о жизни села, и она поступила на врачебные курсы в Петербурге, на которых училась до 1886 г. с перерывами из-за участия в народническом движении (формально не принадлежавшая ни к одной революционной организации, дважды подвергалась аресту, заключению в Петропавловскую крепость, была в ссылке). В 1890-е гг. В.И. Дмитриева служила эпидемическим врачом в Воронежской губернии, впоследствии состояла в партии эсеров, а с 1920-х гг. до конца жизни (умерла в 1947 г.) жила в Сочи и постоянно была занята писательским трудом¹². Современникам была понятна

¹² О биографии и творчестве В.И. Дмитриевой см.: Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. В 5-ти т. М., 1934. Т. 3. Вып. 2. С. 1184–1186; Ласунский О.Г. Творчество писательницы В.И. Дмитриевой и литературное движение кон. XIX–нач. XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 1967; Азарова Н.И., Овчарова П.И. Дмитриева // Русские писатели. 1800–1917: Биобиблиографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. Т. 2. М., 1992. С. 129–131; Дэвис М. Элизабет Смит и Валентина Дмитриева: Жизнь и деятельность канадской и русской женщин-врачей в конце XIX в. // Отечественная история. 1994. № 6; Руднева Я.Б. Из истории высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX–начале XX вв. (по материалам Казанского учебного округа) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 3. С. 101.

ее особая склонность к «идейной беллетристике» и мемуаристике¹³.

Повесть «Доброволец» обладает особой ценностью для реконструкции образа «героической молодежи» 1870-х гг., так как представляет собой одну из первых попыток объяснения этого «поколенческого» явления автором, непосредственно принадлежавшим к той среде и к тому поколению, которые стали темой для литературного произведения. Но «взгляд изнутри» не означал полной идентификации личности автора с явлением, на который этот взгляд направлен, поскольку он в то же самое время является ретроспективным (то есть «взглядом после, спустя время»). В 1889 г. тридцатилетняя Валентина Дмитриева оценивала обстоятельства и факторы становления, взросления 17-летней Валентины Дмитриевой, которая в 1876-1877 гг. жила мыслями, настроениями, чувствами молодежных радикальных кружков провинциальной учащейся молодежи. Хронология повести не совсем совпадает с реальной хронологией жизни автора: описываемые события относятся к 1876 году, когда Дмитриева еще была ученицей Тамбовской гимназии, но кратковременный саратовский эпизод биографии 1877 г. превращается в своего рода хронотоп как связь пространственно-временных координат литературного произведения. Основой для совмещения тамбовских и саратовских лиц и событий в условном «Приволжье» повести (в котором почти буквально и фактически точно воссозданы реалии исторического Саратова) стала общность социальной среды, описанной Дмитриевой как источник формирования «героического поколения» в провинциальных городах пореформенной России. Это – учащаяся и недоучившаяся молодежь, вчерашние гимназисты и семинаристы.

В тексте воспоминаний Дмитриевой (в очерке «Тени прошлого») среди факторов, определявших причастность учащейся молодежи к многочисленным радикальным кружкам и организациям, на первое место поставлены два: увлеченность запретной, подпольной литературой и обаяние ореола «политических» и «пострадавших» разного рода, которые как раз и находились в то время по разным причинам в провинциальных городах. Свое участие в подпольных организациях семнадцати- и восемнадцатилетние юноши и девушки, сверстники Дмитриевой, рассматривали

¹³ Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). М.; Л., 1930; Дмитриева В.И. По деревням. Из заметок эпидемического врача // Вестник Европы. 1896. Кн. 10.

как период «подготовки» к какому-то, пока для них еще неясному, но чрезвычайно притягательному «большому делу», которое предстояло им в скором будущем. Атмосфера посвященности в скрытое от других и ожидания судьбоносных событий, главными участниками которых предстоит стать именно им, создавало ощущение внутренней общности и внешней отдаленности от социальной среды и культуры провинциального города. Молодежь 1870-х гг. уже вполне явно ощущала себя реальными «новыми людьми», и В.И. Дмитриева не могла не отметить влияние литературного канона революционной субкультуры в России. По ее мнению, основы этого литературного канона формировали сочинения Н.Г. Чернышевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина. У первого брали образ и идеал «нового человека», воспринимали в качестве образца для подражания собственно личность и судьбу «кумира молодежи, тихо угасавшего в отдаленных местах Сибири»; второй (хоть и с оговорками, как не революционер, а либеральный интеллигент) притягивал авторством «Губернских очерков», «в своей горькой и жгучей сатире показавших всему миру отчаяние и зло русской жизни»¹⁴.

В качестве особенно важного событийного «маркера» в личном осознании «героической молодежи» этапа взросления как перехода от «приготовительного» периода к периоду активной деятельности, в мемуарном очерке «Тени прошлого» обозначены события 1875–1876 гг., связанные с ростом национально-освободительного движения балканских славян (восстание в Боснии и Герцеговине 1875 г., Апрельское восстание в Болгарии 1876 г., Серботурецкая война 1876 г.) и последовавшая Русско-турецкая война 1877-1878 гг. В.И. Дмитриева вспоминает об особом освободительном порыве, охватившем все слои русского общества и массовом славянском движении, выразившемся не только в благотворительных пожертвованиях в пользу славян, но и в желании отправиться на театры военных действий в качестве добровольцев и сестер милосердия. Здесь же она сообщает, что и сама в 1877 г. не раз долго ходила перед подъездом губернаторского дома, раздумывая, не записаться ли в сестры милосердия. Эти раздумья были только частью общего для молодежных радикальных кружков той поры выбора: идти на помощь славянам, угнетенным турецким деспотизмом или оставаться в России для борьбы с игом собственного

¹⁴ Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 30.

самодержавия? Выбору вчерашних гимназистов придается статус выбора стратегии исторического развития молодых национальных сил, так как именно молодежь наиболее чутко отзывалась на грядущую «бурю» перемен («Провинция глухо волновалась, прислушиваясь к отдаленному гулу надвигающейся грозы, но особенно чутко отозвалась учащаяся молодежь»¹⁵). «И вот, наконец, с грехом пополам, курс окончен; до сих пор мы только «готовились», наступило время «делать». Но что делать? Как раз в это время началась русско-турецкая война «за освобождение славян» и многие из молодежи записывались в добровольцы и сестры милосердия. Меня однако не увлекал их пример; что-то странное, казалось мне, было в стремлении молодежи идти на помощь Болгарии, угнетенной турецким деспотизмом, тогда как Россия задыхалась под игом самодержавия, тысячи лучших русских людей гибли в централках, на каторге, в ссылке, а кумир молодежи, Чернышевский, тихо угасал в отдаленных местах Сибири. Были на эту тему горячие споры, чуть не до слез; были даже ссоры, оставлявшие в душе тягостное чувство недоумения и тоски; думалось иногда, не правы ли идущие в Болгарию, не говорит ли во мне чувство национального эгоизма, и случился момент, когда я долго ходила взад и вперед перед подъездом губернаторского дома, где шла запись в сестры милосердия. Войти или не войти? Но так и не вошла...»¹⁶

В сущности, выбор, о котором пишет В.И. Дмитриева, был лишь выбором того или иного способа реализации одного и того же в своей сущности порыва к *освободительной* (направленной внутрь государственного организма или вовне, за его пределы) деятельности как форме выражения уже сформировавшегося *героического этоса* молодежи 1870-х гг. Эпоха возрождала миф о Прометее: Герой, освобождающий других, подобно Прометею несущий людям огонь свободы и свершений, готовый на мучения и жертвы (самопожертвование) ради сверх ценностного Подвига. Примечательно, что в повести «Доброволец» не только в образах главных персонажей представлены оба названных способа свершения освободительного подвига, но и поставлены два принципиально важных вопроса: каковы были социальные и культурные истоки стремления молодежи к такому подвигу и как при переходе от стадии формирования героического этоса к попыткам его воплощения в реальность был осознан его трагизм?

¹⁵ Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 28.

¹⁶ Там же. С. 30.

В повести В.И. Дмитриевой последовательно, в художественной форме, в развитии сюжета и демонстрации эволюции образов главных персонажей, раскрывается конфликт ценностей «героической молодежи» и окружающей обывательской и бюрократической среды – конфликт, в основе которого различное отношение к общественному злу: сопротивление или приспособление. При этом особенно интересна глубина художественного проникновения писательницы в проблему появления «романтического» в своей сущности героическо-освободительного мифа в «реалистическую» эпоху. В.И. Дмитриева обращается к формированию ценностей своих героев на этапе влияния традиций семейного воспитания, и при внимательном прочтении текста обращают на себя внимание две характерные детали: в одной из описанных ею семей зачитывались литературой немецкого романтизма, а другая принадлежала к духовному сословию.

Тот факт, что значительное количество революционеров-разночинцев по своему происхождению были выходцами из духовного сословия и на их становление оказали определенное влияние ценности и устои семинарско-церковной среды, часто отмечается в исследовательской литературе и в целом был ясен для современников. Конечно, и В.И. Дмитриева имела об этом представление, вследствие чего в ее повести появляется в качестве главного героя сын священника Леонид Марлов. В мемуарном очерке «Тени прошлого» достаточно подробно описан его возможный прототип Алексей Петрович Феологов, с которым Дмитриева познакомилась во время своего недолгого учительства в Балашовском уезде. Феологов, сын священника, не кончивший курс семинарии, описан как типичный образ «народного заступника» (но не революционера, а скорее сторонника «малых дел»): он женился на крестьянке, стал волостным писарем, организовал в деревне потребительское товарищество, артельное предприятие, общественную лавку, чтения и вечера в школе, впоследствии стал поверенным по крестьянским делам. Феологов, по воспоминаниям Дмитриевой, всегда ходил в крестьянской одежде, «лицом смахивал на деревенского дьячка», и, что особенно важно, его «народная» речь всегда была пересыпана отсылками к Священному Писанию и различным притчам. «Я видела, – замечает Дмитриева, – какое огромное впечатление производил он на крестьян своими речами именно

благодаря своему умению обращаться с библейскими и евангельскими текстами, помимо глубокого знания крестьянского быта»¹⁷.

Здесь очевидно не только то, что в глазах Дмитриевой выходец из семьи сельского приходского священника был идеальным народным агитатором, но и признание факта распространения в революционной среде трансформированных в новых социальных учениях христианских ценностей. В мемуарном очерке бывший семинарист Алексей Феологов показан вне прямой связи с революционным движением, но в художественном произведении, в повести «Доброволец», бывший семинарист Леонид Марлов является активным участником молодежного радикального кружка, одним из его лидеров. В тексте «Добровольца» примечателен запоминающийся, эмоционально теплый образ матери Леонида Марлова – «матушки» Христины Павловны, которая постоянно сокрушается по тому поводу, что запрещенные книжки и «бурлацкие песни» сбили с истинного пути ее сына и его друзей («... а ведь какие бы попы-то из вас вышли!»)¹⁸. Основной побудительный мотив жизненной активности Леонида Марлова, сформулированный Дмитриевой – горячая любовь к людям и «желание видеть их лучшими, чем они есть» – явно сформирован на стыке христианских ценностей и идеологии «новых людей» из романа Чернышевского.

И в мемуарном очерке «Тени прошлого», и в повести «Доброволец» довольно подробно описан саратовский кружок радикальной молодежи, участницей которого была В.И. Дмитриева; в своих воспоминаниях писательница прямо утверждает, что именно размышления об этом кружке стали основой появления повести. В мемуарном тексте проставлен акцент на том, что состав кружка был образован учащейся и недоучившейся молодежью: «Исключенные из учебных заведений, порвавшие с семейными и общественными традициями, лишенные возможности пристроиться к какому-либо «хлебному делу», они жаждали поскорее вступить в бой с самодержавием, а пока занимались самообразованием»¹⁹. Образ жизни кружка описан Дмитриевой как «богемно-революционный»: это была атмосфера сходов и споров шумной восторженной компании, собиравшейся в чайной в гостинице саратовских купцов Вакуровых, приверженной «рахметовскому быту» и в основном обходившейся хлебом, воблой и чаем, отправлявшейся летом

¹⁷ Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 31.

¹⁸ Дмитриева В.И. Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 9. С. 146-147.

¹⁹ Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 36.

на лодках на Зеленый остров, бывший в то же время местом хранения нелегальной литературы, имевшей собственное, излюбленное место в городском саду Липки. Скамейка в Липках притягивала собрание, иронично названное его участниками «клубом благородных лодырей, или парламентом будущего»²⁰. В этом кружке «вместо толков о жалованье, об окладах, о циркулярах, говорили о человечестве, о нравственности, об общественном благе; вместо слов «подцепить», «облапошить», «поддеть» здесь слышалось «умереть за правду», «служить ближнему», «жертвовать своими интересами» и т.д.»²¹.

Среди участников саратовского молодежного кружка В.И. Дмитриева особенно выделяла Петра Сергеевича Поливанова. П.С. Поливанов, сын богатого саратовского помещика, был ровесником Дмитриевой, в 1874–1877 гг. он участвовал в деятельности саратовских революционных кружков, был выслан в Вологодскую губернию, в 1881 г. предпринял неудачную попытку освобождения из саратовской тюрьмы политического заключенного, после чего отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости до 1902 г. Участники народнического движения, в том числе В.Н. Фигнер, отмечали его «склонность по натуре к романтизму», а Дмитриева отмечала в качестве его главной характерной черты «пылкость характера в соединении со способностью увлекаться до самозабвения». Пламенный революционер по прозвищу «Петролька», наделенный талантом воображения, рисовал картины скорой грядущей революции. Но, по словам Дмитриевой, эти картины привлекали всеобщее внимание, потому что «все стояли на пороге жизни, и никто не знал ни своих сил, ни размеров того бремени, которое возложит на наши плечи судьба»²².

В своих воспоминаниях Дмитриева от характеристики П.С. Поливанова таким, каким он запомнился ей в ранней молодости, переходит к более позднему эпизоду их встречи уже в начале 1880-х гг. Этот переход передает авторское ощущение контраста нравственно-эмоциональной атмосферы вступления «героического поколения» в борьбу и периода «взросления» в процессе борьбы. Вновь встретившиеся в Саратове, быстро повзрослевшие Дмитриева и Поливанов подводили первые итоги вступления на путь героического подвига: они перечисляли имена своих

²⁰ Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 36.

²¹ Дмитриева В.И. Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 9. С. 149.

²² Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 40.

товарищей, из которых кто-то сошел с ума в ссылке, кто-то сидел в Петропавловской крепости, а кто-то был убит за предательство или, в конце концов, просто «остепенился» и порвал с революционным движением. Было на что посетовать и самой Дмитриевой: распространилась клевета, что она – шпионка, видимо, основанная на том, что в списках Н.В. Клеточникова упоминалась некая «Дмитриева-студентка». Фразы разговора давних друзей становятся короткими и неутешительными («пусто и грустно», «душно, тесно жить», «везде разлад», «мы подозреваем друг друга»)²³.

Именно этот путь от формирования этоса Героя, совершающего *освободительный подвиг*, к разочарованию в возможности его реализации и действительных результатов, к осознанию бессмысленности принесенной *жертвы*, и стал основой понимания «героики и трагизма» как главной темы повести В.И. Дмитриевой «Доброволец». Культурный контекст этой темы имеет глубокий философский смысл, разворачивающийся в пространстве мифа о Прометее. Как известно, последствия подвига Прометея были неоднозначны, не только с учетом понесенной им лично кары богов, но в целом для человеческого рода, так как именно после этих событий на него обрушились всевозможные бедствия из «ящичка Пандоры».

Размышления о глубоком и неизбежном трагизме «героического поколения», своеобразных представителей романтизма в эпоху реализма, для В.И. Дмитриевой, всегда ощущавшей свое нравственное единство с этим поколением, не означали, конечно же, попытки радикального пересмотра отношения к самим «героям». Модель поведения, основанная на сопротивлении злу, пронизывающему существование мира, оставалась для автора безусловно приоритетной в сравнении с моделью приспособления к миру в его несовершенном и порочном состоянии.

Видимо, именно это понимание обусловило появление в тексте «Добровольца» противопоставленного «героям» персонажа. В повести периодически фигурирует либерал Лимонадов, издатель газеты «Саратовская ежедневка». Его прототип – издатель «Саратовского справочного листка» и постоянный автор «Саратовского дневника», публицист и фельетонист Иван Парфенович Горизонтов. Либерал Лимонадов в тексте постоянно таинственно намекает на то, что он «сам когда-то пострадал»²⁴, но в действительности

²³ Дмитриева В.И. Тени прошлого... С. 43.

²⁴ И.П. Горизонтов был исключен из семинарии по формальным причинам невыполненных заданий, а фактически за «имение у себя» запрещенной

достаточно труслив, всегда опасается возможных последствий любого неосторожного слова или поступка и призывает других следовать его благоразумному примеру жить с опаской, «на каждую заработанную копейку смотреть как на каплю собственной крови» и убеждает молодых романтиков в том, что народ – это подлая, грубая, кровожадная толпа, которая «из их знамени свободы сошьет себе портки»²⁵.

В повести Дмитриевой просматривается своеобразная структура представленных персонажей, которую можно представить в виде треугольника, в котором «точка» «персонажа приспособления» (Лимонадов) противопоставлена двум другим «точкам» «персонажей сопротивления», в свою очередь также взаимно противостоящим друг другу, потому что они персонифицируют две разные модели сопротивления действительности. Первая «точка» – это уже известный читателю Леонид Марлов, который показан как «реалист», и в литературном контексте достаточно явно напоминает Базарова, героя романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Вторая «точка» – «герои» («романтики»), выбравшие разные пути свершения героического подвига: Иван Хопров (прототипом которого является П.С. Поливанов) уходит в революционное движение, а Евгений Кох отправляется добровольцем в борьбу за «братьев-славян». Важно отметить, что название повести «Доброволец» связано напрямую именно с судьбой семнадцатилетнего Жени Коха, самого трогательного героя произведения, прототип которого определить не представляется возможным, скорее всего, это собирательный образ.

Герои Дмитриевой – «реалисты» и «романтики» часто дискутируют. «Реалист» Марлов пытается предостеречь новых «Дон-Кихотов»: «иллюзии разрушаются, а факты остаются»; «горе тому, кто, не зная броду, да вдобавок еще не умея плавать, сунется в воду»²⁶. Но теоретический характер дискуссий отступает на второй план перед безусловным обаянием личности самого юного из «героев», семнадцатилетнего Жени Коха. Именно Евгений Кох, образ которого связан с названием повести, первым в произведении произносит, не стесняясь возможных обвинений в романтизме, само слово «Герой»: «Скажите, отчего теперь совершенно нет

литературы. О личности и биографии И.П. Горизонтова см.: *Касович А.* Горячее перо // Годы и люди. Вып. 4. Саратов, 1989. С. 110–125.

²⁵ *Дмитриева В.И.* Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 9. С. 170–171.

²⁶ Там же. С. 150.

героев? Ведь и теперь везде сильный давит слабого, а между тем героев нет...» Друзья останавливают его рассуждения, напоминая, что не только в античности, но и в современности есть примеры героической борьбы – например, восставших против турецкого владычества герцеговинцев. Но Кох находит возражение: героизм не в том, чтобы спасти себя, а в том, чтобы защищать других: «Герой – это такой человек, который отказался бы от всего, что ему близко и дорого, и вступился бы за всех несчастных, обиженных, который не побоялся бы ничего, – ни смерти, ни тюрьмы, ни бедности – ничего! и пошел бы сражаться... и все бы бросил... понимаете?»²⁷.

Писательница вскоре дает читателю возможность познакомиться с семьей удивительно искреннего и необыкновенного юноши. Это находящаяся в очень стесненных материальных обстоятельствах большая семья Антона Юльевича Коха. Глава семейства, несмотря на все жизненные невзгоды, «реалистом» не стал, и как в молодости, увлечен немецкими поэтами-романтиками. Страстный поклонник Шиллера заявляет: «Что такое жизнь без борьбы? Спячка! Я верю в зарю будущего. Когда-нибудь должны осуществиться на земле всеобщая любовь, всеобщее братство. Не стоило бы жить на свете, если бы не было в душе этой веры». Отец готов «благословить детей умереть за идею»²⁸. Сын готов идти умирать за идею. Он глубоко к сердцу принимает газетные известия о страданиях несчастных народов Балканского полуострова: «Ужасно! Их режут, вешают, убивают без суда; их грабят, продают, мучают... Разве это не возмутительно? И вот, наконец, они восстали... но у них нет ни денег, ни оружия, ни людей... и никто не хочет им помочь... И мы будем спокойно смотреть, как их всех расстреляют?»²⁹ Евгений Кох уходит добровольцем в армию генерала М.Г. Черняева на сражения Сербо-турецкой войны и погибает.

Прямая сюжетная линия повести заканчивается гибелью на войне добровольца Жени Коха и арестом революционера-народника Ивана Хопрова. Настроение грусти пронизывает последние страницы произведения. «Реалист» Леонид Марлов тяжело переживает трагический исход борьбы своих лучших товарищей, и слова осуждения по адресу их опрометчивых и необдуманых

²⁷ Дмитриева В.И. Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 9. С. 178.

²⁸ Там же. С. 185.

²⁹ Дмитриева В.И. Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 10. С. 507-508.

поступков с трудом скрывают душевную боль. В сторону погибшего добровольца: «Свои собаки дерутся, а чужая не приставай. Очень мы нужны были сербам с нашими благодеяниями!... Лезут словно бабочки на огонь». В сторону арестованного революционера Хопрова, участника акций «хождения в народ», которого в дружеском кругу сравнивали с прокурором Парижской коммуны Раулем Риго: «Пошел Риго будить спящую царевну, только ничего из этого не вышло. Крепко спит она за дубовой дверью с семью печатями и стерегут ее стоглавые драконы. Ну, и попался как рыцарь»³⁰. Хуже всего, в глазах Марлова то, что «дон-кихотство» героев борьбы неизбежно приведет к разочарованию в самих ее целях: «... во всей этой истории виноватым окажется опять же наш народ. Сегодня наши Дон-Кихоты копыя за него ломают, а потом на манер Лимонадова начнут выкрикивать, что народ глуп, туп, дик и т.д. Вот что скверно»³¹.

В своеобразном эпилоге повести известные читателю персонажи продолжают жить, тогда, когда герои из жизни уже изъяты. Контрастом гибели героев является благополучие семейной жизни Марлова, женившегося на сестре погибшего добровольца, и в еще большей степени – «звездный час» общественной популярности газетчика Лимонадова, срывающего дивиденды в потоке всеобщего увлечения славянским движением. Лимонадов «сделался совсем славянистом», произносит бесконечные речи и пишет нескончаемые статьи на тему «всеславянской идеи, исторической миссии России, исконного стремления к братскому слиянию, кровавого знамени протеста, гордого вызова вековому деспотизму гнилого Запада». Лимонадов призывает молодежь забыть о прежних утопиях, брать в руки стяги и оружие и идти на Балканы, ибо «вот наша исконная задача – всеславянское государство; вот она, великая славянская революция!»³². Но Лимонадов всегда следит за настроениями времени и легко меняет взгляды: в самом конце повести читатель переносится на восемь лет вперед, и в 1884 г. имеет возможность заглянуть в печатное издание Лимонадова, в передовой статье которого «яростно разносили Баттенберга и сыпали горькие упреки в неблагодарности по адресу братьев-славян»³³. Конечно, дело здесь было уже не только в способности

³⁰ Дмитриева В.И. Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 10. С. 514.

³¹ Там же. С. 515.

³² Там же. С. 516–517.

³³ Там же. С. 534.

«Лимонадовых» менять политическую позицию, так как разочарование в исторической миссии России на Балканах было столь же неизбежным процессом, сколько и осознание неоднозначности содержания и последствий революционно-народнического движения.

В окончании повести В.И. Дмитриевой есть что-то общее с окончанием романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Спокойное течение обыденной жизни и вполне возможное человеческое счастье (семейное, личное) героям недоступны. Герои свершают свой подвиг и погибают. Эпилогом повести становится размышление автора об ушедшей молодости, ведь именно молодость есть настоящая эпоха героев: «...юность исчезла, как мечта, и унесла с собою в непроглядную тьму много светлых минут, которые никогда не повторятся, много милых, знакомых образов, с которыми никогда не придется встретиться в этом мире», а никому не ведомые герои умерли – «но то, ради чего они жили, разве умерло? Нет... и вот они из своих могил улыбаются мне, ободряют и благословляют меня: «Иди!» Надо идти... и жить!»³⁴

³⁴ Дмитриева В.И. Доброволец // Вестник Европы. 1889. Кн. 10. С. 537-538.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(47+57)

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННО-НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО НАЧАЛА 1900-Х ГГ.

Г.Н. Мокшин¹

ВГУ

e-mail: mok410@mail.ru

В статье на основе анализа историографии народнического движения в Воронежской губернии обобщаются причины его возникновения, основные этапы, организационные формы и социальный состав. Особое внимание уделяется связям воронежских народников с общероссийскими революционными организациями и деятельности последних на территории губернии. В заключении делаются выводы об особенностях развития революционно-народнического движения в воронежском крае и его месте в истории русского народничества до образования партии социалистов-революционеров.

Ключевые слова: революционное народничество, воронежские народники, Воронежский съезд народников, воронежские социалисты-революционеры.

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF THE HISTORY OF THE REVOLUTIONARY NARODNIKS MOVEMENT IN THE VORONEZH GOVERNORATE: FROM ITS INCEPTION TO THE EARLY 1900S

G.N. Mokshin

(Voronezh, Russia)

e-mail: mok410@mail.ru

The article, based on the analysis of the historiography of the populist movement in the Voronezh Province, summarizes the reasons for its emergence, the main stages, organizational forms and social composition. Particular attention is paid to the ties of the Voronezh populists with all-Russian revolutionary organizations and the activities of the latter in the province. The conclusion draws conclusions on the peculiarities of the development

¹ Мокшин Геннадий Николаевич (Воронеж), д.и.н., профессор кафедры истории России Исторического факультета Воронежского государственного университета.

of the revolutionary-populist movement in the Voronezh region and its place in the history of Russian populism before the formation of the party of socialist-revolutionaries.

Key words: revolutionary populism, Voronezh populists, Voronezh populist's Congress, Voronezh Socialist-Revolutionaries.

Движение революционного народничества 1870–1890-х гг. в той или иной степени охватило всю Европейскую Россию. И Воронежская губерния с ее преимущественно крестьянским населением не была исключением. Об этом, в частности, свидетельствуют такие понятия, как «воронежские народники» и «воронежские эсеры», «воронежское поселение» землевольцев и «Воронежские съезды» народников 1879 и 1897 гг. В Воронеже есть улицы Желябова, Софьи Перовской, Плехановская, Веры Фигнер, названные так в честь посещений нашего города этими людьми.

По данной теме существует обширная литература, в основном представленная трудами воронежской народниковедческой школы². Накоплен значительный фактический материал о деятельности воронежских народнических кружков и групп³. И пришло время для некоторых обобщений, которые мы назвали концептуализацией, т.е. для более подробного изучения причин возникновения и основных этапов развития народнического движения в Воронежской губернии, его организационных форм, социальной базы и «движущих сил» (организаторов и идейных вдохновителей), а также его особенностей по сравнению с другими губерниями Черноземного центра.

Все эти вопросы, так или иначе, затрагиваются в обобщающих исследованиях. Но их, к сожалению, немного и за последние сто лет (если вести отчет от опубликованных в 1922 г. «Материалов по истории революционно-социалистического движения в Воронежской губернии») накопилось немало пробелов и разночтений.

² Мокшин Г.Н. Предисловие // Воронеж народниковедческий: межвуз. сб. ст. / Под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2012. С. 4–6.

³ См.: Алексеев В.Н. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях. Ч. 1. Воронеж, 1935; Дмитриев Г.М. Движение революционного народничества в Центрально-черноземных губерниях России в первой пол. 70-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971; Дмитриев Г.М., Карпачев М.Д. Революционное движение в Воронежском крае в землевольческий период (вторая пол. 1870-х гг.) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983; Куцеголов А.А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в. – 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

В данной статье анализируется период от возникновения в Воронеже первых народнических кружков в начале 1870-х гг. до образования в 1903 г. «Воронежского комитета партии социалистов-революционеров». Это время еще называют эпохой так называемого «классического» русского народничества. Конечно, не все воронежские народники были революционерами, но именно последние задавали движению тон и эмоциональный настрой, даже после разгрома в 1884 г. «Народной воли».

Начнем с общих причин возникновения и развития народнического движения на территории Воронежской губернии. Разумеется, его нельзя рассматривать изолированно от общероссийского движения народников, т.к. у них общие корни. Но нас, прежде всего, интересуют «местные» причины и обстоятельства. К ним исследователи обычно относят:

1) постепенное ухудшение положения воронежских крестьян и их периодические волнения, а также неуклонный рост числа местных городских рабочих;

2) наличие сравнительно большого количества средних учебных заведений, а, как известно, именно молодежь (на почве неустроенного быта) оказалась наиболее восприимчивой к народнической пропаганде;

3) слабость полицейского контроля (о том же съезде землевольцев в Воронеже в *Воронежском губернском жандармском управлении* узнали из позднейших циркулярных сообщений), хотя степень его эффективности – это все еще предмет спора между специалистами.

Отдельно следует выделить причины, связанные с развитием в стране революционного движения:

1) влияние общероссийских народнических организаций (от чайковцев до народоправцев), чьи эмиссары часто наведывались в Воронеж в поисках новых членов и денежных средств; первая крупная партия нелегальной литературой прибыла в Воронеж из Петербурга в мае 1872 г.

2) постоянное присутствие в губернии политических ссыльных, некоторые из которых организовывали здесь революционные кружки;

3) многие молодые воронежцы обучались в столичных вузах, где проникались народническими идеями; возвращаясь на родину, они распространяли эти идеи среди своих сверстников⁴.

У революционной активности местной интеллигенции были, конечно, и другие причины. Например, по мнению начальника ВГЖУ А.В. Комарова, «разночинцы с образованием не могут найти себе применения и сидят без средств, благодаря чему развивается зависть, недовольство своим положением, нервность, общая скука и апатия, процветают разгул и дебоширство. Эта часть интеллигенции всем недовольна и все отрицает»⁵.

Общей периодизацией народнического движения на территории Воронежской губернии у нас еще никто не занимался. Хорошо разработан только этап его становления от кружков самообразования рубежа 1860/70-х гг. до разгрома в 1876 г. организации «Наши» – самого значительного объединения воронежских народников эпохи «хождения в народ». Этому периоду посвящена диссертация Г.М. Дмитриева. Правда, появление в Воронеже первого народнического кружка, организованного сосланным сюда А.С. Пругавиным, он датировал 1872 г. В действительности Пругавин оказался в нашем городе в январе 1873 г., а уже в октябре его отправят в Коротояк⁶.

Расцвет движения революционного народничества в воронежском крае пришелся на эпоху «Земли и воли» и «Народной воли» (1876–1884 гг.). На это время приходится наибольшее количество местных кружков, связанных с данными организациями. Только в 1879 г. в Воронеже было проведено 41 дознание политического характера⁷. Но, к сожалению, эти материалы еще не систематизированы.

Лучше всего изучен «Воронежский съезд» народников 1879 г., т.к. о нем сохранилось больше всего воспоминаний⁸. Сложнее

⁴ Подробнее см.: *Савченко В.Л.* Возникновение Воронежской эсеровской организации, ее структура и деятельность на начальном этапе: вторая половина 1890-х годов – 1904 год // Страницы истории и историографии отечества: сб. науч. тр. Воронеж, 1999. Вып. 2. С. 134–137.

⁵ Цит. по: *Страхов Л.В.* Воронежское губернское жандармское управление (1867–1917 гг.): организация и итоги деятельности: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С. 189.

⁶ *Дмитриев Г.М.* Движение революционного народничества... С. 76.

⁷ *Дмитриев Г.М., Карпачев М.Д.* Указ. соч. С. 46.

⁸ *Твардовская В.А.* Воронежский съезд землевольцев // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 2.

разобраться с историей так называемого «воронежского поселения» землевольцев. Как известно, летом 1878 г. им пришлось в спешном порядке покинуть Воронежскую губернию. Поэтому в исторической литературе утвердилось мнение о том, что в реальности его не существовало. Однако наши историки считают, что землевольцы имели здесь опорные пункты пропаганды, созданные воронежскими народниками в селе Верхний Карачан Новохоперского уезда и селе Склеяво Землянского уезда⁹.

Самый проблемный, с точки зрения изученности, этап в истории народнического движения в Воронежской губернии начинается после 1884 г. Это время упадка революционной идеологии и практики. Здесь исследователи пока не могут ответить на главный вопрос: когда появились у нас первые социалисты-революционеры? Самая популярная версия – в 1895 г., когда полиция обнаружила их первые листовки. Но, например, В.Л. Савченко в специальной статье на эту тему приходит к выводу, что Воронежская эсеровская группа возникла между 1894 и 1897 г.¹⁰

С идеологией местного революционного движения тоже не все так просто. На территории губернии действовали представители всех возможных в народничестве направлений: от бунтарей-анархистов и «сен-жебунистов»¹¹ до народовольцев и их идейных наследников – эсеров. Но в провинции идейные разногласия не имели такого принципиального значения, как в Петербурге. Воронежские народники прекрасно уживались не только между собой, но и с местными либералами, и даже со своими главными конкурентами – марксистами. Всех их принимал гостеприимный «Ковчег». Так писательница В.И. Дмитриева назвала в своих воспоминаниях ставший приютом для нелегальных революционеров дом А.П. Кравцовой¹².

Деятельность воронежских кружков и групп ориентировалась на распространение народнических идей (разных модификаций) для вербовки новых членов, в основном среди учащейся молодежи. Обычно для этого использовались листовки, подпольные газеты и брошюры, доставляемые из других городов. Но если был станок, то печатались свои. Известно также об издании в 1884 г. в

⁹ Дмитриев Г.М., Карпачев М.Д. Указ. соч. С. 49.

¹⁰ Савченко В.Л. Указ. соч. С. 139.

¹¹ *Сен-жебунисты* – революционный народнический кружок братьев Жебунёвых (прим. ред.)

¹² Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). Воронеж, 2015. С. 184.

Воронеже подпольного гектографированного журнала «Опыт» и рукописного «Надежда» (программу для него написал П.П. Мануйлов). При крупных кружках создавались целые библиотеки запрещенной литературы, насчитывающие иногда десятки экземпляров газет «Вперед!», «Набат», «Земля и воля» и «Народная воля».

На рубеже 1870/80-х гг. имели место и случаи проявления революционного экстремизма. Например, 7 мая 1881 г. в квартире ректора семинарии Д.Ф. Певницкого произошел «взрыв в печи». Приболевшего ректора спасло только то, что он встал с постели и вышел в другую комнату. На следующий день в семинарии появилось более 10 прокламаций. В одной из них этот «решительный удар» по «врагам» объяснялся тем, что начальство не удовлетворяет требования семинаристов, которые, между прочим, хотели «полной свободы»: носить шляпы и трости и ходить по улицам после 5 часов вечера¹³. Главным организатором взрыва был назван семинарист Я.И. Часовников (один из руководителей народнического кружка). Его и еще 16 чел., зараженных революционными идеями, исключили из семинарии. Это был не первый подобный эксцесс, но все-таки отчаянные воронежские семинаристы чаще просто били стекла в кабинетах своих «врагов».

Организационные формы движения также соответствовали условиям провинции. Воронежские народники были объединены в небольшие кружки в основном при средних учебных заведениях Воронежа (в кадетском корпусе, духовной семинарии, мужской и женской гимназиях и т.д.) и некоторых уездных городов. Самый большой кружок под названием «Наши», нередко именуемый «организацией», действовал в селе Пески Новохоперского уезда. В его состав входило больше ста чел. Кружок имел связи с тремя десятками населенных пунктов по всей России¹⁴.

Общее количество воронежских народнических кружков точно неизвестно. В исследовательской литературе их упоминается до 1,5 десятка. Это те, что обнаружило ВГЖУ. Действовали

¹³ Литвинов В.В., Олейников Т. К истории Воронежской духовной семинарии // Воронежская старина. Вып. 13. Воронеж, 1914. С. 220–221; Дмитриев Г.М., Карпачев М.Д. Указ. соч. С. 48; Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж, 2014. С. 272–273.

¹⁴ Дмитриев Г.М. Организация «Наши» и ее деятельность // История СССР. 1968. № 3. С. 191.

они в основном изолированно друг от друга. Например, Д.Ф. Руднев – член одного из таких кружков в Воронежском кадетском корпусе, пишет в своих воспоминаниях, что в конце 1870-х гг. он и его товарищи «представляли благоприятную почву для пропаганды социалистов, но мы таковых не встречали в Воронеже», хотя, как потом оказалось, они там были¹⁵. В 1884 г. несколько ученических кружков самообразования объединились в Центральный кружок для подготовки к практической революционной деятельности, но просуществовал он недолго. В дальнейшем вопрос об объединении всех наличных сил местных народников возникнет только в конце XIX в., но уже на неонароднической платформе.

Социальный состав участников народнического движения в Воронежской губернии был довольно пестрым. Преобладали, конечно, представители дворянско-разночинной интеллигенции, т.к. большинство кружков действовало в городах. Выходцев из простого народа: крестьян, рабочих и мещан, было немного¹⁶. По идее ближе к XX в. их доля должна была заметно подрасти, вместе с увеличением числа рабочих, и возрождением будущими эсерами агитационной кампании в деревне. Но пока такими подсчетами никто не занимался.

Сравнительно большое для провинции число революционных кружков предполагает наличие здесь местных организаторов и руководителей. Правда, далеко не все из них были воронежцами. Значительных процент – выходцы из южных губерний. Ближайший к нам крупный город – Харьков.

Наиболее активными участниками народнического движения в воронежском крае, так сказать, главными создателями и хранителями его традиций, признаются:

- Василий Петрович Зубрилов (1851–1917) – один из основателей организации «Наши» (1874–1876 гг.);

- Василий Иванович Тулисов (ок. 1854–?) – член «Большого совета» «Земли и воли»; он помогал группе М.П. Ошаниной организовывать поселения в Воронежской губернии¹⁷;

¹⁵ Татарчуков А. Н. Материалы по истории революционно-социалистического движения в Воронежской губернии. 70–90-е годы. Вып. 1. Воронеж, 1922. С. 20.

¹⁶ Савченко В.Л. Указ. соч. С. 135.

¹⁷ М.Д. Карпачев считает В.И. Тулисова «центральной фигурой воронежского революционного подполья» с 1876 по 1879 гг. См.: Карпачев М.Д. Землевольтерские поселения в Воронежской губернии (вторая половина 1870-

- Петр Павлович Мануйлов (?) – народоволец, за большой революционной стаж воронежцы называли его «Дед»; обладатель кольца, сделанного из оков Н.Г. Чернышевского (всего таких колец было шесть)¹⁸;

- Александр Осипович Сыщанко (1861–1898) – народоволец; он стоял у истоков организации воронежских эсеров.

Были и другие активисты: Ф.Н. Цыбенко, В. Гравировский, А. Лебедев, П.А. Хворостянский, С.Ф. Руднев, С.А. Петровский, И.А. Прозоровский (можно добавить и еще пару десятков чел.). Но, на наш взгляд, их вклад в развитие народнического движения на территории Воронежской губернии не такой значительный, как у перечисленной выше четверки.

Судя по тому месту, которое уделяется народникам при описании общественно-политической жизни Воронежской губернии в последней трети XIX в., можно подумать, что они оказали на ее развитие определяющее влияние¹⁹. Хотя все прекрасно понимают, что оно ограничивалось узким кругом оппозиционно настроенной интеллигенции. Широкий общественный резонанс имели только покушения революционеров на царя. Но они производили совсем не тот эффект, на который рассчитывали террористы. Так, в уездном городе Землянске известие об избавлении Александра II от покушения на него очередного «злодея» было встречено благодарственным молебном. Вечером 4 июля 1867 г. город был иллюминирован, а в саду помещицы Хрущовой выставлен щит с «вензелевым именем Отца-ГОСУДАРЯ». Народные гуляния, сопровождаемые криками «ура», продолжались до глубокой ночи²⁰.

Конечно, были отдельные крестьяне и рабочие, которые сочувствовали критике существующего в России строя (среди

х гг.) // Воронежское краеведение: опыт и проблемы: мат-лы второй Воронежской областной краеведческой науч.-практич. конф. Воронеж, 1990. С. 106.

¹⁸ Кожемякин А. Кольцо из цепи Н.Г. Чернышевского // Коммуна. 1979. 16 сентября.

¹⁹ См.: Волкова Е.А., Шевченко В.Н., Лебедева М.А. Общественно-политическая жизнь Воронежской губернии в середине XIX века. (Историографический обзор) // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2021. № 9. С. 116–122. Название статьи некорректно, т.к. в ней охватывается вся вторая половина XIX в.

²⁰ Из Землянска // Воронежские губернские ведомости. 1867. 14 июля.

привлеченных к суду по делу кружка «Наши» 9 крестьян²¹). Но в целом население губернии отнеслось к революционному брожению интеллигенции или безразлично, или враждебно.

Значительный интерес для раскрытия нашей темы представляет вопрос о связях воронежских народников с всероссийскими организациями («Большое общество пропаганды», «Земля и воля», «Народная воля», партия «Народного права» и др.). Их изучением занимались П.С. Ткаченко, В.В. Широкова, В.В. Волк, Н.А. Троицкий²². Оказалось, что все крупные народнические объединения имели здесь своих последователей или хотя бы представителей (например, в лице того же П.П. Мануйлова). А землевольцы даже пытались организовать у нас свое стационарное поселение в селе Чесменка Бобровского уезда. Частые визиты в Воронеж М.Р. Попова и его товарищей определили выбор нашего города в качестве места проведения здесь первого народнического «конгресса» в июне 1879 г.²³

Некоторые воронежские народниковеды идут еще дальше, пытаясь доказать влияние своих земляков на эволюцию идеологии и практики всего русского народничества. Так, по мнению Г.М. Дмитриева, именно организация «Наши», с ее уникальным организационно-тактическим опытом, стала прообразом «Земли и воли»²⁴. А.А. Куцеволов настаивает на значительной роли воронежских эсеров в консолидации неонароднических кружков, так как первый съезд «Южной партии социалистов-революционеров» состоялся в Воронеже в 1897 г. и именно здесь началась разработка ее программы²⁵.

Стоит также напомнить о том, что с Воронежской губернией связаны биографии многих известных народников. Одни из них получали здесь образование, например, Е.О. Заславский, С.Н. Кривенко, В.Г. Плеханов, В.Я. Богучарский. Кстати, все они,

²¹ Дмитриев Г.М. Организация «Наши» и ее деятельность... С. 191.

²² Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961; Волк С.С. Народная воля: 1879-1882. М.; Л., 1966; Широкова В.В. Партия «Народного права»: из истории освободительного движения 90-х гг. XIX в. Саратов, 1972; Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды: Большое общество пропаганды (чайковцы). 1871-1874 гг. Саратов, 1991.

²³ Попов М.Р. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда // Былое. 1906. № 8. С. 32.

²⁴ Дмитриев Г.М. Движение революционного народничества... С. 264.

²⁵ Куцеволов А.А. Партия социалистов-революционеров в Воронежской губернии. От истоков до 1908 года. Воронеж, 2005. С. 25-26.

кроме Плеханова – уроженцы нашего края. Другие ходили сюда в «народ» (М.Р. Попов, А.А. Квятковский, Н.А. Морозов, И.И. Каблиц и т.д.). Третьи входили в местные революционные кружки, а уже потом стали известными землевольцами и народовольцами, как, например, «нашинцы» А.С. Емельянов и П.Г. Мозговой.

В заключении постараемся выделить общее и особенное в народническом движении в Воронежской губернии по сравнению с ее соседями – Курской, Орловской и Тамбовской губерниями.

1. Общее – это то, что народничество, как идеология и движение в среде дворянско-разночинной интеллигенции, было привнесено в эти аграрные губернии извне благодаря наличию постоянного канала связи с центром, который будет потом поддерживаться усилиями обеих сторон. Для всероссийских организаций Центральное Черноземье, известное своим бунташным прошлым, – это место, где они надеялись установить связь с народом, а для местной молодежи народничество – это источник новой самоидентификации как катализатора будущей народной революции.

2. Главное отличие народнического движения в Воронежской губернии – сравнительно большое для провинции число революционных кружков, т.к. Воронеж – самый крупный город в Центральном Черноземье с большим количеством учащейся молодежи. Со временем это позволит сложиться здесь устойчивой революционной традиции и сделает город своеобразной кузницей кадров для общероссийского освободительного движения. Чтобы убедиться в этом достаточно заглянуть в словарь «Деятели революционного движения в России».

3. Сложнее всего дать общую оценку развитию в Воронеже народнического движения. Нельзя сказать, что воронежские народники оказались более успешными, чем их соседи. Ведь особых успехов в революционной пропаганде они не достигли. Почти все их кружки были разгромлены местной полицией. С другой стороны, именно в Воронежской губернии в 1874–1876 гг. действовала самая крупная в Черноземье революционно-народническая организация «Наши», а в конце XIX в. воронежские эсеры стояли у истоков образования Южной партии социалистов-революционеров, внеся, тем самым, существенный вклад в консолидацию позднего народничества.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ
КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ В.И. СЕМЕВСКОГО)

Ю.В. Лазарев¹

РГУ имени С.А. Есенина
e-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

В статье рассмотрена диссертационная история магистерской диссертации «историка-гражданина» В.И. Семевского. Тема диссертации, апробация материалов в общественно-политических изданиях, отказ от защиты в Санкт-Петербургском университете и диспут в Московском университете вызвали особый интерес у молодого поколения, воспринявшего процедуру защиты как победу прогрессивной науки. Свидетельством этого служат материалы с отзывами о защите в периодике, стихотворение В.Р. Щиглева «17 февраля 1882 г., в день защиты В.И. Семевским в Москве магистерской диссертации» и тексты некрологического характера.

Ключевые слова: В.И. Семевский, диссертационный диспут, диссертационная история, В.Р. Щиглев, некрологические тексты.

DISSERTATION DEFENSE AS A SOCIO-POLITICAL EVENT
(MASTER'S THESIS BY V.I. SEMEVSKY)

Yu.V. Lazarev

(Ryazan, Russia)
e-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

The dissertation history of the master's thesis of the «citizen historian» V.I. Semevsky is considered. The topic of the dissertation, the approbation of materials in socio-political publications, the refusal to defend at St. Petersburg University and the dispute at Moscow University aroused particular interest among the younger generation, who perceived the defense procedure as a victory of progressive science. This is evidenced by materials with reviews of the defense in periodicals, a poem by V.R. Shchiglev «February 17, 1882, on the day of the defense of V.I. Semevsky in Moscow master's thesis» and obituary texts.

Key words: V.I. Semevskiy, dissertation dispute, dissertation history, V.R. Shchiglev, obituary texts

Защита диссертации – факт, имеющий важное значение прежде всего для самого соискателя и научного сообщества, к которому он принадлежит. В то же время, отмечает Н.Н. Алеврас,

¹ Лазарев Юрий Васильевич (Рязань), к.ф.н., профессор кафедры литературы и журналистики факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

диссертация и диссертационная история «вызывают и более широкий – общественный интерес и резонанс»². В статье мы обратимся к событиям, связанным с защитой ученым-историком В.И. Семевским 1882 г. магистерской диссертации в Московском университете.

По окончании в 1872 г. курса историко-филологического факультета Петербургского университета В.И. Семевский был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. Выдержав в 1874 г. экзамен на степень магистра, он определился с научной тематикой исследования: история русского крестьянства. В научной работе Семевский видел выполнение общественного долга. Этот жизненный принцип он унаследовал у известного педагога-словесника В.И. Водовозова, учеником которого он был, и в семье которого он воспитывался (неслучайно, магистерская диссертация имела посвящение: «Посвящаю моему дорогому наставнику и другу Василию Ивановичу Водовозову»).

«Историки не могут, – приводит слова Семевского С.П. Мельгунов, – если они не утратили сознания своей главной обязанности, отказываться от необходимости отвечать на запросы современной жизни посредством правдивого изображения прошлого»³. Выбранная в период распространения и под влиянием идеологии народничества тема была продиктована духом того времени: к судьбе русского народа была прикована мысль русской интеллигенции, служением ему оправдывалась всякая деятельность. Как помочь русскому крестьянину, как облегчить его жизнь – вот вопросы, волновавшие прогрессивных людей того времени.

² *Алеврас Н.Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 219. О диссертационных историях и диссертационной культуре также см: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск, 2010. С. 9–21; *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. М., 2011. Вып. 36. С. 221–245; *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В.* Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 100–110.

³ *Мельгунов С.П.* Историк-гражданин // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XII.

С 1876 г. изыскания Семевского по крестьянскому вопросу печатаются в виде статей в общественно-политических (преимущественно либеральных) журналах «Русская старина», «Вестник Европы», «Древняя и Новая Россия», «Отечественные записки». Научные труды, материалы диссертаций нечасто публиковались в общей периодике. «Но темы, поднимаемые Семевским, – отмечает Мельгунов, – материалы, излагаемые им, имели такой всегда животрепещущий интерес современности, что любая статья его делалась украшением журнальной книги, хотя автор был далек от красочного изложения»⁴. Стремление распространить свои идеи среди как можно большего числа читателей принесло Семевскому широкую известность у прогрессивной интеллигенции не столько как ученому, сколько как литератору, публицисту-обличителю⁵. Особенно широкий отклик вызвала статья «Не пора ли написать историю крестьянства в России?», опубликованная в общественно-политическом журнале «Русская мысль»⁶. Работа над темой завершилась подготовкой монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» и решением представить диссертацию к защите на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В.И. Семевский, воспринявший историю с предзащитой как пример недобросовестного отношения «ученого цеха к своему собрату по науке, добросовестно, самым неутомимым образом работавшему над своим трудом в течении 9 лет», оставил воспоминания об этих событиях⁷.

⁴ Мельгунов С.П. Историк-гражданин. С XII.

⁵ Это, возможно, сыграло и негативную роль в его научной карьере. В своих стремлениях получить профессорскую кафедру Семевский не раз терпел неудачу. «Главной причиной такой неудачи, – отмечает профессор И.А. Линниченко, – нужно считать сложившееся о нем мнение, как о публицисте, а не ученом. Отдельные части своих ученых диссертаций (он нуждался в средствах к жизни) помещал отдельными статьями в журналах либерального направления, и этого было довольно для того, чтобы признали его только литератором, притом характера радикального». См.: Линниченко И.А. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XLVI.

⁶ Семевский В.И. Не пора ли написать историю крестьян в России // Русская мысль. 1881. № 2. С. 215–265.

⁷ После смерти среди бумаг Семевского были найдены три рукописи, в том числе очерк о защите диссертации, написанный, по мнению публикатора, по свежим впечатлениям, но не обработанный и забытый автором. См. Автобиографические наброски В.И. Семевского. Защита диссертации // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 7–49.

В мае 1880 г. Семевский обратился в историко-филологический факультет Петербургского университета с прошением напечатать магистерскую диссертацию в «Записках Историко-Филологического факультета С.-Петербургского университета». Декан факультета В.В. Бауэр сообщил, что вопрос может быть решен лишь после прочтения труда профессором-историком К.Н. Бестужевым-Рюминым. При этом, как выяснилось позже, Бестужев-Рюмин, увидевший в работах Семевского «опасные мысли», не пожелал взять ответственность за единоличное рецензирование диссертации.

У Семевского до этого сложились сложные отношения с научным руководителем Бестужевым-Рюминым: профессор не мог забыть участие Семевского в делегации от студентов-филологов с заявлением об отстранении ученика Бестужева-Рюмина профессора Е.Е. Замысловского, бывшего плохим оратором, от чтения лекций. Также Бестужев-Рюмин подозревал, что неблагоприятный отзыв на диссертацию Замысловского в журнале «Русская старина» был написан Семевским.

Работа Семевского начала печататься в VIII томе «Записок историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета» в 1881 г. Однако после событий 1 марта в 1881 г. (убийство народовольцами Александра II) во Введении к диссертации (где говорилось в том числе о недостатках реформы 19 февраля 1861 г.), уже опубликованном в виде статьи⁸, рецензент Бестужев-Рюмин усмотрел политический подтекст (критику реформы, проведенной по инициативе только что погибшего императора) и заявил, что не считает возможным в дни траура допускать в официальном издании университета осуждение величайшего акта только что закончившегося царствования. «Это нельзя, Василий Иванович, – приводит Семевский слова Бестужева-Рюмина, – этого никак нельзя. Помилуйте, вы осуждаете крестьянскую реформу, вы осуждаете прошлую войну. И когда же, – у раскрытого гроба государя... Это было бы просто оскорблением траура в память покойного императора»⁹. При этом сам Семевский не усматривал политического подтекста в своей работе и подчеркивал право исследователя на самостоятельность научного поиска.

На заседании филологического факультета 28 марта 1881 г. Семевскому было рекомендовано сократить Введение к диссертации,

⁸ Семевский В.И. Не пора ли написать... С. 215–265.

⁹ Автобиографические наброски В.И. Семевского... С. 18.

убрать обзор литературы по проблеме исследования и заключительные 8 страниц, составляющие резюме всего остального труда. Лишь 25 апреля 1881 г. решение о печатании труда на средства Университета было получено, а уже 8 мая монография¹⁰ была представлена в Университет.

Несмотря на неблагоприятные отношения «товарищей по науке» к своей диссертации, Семевский подал прошение на имя декана в Совет историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета с просьбой о допуске к защите этого сочинения в качестве диссертации на степень магистра, решив «заставить филологический факультет Петербургского университета расписаться в своей собственной подлости»¹¹. В итоге, на переносившемся несколько раз факультетском заседании, благодаря интригам и на основании отзывов Бестужева-Рюмина и Замысловского, было принято решение отказать в прошении.

Семевский в автобиографических заметках приводит текст официального извещения, содержащего следующее заключение: «... сочинение свидетельствует о начитанности и трудолюбии автора и содержит очень ценный материал, извлеченный им из архивных источников, но не включает в себе ни правильной постановки исследуемого вопроса в отношении его к общему ходу Русской Истории, ни вообще правильной в научном отношении оценки исторических явлений, и потому не может быть признано удовлетворительным как диссертация для получения искомой степени»¹². «Сочинение, – резюмирует Семевский, – было признано не то ненаучным, не то неблагонадежным по направлению; фразы отзыва так неопределенны, что понимаете, как хотите»¹³.

В то же время Семевский получил положительный отзыв о монографии от профессоров кафедры русской истории Московского университета В.О. Ключевского и Н.А. Попова и принял решение представить к защите диссертацию в Московском университете. Здесь, несмотря на некоторые сложности (с научной стороны нет возражений, но «есть другие обстоятельства») диссертация была допущена к диспуту.

¹⁰ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. В 2-х т. СПб., 1881. Т I. 504 с.

¹¹ Автобиографические наброски В.И. Семевского... С. 33.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 37.

Диспут состоялся 17 февраля 1882 г. в актовом зале Московского университета при большом количестве слушателей. В качестве официальных оппонентов выступили профессора Н.А. Попов и В.О. Ключевский), как неофициальный выступил профессор А.И. Чупров.

Информацию о диспуте поместили в ряде газет, а позже и в журналах. Так, журнал «Русская старина» (редактором которого был брат В.И. Семевского Михаил Иванович Семевский) опубликовал речь Семевского перед диспутом¹⁴ и перепечатал из «Русских ведомостей» реферат о диспуте, «самый подробный и обстоятельный из всех, помещенных в газетах»¹⁵.

В реферате в строгом научном стиле дана информация о прошедшем событии и нет даже намека на предшествующие обстоятельства. При этом отмечается, что «огромную массу посетителей» («обширная актовая зала была почти битком наполнена слушателями»¹⁶), привлекли литературная известность В.И. Семевского и высокий интерес к его исследованию.

В отличие от рефератов речи диссертантов не часто публиковались в общей периодической печати. Речь же Семевского, по замечанию Н.Н. Алеврас, явилась продолжением его публицистических выступлений в печати и «приобретала политический характер, не свойственный научной речи по статусу»¹⁷.

Статья о диспуте была опубликована и в журнале «Вестник Европы» (Санкт-Петербург)¹⁸. Один из самых массовых по охвату аудитории журнал еще в начале 1882 г., отметив слабую связь науки с обществом, принимает решение публиковать краткие отчеты об университетских диспутах, чтобы привлечь «кроме официальных, так сказать, участников домашнего праздника,

¹⁴ Семевский В.И. Речь, произнесенная в Императорском Московском Университете перед диспутом при защите диссертации на степень магистра Русской Истории, 17 февраля 1882 г. // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. С. 565–578.

¹⁵ Диспут В.И. Семевского в Московском университете // Русская старина. 1882. Т. XXXIV. № 65. Май. С. 579–584.

¹⁶ Там же. С. 580.

¹⁷ Алеврас Н.Н. Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского государственного университета. 2012. Т. 105. № 3. С. 282.

¹⁸ Z. (Веселовский А.Н.) Диспут г. В.И. Семевского в Москве // Вестник Европы. 1882. Т. III / Книга 5. Май. С. 442–448.

профессоров и студентов, еще и посторонних слушателей»¹⁹. Если первые отчеты (диспуты в Санкт-Петербургском университете на защите докторской диссертации Л.Ф. Воеводского²⁰, магистерских диссертаций К.Я. Грота, Д.И. Флоринского²¹) касались оценки научного содержания диссертаций, вопросов и замечаний оппонентов, позиций авторов, то в публикации о диспуте В.И. Семевского акцент смещается. Автор заметки, скрывшийся под псевдонимом Z (а это был профессор кафедры истории всеобщей литературы Санкт-Петербургского университета Алексей Н. Веселовский), с самого начала указывает на неординарность произошедшего события: «Предшествующая судьба книги и странность представления петербургской диссертации в Москве усиливала в публике живой интерес, возбужденный затронутыми автором вопросами о недавнем прошлом русского крестьянства; – вот почему на этот раз диспут имел необычное значение и привлек массу публики, наполнившую большую актовую залу, в последнее время очень редко отводимую для диспутов»²². И.А. Линниченко, в то время начинающий исследователь-историк, также вспоминает, что зал, в котором проходила защита, вопреки обыкновению был полон, мест на стульях для всех не хватило, и часть публики вынуждена была стоять²³.

Рецензии на само мероприятие у Веселовского предшествует объёмная (треть от объема всего текста) преамбула о трудном, девятилетнем, пути молодого ученого, решившегося на изучение сложной, но значимой темы истории русского крестьянства. Достаточно подробно описывая мытарства исследователя, связанные с публикацией его труда в «Записках историко-филологического факультета», автор заметки указывает на общественно-политический характер конфликта: «... горячо написанные страницы введения, где автор, почти поэтизируя важность работ по истории народа, взывает к молодым силам, стараясь заохотить их к этому, с виду неблагодарному труду, приняли оттенок политически-

¹⁹ Я. В стенах университета // Вестник Европы. 1882. Т. I. Книга 1. Январь. С. 398.

²⁰ Там же. С. 398–401.

²¹ Я. В стенах университета. Диспуты гг. Грота и Т. Флоринского // Вестник Европы. 1882. Т. I. Книга 2. Февраль. С. 869–875.

²² Z. (Веселовский А.Н.) Диспут г. В.И. Семевского... С. 443.

²³ Линниченко И.А. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XXXV–LII.

опасный»²⁴. В результате интриг на факультете «книга, признанная хорошею, солидною работою, страдала из-за своего *направления*; свобода научного исследования не признавалась вовсе; а сочувствие народу, должно быть, показалось факультету, имеющему в своей среде нескольких славянофилов, чем-то непозволительным»²⁵.

Передавая содержание вступительной речи, Веселовский, обращает внимание на общественный характер проведенного научного исследования. «Пусть те, кому дороги народные интересы, – обратился Семевский к молодежи, ищущей на чем применить свое сочувствие к положению народа, – поймут, что знакомство с прошлым не менее необходимо, чем изучение современной жизни, что настоящее правильно понимается только при ярком свете истории, и что хорошее будущее создается лишь как результат внимательной критики прошлого и настоящего»²⁶.

Далее Веселовский кратко передаёт содержание «неимоверно продолжительного» диспута, подчеркивая научный характер исследования, проведенного в интересах общего блага, но не в ущерб научному труду.

Молодое поколение чувствовало духовную близость по отношению к тем идеям, которые были сформулированы в диссертации, неслучайно автор другого отзыва отмечает, что «провозглашение Василия Ивановича Семевского магистром Русской истории было приветствовано публикой дружными рукоплесканиями, которые возобновлялись несколько раз и прекратились только с выходом г. Семевского из зала заседаний»²⁷.

О восприятии защиты диссертации Семевским как общественно-политическом, а не столько научном событии свидетельствует и стихотворение «17-го Февраля 1882 г. в день защиты В.И. Семевским в Москве магистерской диссертации»:

Вот он, вот – среди поляны!
Светел лик, в глазах огонь!
Вынес витязя из тайги
Добрый конь, горячий конь!

²⁴ Z. (Веселовский А.Н.) Диспут г. В.И. Семевского... С. 443.

²⁵ Там же. С. 443.

²⁶ Там же. С. 446.

²⁷ Диспут В.И. Семевского в Московском университете // Русская старина. 1882. Т. XXXIV. Май. С. 579–584.

Там – лесная нечисть злится,
Там, – задетая конем,
Злобно крупная ехидна
Зашипела под кустом:

«Улетел! Ведь, на опушке
Конь-то ждал его с весны...»
Вот, и всадником явился –
Мы же все посрамлены!»

Ну-да ладно! Дебрей много
На Руси у нас святой:
В них у вас еще не мало
Хватит нечисти лесной...

Правда, хватит, но и в тайгу
Солнца луч стал западать,
Да и витязей все больше
Стало нынче выезжать –

Неподкупных, непокорных,
С бескорыстной душой,
Добивающихся правды
И научной, и живой!

Кто же всадник?.. Вот он с нами!
Конь? – Наука, честный труд,
А поляна? – Храм, в который
Ради светоча идут.

Не сходи же ты с поляны,
Всадник, сердцу дорогой!
Верь в успех в борьбе давнишней
С нашей нечистью лесной!²⁸

Автором его является Владимир Романович Щиглев, поэт, драматург, близко знавший Семевского (оба испытали большое

²⁸ Щиглев В.Р. 7-го Февраля 1882 г. в день защиты В.И. Семевским в Москве магистерской диссертации // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 14.

влияние своего гимназического учителя В.И. Водовозова, являлись его близкими друзьями). В некрологе Щиглеву Семевский пишет: «Значительное количество его стихотворений, в которых он отзывался на современные явления то с резким порицанием, то глубоким сочувствием не могло появиться в печати по причинам от автора не зависящим»²⁹; и дает следующую ему характеристику: В.Р. Щиглев был «человек безукоризненно честный с вполне определенными убеждениями, не способный ни на какие сделки с совестью; до последней минуты он оставался верен идеалам молодости. В его многочисленных стихотворениях были иной раз недостатки относительно формы, но по внутреннему содержанию в них не было ни одного фальшивого звука»³⁰. Стихотворение «17-го Февраля 1882 г. . . .», в котором соотносятся биографические и условно-поэтические элементы, не обладающее большими художественными достоинствами, не предназначалось для печати и было рассчитано на круг единомышленников. Оно было опубликовано лишь в 1923 г. как яркий образец отношения тогдашнего студенчества к событиям, сопровождавшим защиту диссертации Семевским.

Об общественно-политическом характере процесса защиты магистерской диссертации свидетельствует и анализ некрологических текстов, посвященных В.И. Семевскому. Авторы некрологов обычно, прослеживая профессиональный и жизненный путь своего героя, обращают преимущественное внимание на наиболее ярко характеризующие его биографические события³¹.

В целом ряде газетных некрологов авторы в том или ином объеме вспоминают историю защиты. Так, в газете «День», помимо других некрологов Семевскому, помещен текст публициста Соломона Штрайха «В.И. Семевский и русская официальная наука»³², где кратко освещена история, предшествовавшая защите диссертации в Московском университете.

²⁹ Семевский В.И. В.Р. Щиглев. Некролог // Русские ведомости. 1903. 29 октября. С. 2.

³⁰ Там же. С. 2.

³¹ Лазарев Ю.В. Образ преподавателя словесности в некрологах конца XIX – начала XX века // Психолого-педагогический поиск. 2012. № 3 (23). С. 109–119.

³² Штрайх С. В.И. Семевский и русская официальная наука // День. 1916. 22 сентября. С. 3.

Статья «Историк-гражданин» С.П. Мельгунова³³, открывающая номер журнала «Голос минувшего», посвященного памяти В.И. Семевского, композиционно состоит из двух частей: «Великое сердце» и «Ученые мытарства». Вторая часть посвящена процессу защиты магистерской диссертации. Автор другой статьи А.Н. Веселовский также в центр публикации ставит события, связанные с защитой диссертации. Рисует облик молодого ученого, отдавшего лучшие свои силы выполнению научного и вместе с тем общественно-полезного замысла, Веселовский вспоминает горячую вступительную речь Семевского перед диспутом и «энтузиазм слушателей, несметной массы молодежи, словно откликнувшейся на обращенные к ней призывы посвящать свои силы народу»³⁴. Не обходят вниманием полемический тон его магистерской диссертации, ее общественную значимость, цитируя ее или речь на диспуте и другие авторы воспоминаний: И.А. Линниченко³⁵, А.В. Флоровский³⁶.

Диссертационная история «ученого-гражданина» В.И. Семевского, имевшая большой общественный интерес, является ярким примером истинной исторической науки, неотделимой от жизни, сочетающей научную объективность с активным интересом к настоящему и будущему.

³³ Мельгунов С.И. Историк-гражданин // Голос минувшего. 1916. № 10 С. VII-XXXV.

³⁴ Веселовский А.Н. Из ранних воспоминаний // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XXXVII.

³⁵ Линниченко И.А. Ук. соч. С. XXXVIII-LIII.

³⁶ Флоровский А.В. Научные труды В.И. Семевского // Голос минувшего. 1916. № 10. С. LXVI-LXXIII.

БИОГРАФИКА

УДК 94(47)+092

«БОГОРОДИЦА С РЕВОЛЬВЕРОМ» И СВОЕЙ ВЕРОЙ (ЖИЗНЕННЫЕ ВЕРШИНЫ ВЕРЫ ФИГНЕР)

А.В. Воронихин¹

Свободный исследователь
e-mail: Voronikhin@mail.ru

Свои жизненные вершины Вера Фигнер брала одну за другой: первой ученицей окончила институт благородных девиц, в 18 лет вышла замуж по любви за перспективного потомственного дворянина, уехала с ним в Швейцарию, где оба поступили в Цюрихский университет. Резко поменяв жизненные приоритеты, стала профессиональным революционером и участвовала в «хождении в народ», в подготовках трех покушений на императора Александра II, отбыла 20-летнее одиночное заключение в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, по выходе из которой организовала Парижский комитет помощи политзаключенным Российской империи, а затем отстаивала их права в Советской России и стала литературным хранителем памяти революционеров-народовольцев.

Ключевые слова: «Земля и воля», «Народная воля», процесс «14-ти», Шлиссельбургская тюрьма, Парижский Комитет помощи политкаторжанам.

«THE VIRGIN WITH A REVOLVER» AND HER FAITH (THE LIFE PEAKS OF VERA FIGNER)

A.V. Voronikhin

(Saratov, Russia)
e-mail: Voronikhin@mail.ru

Vera Figner took her life peaks one after another: she graduated from the Institute of noble maidens as the first student, at the age of 18 she married a promising hereditary nobleman for love, went with him to Switzerland, where both entered the University of Zurich. Having abruptly changed her life priorities, she became a professional revolutionary and participated in «going to the people», in the preparations for three attempts on Emperor Alexander II, served 20 years of solitary confinement in the Shlisselburg convict prison, upon leaving which she organized the Paris Committee for Assistance to Political Prisoners of the Russian Empire, and then defended their rights in Soviet Russia and became a literary guardian of the memory of the revolutionaries-narodovolts.

Keywords: «Earth and Will», «Narodnaya Volya», the process of «14», Shlisselburg prison, Paris Committee for Assistance to Political Prisoners.

¹ Воронихин Андрей Владимирович (Саратов) к.и.н., доцент, свободный исследователь.

В 2018 г. в серии «Старая школа» издательства «Common place» вышло переиздание монографии Николая Алексеевича Троицкого о Софье Перовской². Я обратился в издательство с предложением рассмотреть рукопись книги о Вере Фигнер, которое было встречено благожелательно. Научная биография Веры Николаевны Фигнер вышла в 2020 году и была встречена научным сообществом позитивно³.

В частности, рецензент журнала «Историческая экспертиза» Александр Журавель отметил, что автор «в самом начале книги ясно показывает – кем и чем являются для него Н.А. Троицкий и В.Н. Фигнер, это для него *сокровенное*, так что не написать эту книгу он не мог. Моральный долг перед ушедшими, но *дорогими* для автора людьми заставил его вернуться к главной теме его жизни»⁴.

Основой рукописи стали материалы кандидатской диссертации, подготовленной под научным руководством профессора Н.А. Троицкого и защищенной, когда мне было 32 года. Текст диссертации завершался очерком об «исповедании своей революционной веры» на следствии и суде Верой Фигнер в 1884 г., когда ей было 32 года. Теперь же в свои 58 лет в книгу я дописал еще 58 лет жизни легендарной революционерки в послешлиссельбургский период. Такие цифровые сближения давали возможность осмыслить тему, используя свой исследовательский и жизненный опыт.

В период согласований и правки рукописи с редактором издательства «Common place», одним из рассматриваемых названий книги было заглавие этой статьи: «Богородица» с револьвером и своей верой». Подтолкнуло к такому оксюмору размышление Василия Васильевича Розанова.

«...Вера Фигнер была явно революционной "богородицей", как и Екатерина Брешковская или Софья Перовская <...> "Иоанниты",

² Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018.

³ Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М., 2020. Рец. см.: Кан Г. Вера Фигнер: известная и неизвестная // Российская история. 2021. № 2. С. 214-220.

⁴ Рец.: Журавель А.В. Вера Фигнер возвращается? // Историческая экспертиза. 2020. № 4. С. 325–326.

всё "иоанниты" около "батюшки Иоанна Кронштадтского", которым на этот раз был Желябов»⁵.

Эта парадоксальная фраза религиозного философа, на мой взгляд, нуждается в осмыслении, так как ни это провокационное название, ни мои размышления на тему «о святости и греховности» в нравственном облике революционерки в окончательную редакцию книги не вошли. Поэтому я суммировал свои наблюдения в этой работе.

Ее я предваряю двумя сценами из жизни Российской империи 1881 года.

8 или 9 марта состоялось такое объяснение: «Верочка, можно у тебя ночевать?», – спросила Перовская за день или два до ее ареста⁶. Вера Фигнер смотрела на нее с удивлением и упреком: «Как это ты спрашиваешь? Разве можно об этом спрашивать?!» – «Я спрашиваю, – сказала Перовская, – потому что, если в дом придут с обыском и найдут меня, тебя повесят». Обняв ее и указывая на револьвер, который лежал у изголовья постели, Вера Фигнер сказала: «С тобой или без тебя, если придут, я буду стрелять»⁷. Этот диалог происходил на конспиративной квартире в Санкт-Петербурге.

А в Гатчинском дворце Александр III в декабре этого трагического для Дома Романовых года, на Рождество Христово получил от своей супруги Марии Федоровны подарок – американский револьвер Smith & Wesson.³⁸, который был куплен за 35 руб., к нему прилагались 100 патронов (7 руб. 50 коп.) и кобура (5 руб.)⁸.

Ни первому, ни второму обладателю личного оружия самому стрелять из него не пришлось. Их противостояние происходило на расстоянии и окончилось задержанием Веры Фигнер 10 февраля 1883 г. в Харькове. Оружия при ней не было, в портмоне – 85 коп. и «три иностранные мелкие монеты»⁹. Император Александр III отреагировал на известие об аресте революционерки фразой: «Слава Богу! Эта ужасная женщина арестована».

⁵ Розанов В. Между Азефом и «Вехами» // Вехи: pro et contra. Антология. СПб., 1998. С. 309.

⁶ С.Л. Перовская была арестована утром 10 марта 1881 г.

⁷ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. М., 1964. С. 279.

⁸ Погодина И. Рождество в царской России. - URL: <https://www.livemaster.ru/topic/2703227-rozhdestvo-v-tsarskoj-rossii>. (Дата обращения: 21.10.2021).

⁹ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 5574. Л. 3 об.

Здесь необходимо одно отступление...

По некоторым сведениям, в кабинете Александра II хранилось оружие, которое первый русский террорист-одиночка Д.В. Каракозов выбрал для покушения на императора – подержанный двуствольный капсюльный дульнозарядный пистолет типа «Хаудах»¹⁰. 4 (16) апреля 1866 г. Каракозов у решетки Летнего сада в Санкт-Петербурге успел выстрелить только из одного ствола мимо цели.

«Доселе русских государей ещё ни разу не убивали на площади, при всём честном народе. С ними управлялись келейно – душили шарфом в собственной спальне, пристукивали табакеркой, приканчивали в разгаре дружеского застолья. Каракозов нарушил традицию: он посягал явно. Он создавал прецедент... – считает доктор филологических наук И.Л. Волгин. – Отныне русская историческая власть лишалась ореола неприкосновенности. Отныне её нужно было охранять»¹¹.

Через год другой поданный Российской империи поляк А.И. Березовский 23 мая (4 июня) 1867 г. в Париже при выстреле душетом в Александра II из аналогичного оружия сам получил ранение – от дефекта самодельной пули один из стволов взорвался в руке террориста. Другая пуля попала в голову лошади офицера свиты Наполеона III Фирмена Рембо.

5 февраля 1878 г. революционерка-народница В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова из английского револьвера «Бульдог» (Bulldog) – компактного оружия ближнего боя. Во время аудиенции она выстрелила в упор и тяжело, но не смертельно ранила генерал-адъютанта, который прожил с не извлеченной пулей до 1889 г.

Примечательно, что из такого же оружия в 1881 г. Ш. Гито смертельно ранил 20-го президента США Д.А. Гарфилда. Только американец приобрел револьвер с рукоятью из слоновой кости (а не с деревянной, как у Засулич), просчитав, что такое оружие будет лучше смотреться в музейном собрании.

В Светлый понедельник 2 (14) апреля 1879 г. революционер-земледелец А.К. Соловьев стрелял в Александра II из револьвера

¹⁰ См.: *Пырин П.Г.* Россия 60-80-е годы XIX века. Оружие террора. Часть I. [Электронный ресурс] // Покушения на Александра II: от револьвера до динамита. - URL: <https://www.cibum.ru/book/show/86499075> (Дата обращения: 06.11.2021).

¹¹ *Волгин И.Л.* Последний год Достоевского. М., 1991. С. 17.

Webley RIC № 1 с редким калибром 12,7 мм. Пять пуль, выпущенные террористом вреда императору не причинили. «На послезавтра (то есть 4 апреля) приходилась <...> тринадцатая годовщина каракозовского покушения»¹².

После третьего неудачного покушения революционеров на Александра II огнестрельное оружие вытеснили самодельные взрывные устройства. В подготовке трех последующих попыток взорвать самодержца Всероссийского принимала участие дворянка Вера Фигнер.

В 1869 г. она окончила «с большим шифром» Казанский Родионовский институт благородных девиц. При выпуске ее курса «случайно присутствовал Его Императорское Высочество Принц Ольденбургский», который подарил Вере, «как первой воспитаннице свою фотографическую карточку»¹³. Событие? Знаменательное событие! Первая вершина в начале жизни была взята.

В своих воспоминаниях Вера Николаевна, не упомянув о встрече с представителем царствующего дома Романовых, записала: «Мой ум по выходе из института был совершенно свободен от каких бы то ни было общественных и политических идей. Он был девственной почвой, но такой, на которой могло возрасти уважение к науке, знанию и стремление к общественности и общественной деятельности»¹⁴.

Начальница Родионовского института Софья Ланская (а не Сусанна Александровна Мертваго, возглавлявшая институт в 1861-1881 гг., как ошибочно сообщил своим читателям Г.С. Кан¹⁵) дала характеристику первой ученицы 1869 г.: «...Она выделялась из всех своих совоспитанниц умом, сравнительным развитием, жаждою к учению, настойчивым и резким характером, но при этом отличалась замечательною добротой. По всему этому она пользовалась значительным влиянием на своих подруг и их большою любовью, особенно же пользовалась сильным влиянием на свою младшую сестру Лидию, не отличавшуюся вообще таким умом, характером и вообще способностями, как старшая сестра...»¹⁶.

Перед 17-летней девушкой, неудовлетворенной бесцельной деревенской жизнью, со всей остротой встал вопрос о выборе

¹² Волгин И.Л. Указ. соч. С. 16.

¹³ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 5547. Л. 94-95.

¹⁴ Фигнер В.Н. Запечатленный труд... Т. 1. С. 95, 96.

¹⁵ Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1996. С. 115-116.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 5547. Л. 94-95.

занятия¹⁷. Ответ на него она нашла в журнале «Дело», в одном из номеров которого сообщалось о присвоении Ученым советом Цюрихского университета в декабре 1867 г. степени доктора медицины, хирургии и акушерства русской женщине – Надежде Прокофьевне Сусловой. Пример Сусловой окрылил Веру Фигнер¹⁸. Отныне все ее помыслы были направлены на реализацию возможности учиться в университете России или за границей. Даже бракосочетание с выпускником юридического факультета Казанского университета, кандидатом права Алексеем Филипповым не охладило этой страсти.

В «Запечатленном труде» В.Н. Фигнер так отметила время этого знаменательного события в жизни: «...мы встречались часто, разговаривали обо всем, и, к нашему удовольствию, всегда сходились во взглядах, вместе читали книги. Первый год нашего знакомства еще не кончился, когда 18 октября 1870 года мы обвенчались в сельской церкви села Никифорово»¹⁹.

А вот в метрической книге Казанско-Богородицкой церкви села Никифорово Тетюшского уезда Казанской епархии зафиксирована другая дата: «за тысяча восемь сот семидесятый год во 2-й части о бракосочетавшихся под № 12 написано; сентября шестнадцатого дня»²⁰. Видимо, для Веры Фигнер, обладавшей замечательной памятью, день венчания не стал датой, заслуживающий запоминания на всю жизнь²¹. Для любой другой ее ровесницы удачный

¹⁷ По свидетельству С. Елпатьевского Вера «любила музыку и через год после окончания института, собиралась поступать в консерваторию». См.: *Елпатьевский С.* Вера Николаевна Фигнер. (Попытка биографии) // Галерея шлиссельбургских узников. Ч. 1. СПб., 1907.

¹⁸ Пример Н.П. Сусловой увлек и будущих активных деятелей народничества сестер Субботиных. См.: *Никитина Т.Е.* Женщины в русском революционном движении 60–70-х гг. XIX в. // Дисс... канд. ист. наук. Ростов-н/Д, 1971. С. 267. Существенное влияние Н.П. Сусллова оказала и на выдающегося ученого-математика С.В. Ковалевскую. См.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России 50–60-е годы XIX в. Л., 1984. С. 155.

¹⁹ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд... Т. 1. С. 10.

²⁰ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 5547. Л. 100.

²¹ Остановился я на этом сюжете для того, чтобы оспорить версию, попавшую на страницы справочника по персоналиям революционеров-народников: Вера Фигнер «в 1870 г. фиктивно вышла замуж за судебного следователя А.В. Филиппова...» (См.: Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. / Ответ. сост. Л.М. Ляшенко. М., 2009. С. 581). Сама В.Н. Фигнер о своем браке, как о «фиктивном», никогда не писала. А Алексей Викторович

брак стал бы тоже достижением, но не для Веры.

В 1883 г. Алексей Филиппов такими словами обрисовал причину его расставания с первой женой: «после двух лет жизни с нею, жизни, которая показала мне, что эта женщина не может довольствоваться скромной ролью жены и хозяйки, – я согласился на ее неперемное желание учиться медицине и, не будучи в силах оторваться от нее, я поехал с ней за границу в мае 1872 г. В Цюрихском университете она занималась добросовестно...». Но «я оказался для нее неподходящим человеком» и «выполнил желание Веры Николаевны забыть ее»²².

За год пребывания в Цюрихе в мыслях Веры Фигнер произошел такой же переворот, как и у большинства других русских студентов: «то, что было прежде целью, мало-помалу превратилось в средство; деятельность медика <...> как таковая потеряла смысл <...>; мы предполагали лечить симптомы болезни, а не устранять ее причины...»²³, – такое прозрение отмечено в ее «Запечатленном труде».

Теоретические нравственные искания привели юную Веру Фигнер в народническое движение. По призыву арестованных товарищей в декабре 1875 г. Фигнер вернулась из Швейцарии в Россию, не завершив обучение в университете. Отныне свои жизненные вершины она будет отмечать не просто как женщина-дворянка, а как профессиональный революционер.

А дальше пунктиром приведу ряд свидетельств о «святости и греховности» революционерки-народницы в глазах современников, которые перекликаются с размышлением В.В. Розанова.

В новосаратовском поселении землевольцев-сепаратистов Вера Фигнер смогла устроиться на должность фельдшерицы и повивальной бабки с 1 июня 1878 г. на 2-м участке Петровского земства Саратовской губернии (в селе Вязьмино). Объем работы был колоссальный. В первый месяц она приняла 800 человек больных, а в течение 10 месяцев – 5 тысяч, «столько же, сколько земский врач в течение года в городе, при больнице, с помощью нескольких фельдшеров...»²⁴. «Не стесняемая надзором доктора, – вспоминала

Филиппов пронес дружеские чувства к своей первой супруге через всю жизнь.

²² РГВИА. Ф. 1351. Д. 5574. Лл. 87 об. – 88.

²³ Фигнер В.Н. Запечатленный труд... Т. 1. С. 122.

²⁴ У заведующего Петровской земской больницей В.А. Попова в штате было 2 фельдшера и одна акушерка. См: ГАСО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 95. Л. 41.

В. Фигнер, — которого все время в моем участке не было, и получая непосредственно из управы от председателя столько медикаментов, сколько мне было надобно, я, быть может, помогала потому, что давала лекарства в надлежащем количестве...»²⁵. Земские больницы и фельдшерские пункты отпускали лекарства бесплатно. И далее: «Этот громадный труд, конечно, был бы мне не по силам, если бы сестра Евгения не разделяла его со мной». Общий итог своей работы Вера Николаевна подводит не без удовлетворения и гордости: «Бедный народ стекался ко мне, как к чудотворной иконе, целыми десятками и сотнями; около фельдшерского домика стоял с утра до самого вечера целый обоз; скоро моя слава перешла за пределы трех волостей, которыми я заведовала, а потом и за пределы уезда...»²⁶.

Откликнувшись на сетования крестьян, что в их волостях нет ни одной школы, сестры Фигнер занялись бесплатным обучением 25 детей. В этом деле главную роль играла Евгения Николаевна, получившая лестное прозвание у местных жителей: «наша золотая учительша»²⁷.

Прокурор, ведший следствие среди крестьян в Вольском уезде Саратовской губернии, делился своими впечатлениями с Михаилом Родионовичем Поповым, не зная, что он сам из тех же нигилистов: «С кем из крестьян мне ни приходилось говорить и мужики, и бабы самого лучшего мнения о них. Особенно восторженные отзывы я слышал об одной фершалке, как они называют. Эта фершалка, по их словам, какая-то богородица. Уверяю вас, — говорил негодуяюще прокурор, — один из ямщиков так-таки и сказал мне: «Что уж и говорить, барин, — наша фершалка на редкость. Уж истинно кого господь захочет благословить на добрые дела. Придешь это к ней: ночь ли, дождь, и какая там ни будь погода — ни тебе слова! Села себе и поехала, а то и пеши пошла. Просто сказать вам, барин, истинно святая душа!» — «Да знаешь ли ты, — говорю я ему, — что это за люди? Ведь это враги царя, враги закона». А он себе, ровно это для него такие пустяки, о которых и говорить не стоит, отвечает: «Насчет этого ничего вам, барин, не могу сказать. А что она вот какой человек, как я вам докладывал, это истинно так, как перед Богом говорю»²⁸.

²⁵ Фигнер В.Н. Запечатленный труд... Т. 1. С. 162.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 163.

²⁸ Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 208–209.

Второй раз встречается слово «богородица» на этот раз в речи саратовского крестьянина. Ведь большое и полезное дело делали сестры Фигнер, но натолкнулись на активное противодействие местного предводителя дворянства, волостного писаря и полицейского исправника, который закрыл школу. И Вера Фигнер вынуждена была перейти на нелегальное положение, потому что «знала и не донесла» о замысле А.К. Соловьева на цареубийство.

Впоследствии В.Н. Фигнер кроме большой организаторской, пропагандистской работы в Исполкоме партии «Народная воля» будет активной участницей подготовительных работ в трех покушения на императора Александра II – в сентябре-декабре 1879 г. – в Одессе вместе с Н.И. Кибальчицем, М.Ф. Фроленко и Т.И. Лебедевой (не состоялось), в апреле 1880 г. в Одессе на Итальянской улице (покушение отменено ИК), в 1881 г. – в Петербурге, когда Александр II был смертельно ранен метательным снарядом народовольца И. Гриневицкого на набережной Екатерининского канала. На заседании ИК 3 марта 1881 г. В.Н. Фигнер единственная кто настаивал на сохранении подкопа на Малой Садовой улице с тем, чтобы взорвать карету нового царя Александра III. Именно Вера Фигнер руководила подготовкой покушения, в результате которого был убит 18 марта 1882 г. военный прокурор генерал-майор В.С. Стрельников в Одессе.

По совокупности совершенных преступлений Санкт-Петербургский военно-окружной суд 28 сентября 1884 г. вынес революционерке приговор: смертная казнь через повешенье. Для 27-летней Сони Перовской такой приговор по делу «первомартовцев», приведенный в исполнение 3 апреля 1881 г. на плацу гвардейского Семеновского полка Санкт-Петербурга стал дорогой в бессмертье. Эта вершина могла стать последней и на земном пути Веры Николаевны. Но Высочайшим повелением казнь была заменена на пожизненное заключение в государственной тюрьме Шлиссельбург, которую Александр III считал более суровым наказанием, чем смерть на эшафоте²⁹.

В Шлиссельбурге Вера Фигнер не просто выживала, а стала нравственным камертоном для заключенных мужчин. Задание на период, «когда часы жизни остановились», Вера Николаевна выполнила. Вот выдержка из рапорта помощника начальника штаба

²⁹ Заключение в Шлиссельбургской каторжной тюрьме Александр III считал «самым сильным и неприятным наказанием». См.: *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. М., 1930. С. 19.

Отдельного корпуса жандармов полковника Ф.Н. Каирова: «Арестантка № 11 составляет как бы культ для всей тюрьмы, арестанты относятся к ней с величайшим почтением и уважением, она, несомненно, руководит общественным мнением всей тюрьмы, и ее приказаниям все подчиняются почти беспрекословно; с большой уверенностью можно сказать, что проявляющиеся в тюрьме протесты арестантов в виде общих голодовок, отказывания от гуляний, работ и т.п. делаются по ее камертону»³⁰.

Петербургский писатель Виктор Смирнов, нечаянно забытый в казематах Шлиссельбурга в октябре 1990 г., на себе испытал всего-то лишь трехчасовой ужас узника одиночной камеры. На вопрос: почему одни погибли, покончили собой, сошли с ума, а другие, не самые здоровые в физическом отношении, выжили, он предложил свое объяснение. «Нужен был гений Достоевского, его личный опыт заключенного, чтобы разрешить эту тайну, — написал наш современник. — Князь Мышкин в "Идиоте" вроде бы невзначай оборонил в разговоре: "А я думаю, что и в тюрьме можно огромную жизнь найти". Это и есть ответ. Выжили те, кто научился жить в тюрьме, именно жить, а не пытаться выжить, те, кто в каменном мешке, среди голых стен, сумел создать для себя цели и интересы, кто трудился ежечасно, кто превратил свой мозг в лучшую научную лабораторию...»³¹

Когда в 1904 г. (29 сентября) Фигнер перевели из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость, то ей разрешили еще раз встретиться с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (А.В. Вадковским), который посещал шлиссельбуржцев в крепости-тюрьме. Незаурядная личность и непоколебимая вера революционерки в правильность избранного пути произвели сильное впечатление на одного из самых образованных иерархов Русской православной церкви. Вера Фигнер отказалась принять благословение от митрополита, который, однако, под впечатлением своеобразной исповеди неверующей узницы сказал: «Как знать! Быть может, те, кто верует, как вы, а не другие спасутся!»³².

Брат-монархист, не просто оперный певец, а – солист Его императорского Величества – Николай Фигнер 10 октября 1904 г. написал в письме жене Рене Радиной-Фигнер: «...я в час поехал с

³⁰ Цит. по: *Новорусский М.* Записки шлиссельбуржца 1887–1905. 2-е изд. М., 1933. С. 407.

³¹ *Смирнов В.* Приключение в Шлиссельбурге // Нева. 1990. № 7. С. 197.

³² *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд... Т. 2. С. 249.

братом и сестрами в Петропавловскую крепость. На квартире у смотрителя <...> я увидел впервые после 26 лет мою сестру! Не могу описать тебе того, что я перечувствовал. <...> Все время меня душили слезы <...> Свидание длилось три часа, и чем более я говорил с Верой, тем более она становилась предо мной под каким-то недосыгаемым ореолом – чуть не святой женщиной! Сколько самой нежной ласки во взгляде и разговоре. Никакого озлобления. Свежий светлый ум и взгляд. <...> Одним словом я был прямо и очарован и поражен!»³³

Другой брат Веры Николаевны, тоже верноподданный и благонадежный – Петр Фигнер – в 1905 г. опасался оставлять в имении сестру-революционерку одну. Ведь она отбыла наказание за покушения на жизнь царя-батюшки, помазанника Божия. В его представлении политическое прошлое сестры могло вызвать к ней враждебное отношение крестьян. Но Ольга Фигнер-Флоровская «сделала разведки» и успокоила домашних. Местная крестьянка доверительно поведала ей, что «у нас думают, что теперь она святая, и больше она этого делать не будет». «Так в этих словах характерно сочеталось и понятие о святости страдания, и понятие о грехе»³⁴, – обобщила В.Н. Фигнер.

Но чтобы дальше со своей верой нести свой крест бывшей политкаторжанке нужно было найти свое место в России XX века.

Попытка заняться благотворительной деятельностью в родных местах Тетюшского уезда оставила незаживающую рану на сердце, о чем Фигнер поведала в очерке «С горстью золота среди нищих».

Не нашла применение своим силам Вера Николаевна и в партии социалистов-революционеров, в которую вступила, выехав в 1906 г. за границу. Она сообщила о своем выходе из партии Н.Д. Авксентьеву, который отреагировал такими словами: «Вы не должны примыкать ни к какой партии, потому что вы принадлежите всем»³⁵.

31 декабря 1909 г. в канун нового года на собрании друзей из 7-8 человек В.Н. Фигнер выступила инициатором создания комитета помощи политкаторжанам, который впоследствии назовут

³³ Фигнер Н.Н. Воспоминания. Письма. Материалы. Л., 1968. С. 142.

³⁴ См.: Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга // Полн. собр. соч. в 7 тт. Т. 3. М., 1932. С. 145.

³⁵ Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга... С. 309.

«Парижский», или им. В.Н. Фигнер. В первый вечер было собрано 300 франков. В организационное ядро Комитета вошли всего 5-ть человек: Давид Аитов – казначей, Вера Гоц, Мария Гольдсмит и Софья Шейнцис – «одна из самых энергичных деятельниц эмигрантской кассы в Париже». Вера Николаевна была избрана председателем. За три года (1910–1913 гг.) Комитет Веры Фигнер собрал 137 тыс. фр. за границей, и 10 185 руб. в России. Эти суммы позволили регулярно оказывать помощь 23 тюрьмам Российской империи³⁶.

Накануне Первой мировой войны имя Веры Фигнер стало широко известно не только в России, но и в Европе. Она смогла организовать действенную международную помощь российским политзаключенным без различия их политических взглядов.

После выхода биографии Веры Фигнер мне задали вопрос, на который, как оказалось, в книге ответа нет: почему из сотен борцов с самодержавием современники с особым почтением относились именно к Вере Фигнер? Только ли потому, что она достойно прожила 90 лет и оставила талантливо написанные мемуары?

Здесь видимо уместно применить понятия «масштаб личности», о котором Зигмунд Фрейд оставил крылатое выражение: «Масштаб вашей личности определяется величиной проблемы, которая способна вас вывести из себя». Дальше уже «каждый выбирает по себе // Женщину, религию, дорогу, // Дьяволу служить или пророку ...» (Юрий Левитанский).

Для корректного сравнения сошлюсь на биографию другого члена Исполкома «Народной воли» Анны Павловны Прибылевой-Корбы (урожденной Мейнгардт), которая тоже деятельно прожила 90 лет, обладала природной красотой и женским обаянием (ее полюбил “тихо, спокойно, но глубоко и навсегда” Александр Дмитриевич Михайлов). В жизни Анны Корбы была самоотверженная работа сестрой милосердия на театре русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Румынии; она была членом редакции газеты «Народная воля» и народовольческого военного центра, хозяйкой конспиративных квартир и народовольческой типографии, участницей покушений на Александра II и жандармского подполковника Г.П. Судейкина, процесса «17-ти» народовольцев; отбывала 20-летнюю Карийскую каторгу, сотрудничала с эсерами, была членом редакции журнала «Каторга и ссылка». Жизнеописание этой

³⁶ Фигнер Вера Николаевна // Энциклопедический словарь русского био-библиографического института Гранат. В 58 т. М., 1910-1958. Т. 40. С. 476.

незаурядной личности еще ждет своего исследователя или исторического романиста масштаба Ю.В. Давыдова.

Но ни она, ни другие видные члены «Народной воли», дожившие до преклонного возраста уже в Советской России, не обрели такого широкого международного признания. (Я имею в виду Анну Васильевну Якимову-Диковскую – хозяйку динамитной мастерской – «Баску», прожившую в борьбе 85 лет и оставившую 37 мемуарных публикаций; Прасковью Семеновну Ивановскую, ушедшую из жизни в 1935 г. в возрасте 82 года, за плечами которой были и работа в типографиях «Народной воли», и побег с поселения, и работа в БО ПСР по подготовке убийства В.К. Плеве, и подробные воспоминания, и даже отказ от персональной пенсии СНК СССР в 1926 г.).

Жизненный подвиг Веры Фигнер не только, и не столько в революционном самопожертвовании (на это были способны сотни деятелей революционного движения), а в том, что она единственная женщина в дореволюционной России пережила 20-летнее одиночное заключение в государственной тюрьме Шлиссельбург, а выйдя на свободу в 52 года, спасла тысячи политзаключенных, оказывая им помощь через созданный ею международный комитет, в который входили всего-то 5 человек. Делала она это как внепартийная правозащитница, не с револьвером, а с верой в необходимость такой деятельности и осознанием того, что кроме нее это никто не сделает³⁷. В советский период именно Вера Фигнер была верной и самой авторитетной хранительницей памяти о своих товарищах-народовольцах, и по мере возможности и сил выступала в защиту «политических» независимо от их партийной принадлежности, за что и получила пожизненное признание осужденных, но не сломленных.

Вера Николаевна Фигнер не раз «заглядывала смерти в глаза»: в 32 года, когда военно-кружным судом была приговорена к смертной казни через повешенье, в 50 лет, когда сорвала погоны со смотрителя Шлиссельбургской каторжной тюрьмы (за что полагался расстрел). А умерла легендарная революционерка на 90-м году от роду, в своей квартире в Москве, на Арбате, напротив театра Е.Б. Вахтангова. Случилось это в воскресенье 14 июня 1942 г. в 16 ч. 15 мин., а не 15 июня, как было принято считать ранее³⁸. Незадолго

³⁷ См. подробнее: *Воронихин А.В.* Вера Николаевна Фигнер. Гл. III.

³⁸ В справочной литературе дается неверная дата смерти В.Н. Фигнер – 15 июня 1942 г., взятая из официально некролога в газете «Правда» от 16 июня

до смерти на телефонное предложение заместителя председателя ГКО, наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова эвакуироваться из столицы В.Н. Фигнер спокойно ответила: «Пусть заботятся о живых»³⁹.

Ее скромный надгробный памятник на Новодевичьем кладбище в виде вазы с фотопортретом 1883 г. содержит только годы жизни: «Вера Николаевна Фигнер. 1852–1942».

1942 г. Точное время и дату смерти Веры Николаевны занесла в свой дневник Н.П. Куприянова – двоюродная сестра и единственный свидетель кончины. См.: Жукова Е.Д. На полках старинного шкафа: Семейная хроника. М., 1990. С. 367.

³⁹ См.: Фигнер В.Н. В борьбе. Л., 1980. С. 215.

А.А. ЧЕРДАНЦЕВ – ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ, КРАЕВЕД,
ФАРМАЦЕВТ, БИБЛИОГРАФ И МУЗЕЙЩИК

В.Н. Макарова¹

Национальный музей
Республики Башкортостан
e-mail: vnmac@mail.ru

Статья о жизни и деятельности естествоиспытателя краеведа, фармацевта, библиографа и музейщика А.А. Черданцева, отражающих эпоху, в которую ему довелось работать. Его деятельность распространилась значительно шире, чем руководство учреждением культуры, а была подвижнической работой с целью сохранения культурного достояния в непростые годы Революции и Гражданской войны. Одной из главных задач своей работы он видел систематизацию полученных знаний в различных областях и практическое их использование. Имея разносторонние интересы, ему удалось оставить свой след в фармакологии и краеведении Урала. Вклад А.А. Черданцева в распространение и систематизацию научных знаний, развитие библиографического и музейного дела неоценим.

Ключевые слова: краеведение, библиография, музейное дело, библиографические указатели, выставочное дело.

A.A. CHERDANTSEV - NATURAL SCIENTIST,
LOCAL HISTORIST, PHARMACIST, BIBLIOGRAPHER AND
MUSEUM WORKER

V.N. Makarova

(Ufa, Russia)
e-mail: vnmac@mail.ru

An article about the life and work of the naturalist, local historian, pharmacist, bibliographer and museum worker A.A. Cherdantsev, reflecting the era in which he happened to work. His activities spread much wider than the leadership of the cultural institution. He saw the main goal in his work was the preservation of cultural heritage in the difficult years of the Revolution and the Civil War. He saw the systematization of the acquired knowledge in various fields and their practical use as the main task of his activity. Having diverse interests, he managed to leave his mark in the pharmacology of his native land and local history in the Urals. Contribution of A.A. Cherdantsev in the spreading and systematization of scientific knowledge, the development of bibliographic and museum work is invaluable.

¹ Макарова Вера Николаевна (Уфа), к.и.н., заведующий отделом истории края Национального музея Республики Башкортостан.

Key words: local history, bibliography, museum work, bibliographic indexes, exhibition business.

К 150 – летнему юбилею естествоиспытателя и краеведа Александра Алексеевича Черданцева в Национальном музее Республики Башкортостан открылась выставка. Основная задача её познакомить с коллекцией материалов об одном из директоров музея, деятельность которого распространялась гораздо шире управления учреждением культуры и была подвижнической работой с целью сохранения культурного достояния в непростые годы Революции и Гражданской войны. Вниманию посетителей представлены уникальные экспонаты: рукописи библиографических указателей литературы по различным темам, указатель книг библиотеки Уфимского губернского музея². Воспоминания А.А. Черданцева «Сорок лет в аптеке» (1927 г.) долгие годы хранятся в документальном фонде Национального музея Республики Башкортостан³. Внимание специалистов привлекает и рукописный каталог «Алфавитный указатель фарфорово-фаянсовых фабрик на изделиях в России и бывших царства Польского и Финляндии», переданный на выставку Башкирским Государственным Художественным музеем вместе с портретом А.А. Черданцева, выполненным карандашом и пастелью художником Ю.Ю. Блюменталем⁴.

Выставку сопровождает электронный контент, система QR-кодов для подробного изучения рукописных материалов и фильм «Подвижники книги», подготовленный по замыслу библиографа библиотеки Башкирского государственного педагогического университета П.И. Федорова⁵. Естествоиспытатель, краевед, фармацевт, библиограф и музейщик – А.А. Черданцев в полном объеме реализовал свои таланты. Лишь малую долю его трудов можно было представить на выставке.

Александр Алексеевич Черданцев родился в 1871 г. на уральском прииске Лисвяный Пермской губернии (ныне Невьянского района Свердловской области) в семье служащего. Его отец Алексей Иванович Черданцев занимался топографической съемкой

² Научный архив ИИЯЛ УФНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 74.

³ Национальный музей Республики Башкортостан (НМ РБ). Документальный фонд.

⁴ Башкирский Государственный Художественный музей (БГХМ). ОФ 22851. Л. 1-5.

⁵ Федоров П.И. Гости из прошлого: [о А.А. Черданцеве] // Уфимские ведомости. 2008. № 50. С. 19.

уральских казенных заводов. В 1863 г. он оставил казенную службу и стал управляющим одного из Верхнее-Невьянских золотых приисков: сначала Ягодным, а позднее Лисвяным. На приисках родились его дети: Анна, Николай, Семен и Александр.

А.А. Черданцев получил образование в Екатеринбургской мужской гимназии, в Казанском университете (1893 г.) на фармацевтическом отделении Московского университета (1899). Получив звание провизора, вернулся в Екатеринбург, женился на школьной учительнице Анне Карловне Лемарсье и стал работать управляющим аптекой городской больницы. С 1900 г. – член Уральского общества любителей естествознания. Заведовал отделом нумизматики Общества, а затем стал его секретарем. В 1911 г. вышел составленный им «Каталог сочинений по нумизматике библиотеки Уральского общества любителей естествознания по 1898 год» и почти одновременно «Каталог монет П.И. Тарасова в музее Уральского Общества любителей естествознания».

А.А. Черданцев активно участвовал в экспедициях по Северному Уралу, вдвоем с проводником, верхом на лошади или пешком, преодолевал сотни километров, собирая материалы об этом суровом крае, подготовил цикл лекций для музея «Уральского Общества любителей естествознания» и «Экскурсии по Уралу» (1904–1906). Собранный им обширный гербарий систематизировал высокогорную растительность Урала.

В 1915 г. Черданцев переехал в Уфу, куда его пригласили на должность управляющего аптекой Комитета Императорского человеколюбивого общества. Еще до отъезда из Екатеринбурга был избран пожизненным членом Уральского общества любителей естествознания, с которыми в последующие годы много сотрудничал. Результатом стали солидные работы «Как началось монетное дело в Екатеринбурге», «Уральские рудные и угольные печатки», «Из истории Екатеринбургской журналистики» и другие⁶.

В Уфе Черданцев принял активное участие в возрождении Губернского музея. В конце марта 1917 г., в пору общественного и революционного подъема, при музее образовался кружок из

⁶ ГАПК. Ф. Р-953. Оп. 1. (Черданцевы: Николай Алексеевич (лит. псевд. Чердынцев-Топазов) (1863-1940) - лектор Уфимского политехникума, литератор; его брат, Александр Алексеевич (1871-1943) - научный сотрудник Книжной палаты Башкирской АССР, краевед; его брат, Иван Алексеевич (1882 - не ранее 1938 г.) - заведующий кафедрой электротехники металлургического факультета Московской горной академии),

тридцати энтузиастов, изучавших естествознание, археологию. Было выбрано новое правление Комитета музея, начавшее перестройку, в ходе которой пересмотрели и пополнили свежими находками археологический отдел. В сравнительно удовлетворительном состоянии находился нумизматический и ботанический отделы. К систематизации последнего, включавшего в себя драгоценный гербарий, переданный музею известным исследователем Башкирского края М.В. Лосиевским, был привлечен пленный немецкий профессор И.И. Подпере. В музее возобновили научную деятельность, стали заслушивать сообщения и научные выступления, привлекли к работе молодежь.

31 декабря 1917 г. на заседании общего собрания членов Комитета музея А.А. Черданцев был единогласно избран его председателем. В период Гражданской войны, ему удалось не только уберечь музей от разграбления, но и пополнить новыми коллекциями, предоставить рабочие места эвакуированным. Черданцев был членом Временного комитета Уфимской городской думы (июнь 1918 г.), избирался в Институт уполномоченных представителей Учредительного собрания (июль–август 1918 г.), Уфимскую директорию (сентябрь–ноябрь 1918 г.). Об активности работы Комитета музея свидетельствует, например, такой факт: с января по июль 1918 г. он собирался 16 раз, на заседаниях заслушивались научные доклады по изучению Башкирского края. Музей в это трудное время даже пополнил число своих активистов: в качестве коллективных членов приняли Уфимское общество врачей-испытателей и Кружок юных любителей естествознания.

Осенью 1919 г. А.А. Черданцев передал управление музеем З.Ш. Шакирову, так как был назначен заведовать фармацевтической частью губернского санитарного отдела. Для руководства всеми аптеками был создан специальный фармацевтический подотдел (Губфармпод). Летом 1920 г. было организовано несколько экспедиций по сбору лекарственных трав, которые дали Черданцеву материал для брошюры «Лекарственные растения Уфимской губернии». А.А. Черданцев стал первым заведующим лаборатории тинктур (спиртовых и эфирных настоек) и мазей на основе лекарственных веществ, впоследствии ставшей основой для создания Уфимского фармацевтического завода.

В 1922-1925 гг. А.А. Черданцев заведовал Уфимским художественным Пролетарским музеем имени Октябрьской революции. Уже к лету 1920 г. собрание музея составило около 1 500

экспонатов, а его библиотека насчитывала свыше 2 500 томов. Именно в эти годы А.А. Черданцев написал исторический очерк «Музеи Башкирии» для адресно-справочной книги «Вся Башкирия», вышедшей в Уфе в 1925 г.⁷ В том же году он возвратился к работе в аптеке, которую окончательно оставил лишь в 1931 г., проработав, таким образом, на поприще фармацевтики почти сорок лет.

Особое место в жизни А.А. Черданцева занимало его сотрудничество с Центральной научной библиотекой, образованной в середине 1922 г. по решению Башполитпросвета о слиянии двух центральных уфимских библиотек: городской – имени С.Т. Аксакова и башкирской – имени Г. Тукая. В 1928 г. при Центральной научной библиотеке была создана Книжная палата, которая с 1933 г. стала самостоятельным учреждением.

А.А. Черданцев входил в состав библиотечного совета ЦНБ и заведовал в ней Кабинетом Местного Края. Уже в 1929 г. Кабинет Местного Края начал составлять текущую библиографию по краю. Материал собирался из всех поступавших в научную библиотеку книг, журналов и газет (кроме тюркской краеведческой литературы). Выявлялись все крупные или интересные статьи и заметки, рецензии на местный краеведческий материал. Для удобства составления и выдачи справок материал располагался не по «Десятичной классификации», известной в те годы только узкому кругу лиц и поэтому в своем развернутом виде неудобной для обработки большого количества библиографических записей, а по предметным рубрикам, расположенным в алфавитном порядке. Этим достигались определенная легкость обращения со списками и соответствие с каталогами Кабинета Местного Края, также построенными по предметному принципу.

Текущая библиография по краю, составленная А.А. Черданцевым, ежеквартально печаталась в журнале «Хозяйство Башкирии», с 1928 г. издаваемым Госпланом республики. В 1929 г. вышли выпуски I и II «Краевой библиографии» (за январь-сентябрь 1929 г.), в начале 1930 г. – выпуск III (за октябрь-декабрь 1929 г.). Литература о Башкирии за 1930 г., насчитывавшая 710 названий книг и статей, была составлена, но оставалась в Кабинете Местного Края в виде карточек, поэтому выпуск IV в свет не вышел. Выпуски V (за январь-март 1931 г.) и VI (за апрель-июнь 1931 г.) были

⁷ Черданцев А.А. Уфимские музеи // Вся Башкирия. Уфа, 1925. С. 202-207.

опубликованы уже под грифом Центральной Книжной палаты Башкирской АССР. Приступая к публикации краевой библиографии, А.А. Черданцев писал в предисловии к ее первому выпуску, вышедшему в 1929 г. еще под грифом Кабинета Местного Края ЦНБ: «...Говорить о значении краевой библиографии не приходится: всякая научно-исследовательская работа краеведческого характера начинается с просматривания ранее вышедших материалов, причем ввиду обычной скудности краеведческой печати каждая на первый взгляд незначительная заметка бывает крайне необходимой. Пусть неполнота и все ошибки, которыми не может не сопровождаться начинаемая Центральной научной библиотекой работа, лишний раз привлекут внимание краеведов и местных специалистов к библиотеке и каждый из них окажет колоссальную помощь в том завоевании общественного мнения, которое ведет в настоящий момент Научная библиотека Башкирии».

В январе 1932 г. А.А. Черданцева пригласили работать научным сотрудником в только что ставшую самостоятельным учреждением Книжную палату Башкирской АССР, в которой он проработал до 1942 г. Им была составлена справочно-краеведческая картотека по материалам Книжной палаты, Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в Москве, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Он же составил текущую библиографию по краю по разделам: «Экономика, промышленность, история музея, административное право и самоуправление, музеи и библиотеки». Остались неопубликованными «Библиография периодической печати Уфимской губернии до 1917 г.» и дело всей его жизни – капитальный «Уральский библиографический словарь». В 1942 г. Черданцев оказывал научные консультации эвакуированному ученому Украинской Академии наук. 16 июля 1943 г. А.А. Черданцев умер от сердечной болезни⁸.

Государственная Книжная палата Республики Башкортостан опубликовала в 2003 г. ретроспективный библиографический указатель литературы «Башкортостан в печати до 1917 г.». В этот сводный каталог краеведческой литературы, составленный большим коллективом авторов, вошли и материалы, собранные Черданцевым еще в 30-е гг. XX в. «Педагогический журнал Башкортостана»

⁸ Чушкина С.Е. Исследование культуры Башкортостана XIX - начала XX века: [о А.А. Черданцеве] // Человек. Общество. Культура. Социализация. Уфа, 2008. С. 108-111.

предлагает вниманию читателей часть «Библиографии периодической печати Уфимской губернии до 1917 г.», а именно ее раздел «Народное образование»⁹.

Вклад А.А. Черданцева в распространение и систематизацию научных знаний, развитие библиографического музейного дела неоценим. Исследуя его, мы еще раз говорим о необходимости популяризировать, помнить и сохранять традиции важнейшей деятельности по упорядочиванию и систематизации информации по истории края и региона.

⁹ Черданцев А.А. Библиография периодической печати Уфимской губернии до 1917 года. // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 6. С. 111-129.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(47)+929Троицкий

ВСПОМИНАЯ О НИКОЛАЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ ТРОИЦКОМ...

А.А. Чернобаев¹

ИРИ РАН

e-mail: aa-istorik@yandex.ru

В статье автор приводит фрагменты воспоминаний об академических и дружеских контактах с саратовским профессором Николаем Алексеевиче Троицким. При этом особое внимание уделено характеру этих отношений, научному быту, а также жизненным принципам Троицкого как ученого и человека.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, Саратовский университет, научный быт историка, жизненные принципы.

REMEMBERING NIKOLAI ALEKSEEVICH TROITSKY...

A.A. Chernobaev

(Moscow, Russia)

e-mail: aa-istorik@yandex.ru

In the article, the author gives fragments of memories of academic and friendly contacts with Saratov Professor Nikolai Alekseevich Troitsky. At the same time, special attention is paid to the nature of these relations, scientific life, as well as the life principles of Troitsky as a scientist and a person.

Keywords: N.A. Troitsky, Saratov University, scientific life of a historian, life principles.

Свыше сорока лет, не считая злосчастных в связи с нынешней пандемией 2020 и 2021 гг., я регулярно бывал в Саратове, выступал на научных конференциях, принимал участие в работе Диссертационных советов в качестве официального оппонента на защите кандидатских и докторских диссертаций в Саратовском государственном университете (ныне Национальном исследовательском университете) имени Н.Г. Чернышевского, а также в других вузах города.

У меня в Саратове немало близких товарищей, друзей. Одним из них был Николай Алексеевич Троицкий. С первых дней нашего

¹ Чернобаев Анатолий Александрович (Москва), д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института истории РАН, главный редактор журнала «Исторический архив».

личного знакомства в гостинице на берегу Волги в 1998 г. у нас установились самые добрые отношения. Сразу после этой встречи Николай Алексеевич пригласил меня к себе домой, где после обеда, за чашкой чая, он и его жена Валентина Петровна расспрашивали меня о работе журнала «Исторический архив», о московских новостях. Сблизило нас и упоминание о моих вузовских, а его аспирантских наставниках, в том числе о М.А. Барге, П.И. Кабанове, И.И. Минце, А.Л. Нарочницком. Все они были названы мною в первом издании биобиблиографического словаря «Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории», который тогда только что вышел из печати в Саратове².

В статье о Н.А. Троицком его учителем назван П.И. Кабанов³. Николай Алексеевич высказал несколько лестных слов о словаре, а затем перечислил фамилии историков, не включенных в него. Вскоре, в письме от 2 ноября 1998 г., Троицкий написал, что «присмотревшись к словарю», он увидел в нем «уж очень много пропусков ученых, научный потенциал которых многократно превосходит и количественно, и, главное, качественно», труды чиновников и полчиновников, фигурирующих в словаре⁴. С этим нельзя было не согласиться. Уже во втором издании книги⁵ я постарался учесть замечания Николая Алексеевича, высказанные в дружеском тоне: «Не отказываясь от собственных слов восторга по поводу самой идеи и, разумеется, ее полиграфического воплощения», поделюсь с Вами своими сожалениями и огорчениями⁶.

Высокую оценку научной и педагогической деятельности саратовского ученого я дал в статье «Выдающийся историк и педагог: Н.А. Троицкий в моей памяти», опубликованной в уже цитированном межвузовском сборнике научных трудов «История и

² См.: Чернобаев А.А. (автор-сост.). Историки России. Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь / Под. ред. В.А. Динеса. Саратов, 1998. С. 394–395.

³ Там же. С. 360–361.

⁴ Чернобаев А.А. Выдающийся историк и педагог: Н.А. Троицкий в моей памяти // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А.В. Гладышева, С.А. Мезина. Саратов, 2016. Вып. 13/14. С. 187–197.

⁵ См.: Чернобаев А.А. Указ. соч. 2-е изд., исправл. и доп. Саратов, 2000. Если в 1-м издании содержится краткая информация почти о 800 отечественных историках, то во 2-м – о 1567.

⁶ Чернобаев А.А. Выдающийся историк и педагог: Н.А. Троицкий в моей памяти... С. 194.

историческая память» Саратовского государственного университета 2016 г.⁷ В ней также говорится об отношениях, установившихся у Николая Алексеевича с редакцией журнала «Исторический архив», а в приложении опубликованы 12 писем Троицкого ко мне, которые свидетельствуют о его научной и гражданской позиции по многим принципиальным вопросам.

В настоящее время обширный архив ученого находится в Саратовском доме-музее Н.Г. Чернышевского. Он представляет большой научный интерес, желательно, чтобы фонд был скорее обработан и стал доступен для исследователей. Я же готов передать туда все имеющиеся у меня материалы, связанные с сохранением творческого наследия Троицкого.

В одном из разговоров со мной Николай Алексеевич посетовал, как сложно докторам наук из нестоличных городов «пробиться» в члены-корреспонденты и академики АН СССР. Между тем, говорил он, «сверху» далеко не всегда рекомендуют к избранию ученых, соответствующих столь высоким академическим званиям, что же касается «научной периферии», то здесь «отбор» кандидатур еще жестче, зависит во многом от местных чиновников. Один раз Троицкий баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР, но такой чести удостоен не был. И это несмотря на то, что уже тогда им были изданы более 20 монографий и множество статей, посвященных важнейшим проблемам истории XIX в., многие из них получили высокую оценку и в нашей стране, и за рубежом.

К сожалению, лишь шесть лет спустя после кончины Троицкого была издана главная книга его жизни – «Наполеон Великий»⁸. Николай Алексеевич неоднократно обращался в «РОССПЭН», в котором находилась рукопись монографии, с просьбой ускорить ее издание. Просил он об этом и меня, уповая на мое знакомство с руководством издательства, одного из учредителей журнала «Исторический архив». Однако и его, и мои попытки были безуспешны, у издательства не было нужных средств. Троицкий, конечно, это понимал, так как не один раз сталкивался с этим. Еще в марте 1997 г. он с горечью написал мне, что «в различных издательствах лежат без движения уже 4 моих книги – нет пресловутых спонсоров, без которых ничто

⁷ Чернобаев А.А. Выдающийся историк и педагог. С. 187–197.

⁸ См.: Троицкий Н.А. Наполеон Великий. В 2 т. Т. 1: Гражданин Наполеон; Т. 2: Император Наполеон. М., 2020.

никуда»⁹. Лишь после того, как Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) оказал финансовую поддержку изданию этой книги, оно стало возможным.

Литература о Наполеоне Бонапарте насчитывает тысячи томов. Уверен, что фундаментальный труд Троицкого – одно из лучших сочинений не только в отечественной (имею в виду широко известные в России, многократно переиздававшиеся книги Е.В. Тарле «Наполеон» и А.З. Манфреда «Наполеон Бонапарт»), но и в мировой историографии. Скажу несколько слов о вступительной статье к книге М.В. Ковалева и Ю.Г. Степанова, подготовивших рукопись к публикации, за что им низкий поклон. Выделю в статье три тезиса, которые, по мнению авторов, в наибольшей степени характеризуют Троицкого, и я разделяю их. Во-первых, в ней справедливо подчеркивается, что Николай Алексеевич «был удивительно цельным человеком. Все, что он любил и делал в своей жизни, было, по его словам, “всерьез и на всю жизнь”. Поступать по-иному он просто не мог»¹⁰. Во-вторых, Ковалев и Степанов правы, что двухтомник Троицкого о Наполеоне «привлечет внимание историков (добавлю: не только историков, но и всех вдумчивых читателей. – А.Ч.) и неизбежно породит дискуссии»¹¹. В-третьих, что «с выводами и мнением саратовского историка можно спорить, но вместе с тем многое из того, что происходит в последние годы в общественно-политической и научной жизни страны, заставляет внимательнее прислушиваться к автору “Великого Наполеона”»¹².

Н.А. Троицкий прожил непростую жизнь. В ней было немало горестей, особенно тяжело переживал он гибель сына и смерть жены, после кончины которой написал мне, что не хочет больше жить. Но он был мужественным человеком, стойко переносил все невзгоды, всегда, даже в самых неблагоприятных обстоятельствах, находил в себе силы, чтобы продолжать активно работать, заниматься любимым делом – наукой и преподаванием, воспитанием студенческой молодежи. В этом отношении Николай Алексеевич был, несомненно, счастливым человеком.

⁹ Чернобаев А.А. Выдающийся историк и педагог: Н.А. Троицкий в моей памяти... С. 193.

¹⁰ Степанов Ю.Г., Ковалев М.В. Профессор Николай Алексеевич Троицкий: «Всерьез и на всю жизнь» // *Троицкий Н.А. Наполеон Великий...* Т. 1. С. 12.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 16.

УДК 930.1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ:
СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ*

А.В. Гладышев¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: gladav2002@mail.ru

HISTORICAL MEMORY: FORMATION AND
CURRENT STATUS OF STUDY

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)
e-mail: gladav2002@mail.ru

1. Исследования памяти: терминология

Название нашей конференции «Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления» на первый взгляд выглядит весьма научно, солидно, интеллектуально. В то же время оно вуалирует весьма непростую дискуссию, которую вели гуманитарии, как с представителями естественно-научного знания, так и между собой. Дело в том, что выражение, заявленное в названии конференции – «историческая память», само по себе нейтрально и мало к чему обязывает. Историки нашли себе в шторме споров тихое местечко, такой «глаз бури», и отбиваются от всех, кто пытается у них выпросить, что же такое, собственно, они изучают под видом «исторической памяти», оцетинившись ссылками на авторитет веков и подбадривая друг друга криками: «это новая исследовательская парадигма!»

* Выступление на IX Международной научной конференции «Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления» (Саратов, 23 апреля 2021 г.).

¹ *Гладышев, Андрей Владимирович* (Саратов), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедрой региональной истории и музееведения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи».

Но, если мы взглянем на проблему шире, с точки зрения изучения памяти вообще, то увидим, что в русском языке до настоящего времени нет *общепринятого* обозначения сферы научных исследований, занимающихся изучением памяти. Поэтому отечественные авторы предпочитают использовать английское понятие «мэвори стадиз» – *memory studies*. Этим понятием иногда обозначают «исследовательское поле», а иногда и самостоятельную дисциплину.

Изучением «памяти» занимаются разные науки.

Мы должны четко разделить «память», изучаемую неврологами, нейробиологами или экспериментальными психологами и «память», изучаемую гуманитариями. В самых общих чертах различие в том, что в первом случае исследуется мозг и свойства памяти *индивида*, а во-втором случае признается существование некой *групповой памяти*.

При попытках гуманитариев определить свое связанное с памятью пространство исследований используется различный набор терминов: «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «историческая память» и т.д. В литературе можно найти десятки и даже сотни различных видов памяти! Кто-то может использовать их как синонимы, ну а кто-то пытается найти между ними смысловые различия.

2. Рождение и эволюция исследований памяти

Кто придумал эту «групповую память»? Подавляющее большинство работ по изучению памяти возводит истоки своего направления к 20-м гг. XX в., к работе ученика Э. Дюркгейма французского социолога Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925 г.).

По большому счету у Хальбвакса были предшественники. Чтобы далеко не ходить из работ XIX в. можно вспомнить работы Эрнста Ренана или Анри Бергсона. А можно и еще более удревнить традицию изучения памяти... Но тогда их идеи «не выстрелили». Другое дело интеллектуальная атмосфера начала XX в., когда набирает популярность проблематика больших социальных групп, намеченная «классами» Карла Маркса. Изучение неповторимых индивидов в прошлом остается уделом историков, а социологи, философы и психологи увлекаются массами. В пику З. Фрейду, увлеченному детством индивидов, начинается увлечение массовыми психологическими феноменами. Густав Лебон

говорит о «психологии толпы», Георг Вайц – о «психологии народов», Эмиль Дюркгейм – о «коллективных представлениях» (1898 г.), Карл Юнг – об «архетипах сознания» и «коллективном бессознательном», Люсьен Февр – о «менталитете», Жан Тард – об «общественном мнении» и т.д.

В этой атмосфере Морис Хальбвакс и выступил с критикой тезиса о фотографичности памяти индивида и «чистых» воспоминаниях (Бергсон). Хальбвакс ввел понятие «коллективной памяти» и предложил концепцию существования некоего множества памятей: коллективных (групповых) памятей столько же, сколько и социальных групп. И все эти памяти играют важнейшую функцию – функцию самоидентификации человека (семья, класс, нация, религия). Последняя из работ Хальбвакса – «Коллективная память» (1950 г.) – издана посмертно². В ней под «коллективной памятью» Хальбвакс понимал *«коллективно разделяемые репрезентации прошлого»*. Это важное уточнение: коллективы не обладают памятью, но они обуславливают память своих членов. Никто, кажется, не будет возражать против существования «коллективно разделяемых представлений о прошлом», как никто не возражает против изучения коллективных явлений в принципе – коллективного (массового) сознания и даже подсознания. С этой точки зрения, «историческая память» – обыденные представления о прошлом. «Обыденные», т.е. непрофессиональные. Имеется в виду, что профессиональный взгляд на прошлое должен демонстрировать ученый-историк, хотя и у ученого историка мы обнаружим те же обыденные представления о прошлом, находящиеся вне рамок его кандидатской диссертации.

Что было после Хальбвакса? Глядя на сноски авторов, изучающих памяти людских сообществ, может сложиться впечатление, Хальбакс со своей работой 1925 г. – одиночка, подзабытый и вновь открытый только в конце XX в.

Но психологи напомнят нам игнорируемого историками Фредерика Бартлетта («Воспоминание», 1932 г.), искусствоведы – Аби Варбурга («Атлас Мнемозины»), пытавшегося проследить, как Античность продолжала жить в новое время благодаря «образной памяти» в культуре³. Культурологи напомнят нам об изучении

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.

³ Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения Античности. СПб., 2008.

«мнемотехник» Фрэнсис Амелией Йейтс («Искусство памяти», 1966 г.). Вспомним Э. Хобсбаума, социолога Эдварда Шилза («Традиция», 1981 г.) или Отто Эксле с его работой «Настоящее мертвых» (1983 г.)... Перечень имен можно продолжить, чтобы доказать, что в изучении памяти в XX в. интеллектуального дисконти-нуитета, «разрыва» не было. Что же было?

3. Мемориальный бум

А был «мемориальный бум» сер. 1980-х гг. – сер. 1990-х., ассоцируемый обычно с проектом Пьера Нора «Места памяти» и основанием в 1989 г. в Тель-Авивском университете журнала «History and memory», специализирующегося на памяти о нацизме, расизме, войнах и конфликтах. Причины всплеска внимания к проблематике памяти разнообразны (реакция на философию постмодернизма, на глобализацию, на появление электронной памяти, на умножившиеся «войны памяти», например, на постсоветском пространстве, и т.д.).

На рубеже XX – XXI вв. заговорили о «*третьей волне*» интереса к изучению памяти⁴. Образ «волны», в отличие от образа «этапа» содержит в себе больше континуитета, чем дисконтинуитета. «Конфликты памяти» из академического сообщества и со страниц учебников по истории выплеснулись на международную арену. Все стало гораздо серьезней. В ряде стран разрабатывается «мемориальное законодательство». За нарушение закона о памяти можно получить вполне реальный тюремный срок.

Сегодня «Мэмори стадиз» междисциплинарное направление с лавинообразно растущей библиографией, но не всегда четким понимаем предмета изучения. Под изучение исторической памяти подгоняют все: от Микки Мауса до Французской революции.

Современный интерес к изучению памяти – даже не «третья волна», а девятый вал Айвазовского. Лавина публикаций как теоретического (работы Ассман), так и конкретно-исторического характера, международные конференции, лаборатории и научные центры, новые, специализирующиеся на изучении исторической памяти научные журналы... В 2015 г. учреждена Ассоциация исследований памяти. Сегодня в университетах уже сотни программ по «мэмори стадиз» (правда с разногласиями в терминологии).

⁴ Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12.

Что касается историков, то исследование исторической памяти стало для них своеобразной параллельной вселенной, другим измерением. Почему параллельным миром? Потому что все, что мы уже изучили о прошлом, можно изучить еще раз, с точки зрения того, как то или иное впечатление от того или иного события отложилось в сознании (или подсознании) людей и далее сохранялось в исторической памяти. При переносе объекта исследования с описания «вещи» на описание представлений об этой «вещи» и открываются для историков новые миры.

Наш Университет, наши гуманитарии не остались в стороне от этого «мемориального потопа». У нас нет еще как в Европейском университете С.-Петербурга специальных программ по изучению памяти. Но у нас с 2010 г. издается два раза в год сборник «История и историческая память», в котором публикуют свои изыскания не только историки, но и политологи, социологи, психологи, филологи, даже физики... Пользуясь случаем, приглашаю всех к публикациям. Спасибо за внимание и понимание.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

БГХМ –	Башкирский Государственный Художественный музей
ВГЖУ –	Воронежское Главное жандармское управление
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации.
ГА СО –	Государственный архив Саратовской области.
ГАНИСО –	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАКО –	Государственный архив Калужской области
ГАПК –	Государственный архив Пермского края
ГЖУ –	Главное жандармское управление
ГКО –	Государственный Комитет Оборона
ГОЭЛРО –	Государственный план электрификации Советской России
ЖПУЖД –	Железнодорожное полицейское управление Закавказских железных дорог
ИИЯЛ УФНЦ РАН –	Институт Истории, Языка и Литературы Уфимского Научного Центра Российской Академии Наук
КГЖУ –	Калужское губернское жандармское управление
МВТУ –	Московское Высшее техническое училище
МГУ –	Московский государственный университет
НМ РБ –	Национальный музей Республики Башкортостан
НОЦ –	Научно-образовательный центр
ОКЖ –	Отдельный корпус жандармов
РОССПЭН –	Российская политическая энциклопедия.
РСФСР –	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
РУжд	Рязано-Уральской железной дороги
ОППС –	Особое присутствие правительствующего Сената
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской империи

РГВИА –	Российский государственный военно-исторический архив
РПЦ –	Русская православная церковь
ФГОС -	Федеральный государственный образовательный стандарт
ЦНБ -	Центральная научная библиотека

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 24

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 01.07.2022. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 10,8. Тираж 100 экз. Заказ №

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru
Сайт: www.sar-print.ru